

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
КЕННАНА
В РОССИИ**

В Ы П У С К

22

Москва 2012

Научно-публицистическое издание
Выходит два раза в год

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Института Кеннана

Редакционная коллегия:

Алексей Барабашев, Юрий Батулин, Ольга Волкогонова, Игорь Клямкин, Иван Курилла, Борис Ланин, Андрей Макарычев, Эмиль Паин

Редактор: Екатерина Алексеева

Над номером работали: Павел Королев, Галина Левина, Кэтрин Мур

Верстка: Любовь Алексенко

На обложке: город Омск, торгово-выставочный комплекс «Каскад». Фото Виктора Топоркова. РОСФОТО

Адрес редакции:

119034, Москва, Хилков переулок, дом 2, строение 5
РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук»

Адрес для корреспонденции:
123001, Москва, а/я 90

Тел./факс: (495) 927-0275; 695-1168

Электронный адрес:
katya.kennan@gmail.com

ISSN 1998-5800

Мнения, высказанные в опубликованных материалах, могут не совпадать с точкой зрения редакции

При перепечатке материалов ссылка на «Вестник Института Кеннана в России» обязательна

Содержание

<i>К читателю</i>	5
Интернет и общество	
<i>Андрей Девятков, Андрей Макарычев</i> Новые медиа и сетевая субъектность в России	7
<i>Галина Никиторец-Такигава</i> О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте	13
Трудный путь к нации	
<i>Сергей Простаков</i> Россия и Украина: строительство наций на советском фундаменте	25
<i>Эмиль Паин</i> Этнические конфликты в постимперской России	35
<i>Ольга Малинова</i> Российская идентичность между идеями нации и цивилизации	48
Вызовы культурного разнообразия	
<i>Ульрих Бек</i> Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот	57
Обсуждение лекции Ульриха Бека на семинаре в Горбачев-Фонде	70
Научная жизнь	
<i>Иван Курилла</i> Кто боится учебника истории?	82
Календарь событий весны – лета 2012 года	84
Совет Товарищества выпускников Института Кеннана	87

Вести с Woodrow Wilson Plaza

Наталья Ростова
Новая моя Америка 88

Кадровые изменения в Институте Кеннана 91

Книги

Дэвид Энгерман
Индустрия изучения Кеннана: жизнь мистера X по версии
Джона Льюиса Гэддиса 92

Борис Ланин
Хроника времен Анатолия Гладилина 101

Уильям Брумфилд
Социальная история и культура Москвы рубежа XIX–XX веков
в зеркале архитектуры 108

Екатерина Алексеева
«... о том, что значит быть человеком» 112

Вышли из печати 115

Summaries 117

Приглашаем авторов к сотрудничеству 119

К читателю

Настоящий выпуск «Вестника» выходит в очередной сложный и противоречивый период жизни российского общества. Надежды на скорую модернизацию политической системы и социальных отношений, появившиеся было в связи с ростом политической активности граждан, неожиданно заявивших о своих правах влиять на судьбу страны, быстро сошли на нет. У тех, кто ждал перемен, настроение изменилось – все заметнее уныние, скепсис, новый виток разобщенности политиков и разочарования масс в возможности преодоления «исторической колеи».

Наш журнал называется «Вестник» не потому, что предвещает перемены. Мы говорим о тенденциях в общественной жизни, какими бы они ни были – обнадеживающими или удручающими. Задачей журнала кеннановского сообщества ученых всегда был и остается строгий научный анализ происходящих в стране и мире процессов. Вот и этот выпуск открывается статьями по одной из наиболее актуальных и обсуждаемых тем – роли Интернета в гражданской самоорганизации и пробуждении политической активности. Андрей Макарычев и Андрей Девятков описывают ключевые проблемы, с которыми сталкиваются исследователи этой сферы, обращая внимание на необходимость учета как политизирующих, так и деполитизирующих последствий новых медиа. Галина Никипорец-Такигава, сравнивая российский и международный опыт, на основе социологических данных, научных работ, материалов СМИ и собственных наблюдений критически оценивает специфику, потенциал и перспективы социальных медиа как инструмента мобилизации масс и формы протеста. Авторы обеих статей приходят к выво-

ду об их противоречивом и далеко не решающем влиянии на общественную жизнь. Надеемся, что представленные подходы к анализу этой проблематики окажутся полезными для российских ученых, которые только приступают к серьезному изучению этой темы, и будут способствовать развенчанию мифов по поводу невиданных перспектив интернет-активизма.

Институт Кеннана совместно с Горбачев-Фондом продолжает программу «Вызовы культурного разнообразия в глобальном мире». На июньском семинаре благодаря поддержке Фонда Ф. Эберта прочел лекцию видный германский социолог и социальный мыслитель Ульрих Бек. Он выступил с критикой методологического национализма – видения мира через призму наций-государств – и заявил о необходимости «космополитического поворота» в социологической и политической теории и исследованиях в условиях «общества глобального риска».

Статьи, подготовленные на основе этой лекции, публикует не только «Вестник», но и такие издания, как «Россия в глобальной политике» и «Полис». Однако только в нашем журнале читатель сможет познакомиться и с развернувшейся вокруг идей профессора Бека дискуссией с участием известных российских ученых и экспертов. Эмиль Паин задается вопросом о границах возможности использования самого термина «космополитизм» применительно к политической ситуации в современной России. Федор Лукьянов, признавая важность предложенного докладчиком концепта «космополитической Realpolitik», обращает внимание на неопределенность того, кто же является субъектом этой политики. Владимир Малахов вслед за профессором Беком

размышляет о возможности преодоления методологического национализма. Вадим Межуев ставит вопрос о том, возможна ли позиция методологического космополитизма за пределами западной цивилизации.

В какой-то мере в качестве полемики к материалам дискуссии о космополитизме можно рассматривать статьи, помещенные в нашей рубрике «Трудный путь к нации». Все авторы этих статей исходят из того, что в постсоветском мире национальные государства и концепция наций не только не успели изжить себя, но еще и не проявились в политической практике. Страны постсоветского мира не столько движутся в направлении гражданских наций, сколько размышляют над вопросом, а возможно ли их появление при нынешнем уровне гражданской разобщенности в большинстве новых государств региона.

Сергей Простаков рассматривает последствия и значение советского опыта национального строительства для политического развития России и Украины. Эмиль Паин, анализируя влияние различных факторов на историческую динамику этнических конфликтов в России с 1990-х годов по настоящее время, показывает, что формы конфликтов на разных этапах указанного исторического отрезка менялись, но их сущность сохранялась, поскольку она связана с незавершенностью процессов национальной консолидации. Ольга Малинова выявляет особенности дискурсивного конструирования макрополитической идентичности в Российской империи/СССР/Российской Федерации и диалектику ее национальных и цивилизационных составляющих.

Главной новостью осени для членов кеннановского товарищества, безусловно, стал уход Блэра Рубла с поста директора Института Кеннана, которым он руководил почти четверть века. Многие откликнулись на это известие словами благодарности американскому

ученому и организатору, отметив его заслуги перед российским научным и образовательным сообществом. Для многих он «сыграл исключительно важную роль не только в карьере, но и в судьбе, определив направление исследований на долгие годы вперед и открыв гораздо более широкие горизонты, чем это было до стажировки в Институте Кеннана». Он «сумел создать уникальное российское сообщество Kennan Alumni/ae, объединение людей из разных городов и регионов, занимающихся разными науками, которые теперь составляют удивительный социальный и научный организм». «Он не учил нас, россиян, оценивать Россию и постсоветский мир, глядя из Вашингтона. Он осознавал специфичность своего американского взгляда и не навязывал его нам».

В сентябре на встрече товарищества в Москве Рубл заметил, что все эти годы чувствовал огромную моральную ответственность за судьбу института, обязанность сохранить его дух и традиции, заложенные Джорджем Кеннаном. «Когда речь идет о взаимоотношениях между великими народами, их нельзя считать окончательно сформированными или исчерпывающими, если они сводятся лишь к взаимоотношениям в военной, экономической и политической сферах. В случае с Россией необходим дополнительный компонент этих взаимоотношений, который должен предусматривать встречи между людьми, интеллектуальную работу, уважение к научному труду и истории, понимание искусства, музыки и всех тех интуитивных чувств, которые даже в самые трудные времена объединяют нас со многими людьми в России», – эти идеи Кеннана созданному им институту во многом удалось воплотить в жизнь. Остается надеяться, что, несмотря на очередные «трудные времена» во взаимоотношениях двух стран, достигнутое не будет утрачено.

Редколлегия

Новые медиа и сетевая субъектность в России

Постановка проблемы

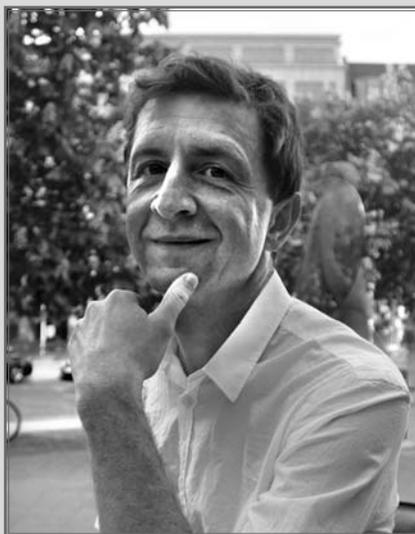
Настоящая статья носит постановочный характер и имеет целью в самом общем виде описать ключевые проблемы, с которыми сталкиваются исследователи новых форм сетевой коммуникации, будь то политические лингвисты, культурологи или социальные антропологи.

В нашем анализе мы исходим из того, что новые медиа на порядок расширяют возможности для интерактивности (а следовательно, и для интертекстуальности), которые являются необходимыми условиями социального существования и наполнения новыми смыслами любого дискурса. Мир сетевых коммуникаций существенно меняет формат речевых актов: в нем совершенно недостаточно огласить, возвестить правду, важно ее соответствующим образом подать и добиться моментального общественного резонанса. Сетевая коммуникация предполагает постоянную систему взаимных отсылок, «пульсирующих» ключевых текстов и порождаемых ими нитей взаимодействия, которые в России сплетают прежде всего субъектность протестного движения.

Действительно, эти параметры сетевой коммуникации в гораздо большей мере соответствуют потребностям сопротивления власти, чем ее консолидации. Для власти новые медиа являются либо неким аксессуаром, либо элементом пиар-стратегий, которые не носят принципиального, то есть системообразующего характера. Те фигуры правящего режима, которые используют сетевые способы общения, занимаются скорее самопрезентацией, а не диалогом (наглядный пример – аккаунт в Twitter бывшего начальника цеха

Андрей Владимирович Девятков, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета, приглашенный научный сотрудник Фонда науки и политики (Германия)

Андрей Станиславович Макарычев, доктор исторических наук, приглашенный профессор Института Восточной Европы Свободного университета Берлина, former Kennan Institute Regional Exchange Scholar

«Уралвагонзавода», а ныне полпреда президента в Уральском федеральном округе Игоря Холманских). Присутствие в сетях для них – это один из «модных» способов напоминания о себе в условиях системы, нивелирующей их индивидуальность. Одновременно это возможность подняться над средним уровнем российской бюрократии и чуть более тонко обозначить свой индивидуальный профиль. Так, для вице-преьера Дмитрия Рогозина Twitter – это один из инструментов встраивания своего патриотического имиджа в дискурсивное поле власти, для губернатора Кировской области Никиты Белых его блог – попытка найти деликатный баланс между принадлежностью к власти и симпатией к требованиям оппозиции, для руководителя «Россотрудничества» Константина Косачева – способ артикуляции в рамках официального дискурса идеи «мягкой силы», и т. д.

Но то, что для власти является способом придания самой себе большего разнообразия оттенков, для оппозиции становится средой, вне которой ее формирующаяся политическая субъектность едва ли возможна в принципе. При этом, однако, следует иметь в виду, что протестный сегмент социальных сетей семантически представляет собой очень разнородное и сегментированное пространство, изучать которое чрезвычайно сложно в силу расплывчатости самого объекта исследования и отсутствия устоявшихся методик. Отнюдь не все дискурсы, будучи формой внутригрупповой коммуникации, обязательно выходят за рамки сетевой коммуникации и приводят к эффектам, значимым для общества в целом. Социальные эффекты сетевой коммуникации не всегда очевидны, поэтому важнейшей исследовательской проблемой является объяснение механизмов перехода дискурсов в формат социальных либо политических действий.

Новые медиа: сложности понимания

Несмотря на то, что новые медиа как активный общественный ресурс существуют уже минимум два десятилетия, говорить о том, что исследователи знают, как их анализировать и понимать, не приходится. Изучение новых медиа уже прошло несколько этапов становления. Поначалу в научных и экспертных кругах доминировали две противоположные, в значительной мере идеологизированные точки зрения: с одной стороны, утверждалось, что новые медиа и интернет-пространство в целом сыграют положительную роль для сохранения и продвижения разнообразия, политической активности и демократии во всем мире. С другой стороны, скептики считали Интернет скорее элементом потребительского информационного общества, который, создавая параллельную реальность, лишь усиливает разрыв между политикой и гражданами, создает поле деятельности для демагогии и расширяет возможности для фрагментации социума на бесчисленное количество групп, объединяемых на неполитической основе. Такие точки зрения присутствуют и в России. Гражданские активисты видят в Интернете уникальную площадку для коммуникации, тогда как представители власти стремятся девальвировать позитивную роль Интернета. В частности, можно привести в качестве примера нашумевшее интервью главы избирательного штаба Владимира Путина Станислава Говорухина, в котором он заявил, что Интернет – это не что иное, как «помойка»¹.

В дальнейшем изучение роли новых медиа начало обретать более научные основания. Доминирующим становился тезис о том, что политическая активность «онлайн» в большей степени зависит от активности пользователя

¹ Говорухин назвал Интернет «помойкой в руках Госдепа». Интернет удивился [http://www.newsru.com/russia/20feb2012/govorukhin.html].

«оффлайн». Исследователи на базе уже значительных эмпирических исследований утверждали, что новые медиа скорее дают возможности реализации имеющемуся в обществе протестному потенциалу, не расширяя его в плане новых смыслов или участников. Политический мир «онлайн» – это естественное продолжение мира «оффлайн»². Фактически в рамках такой исследовательской логики новые медиа понимались лишь как инструмент, которым пользуются политически активные граждане.

В последние годы этот тезис, однако, подвергся серьезной критике. Отмечалось, что именно благодаря Интернету происходит политическая мобилизация тех социальных групп, которые в рамках традиционной политики (где избиратели воспринимаются как пассивные потребители создаваемой политической элитой информационной повестки дня) были представлены в значительно меньшей степени. Речь идет о молодежи, а также о людях с менее высоким образовательным и социальным статусом. Таким образом, вывод состоял в том, что границы мира «реальной» и виртуальной политики не совпадают³.

В результате исследовательское сообщество снова оказалось дезориентировано относительно стратегий по изучению новых медиа. Так, один из последних докладов Института мира США говорит о том, что новые медиа могут оказывать крайне противоречивое воздействие на общество. С одной стороны, они могут помогать налаживанию взаимодействия внутри определенных социальных групп. С дру-

гой стороны, новые медиа способны внести серьезный вклад в поляризацию общества, усиливая межгрупповые различия и, таким образом, далее фрагментируя социальный ландшафт на пространство противоборствующих политических идентичностей⁴.

Современные исследования также отошли от постулата о решающей роли новых медиа в политических процессах. Анализируя президентскую кампанию 2004 года в США, Араба Сей и Мануэль Кастельс пришли к выводу о том, что активное использование новых медиа значительно помогло кандидату Говарду Дину привлечь в основном молодых избирателей, которые при консервативном подходе политической элиты США, боящейся, что Интернет превратит демократию из элитарной в прямую, были исключены из традиционной политики и с удовольствием включились в новые формы политического участия. Но, как отмечают американские ученые, другие кандидаты также нарастили свое присутствие в Интернете (но не через новые медиа), а также успешно использовали классические факторы, приводящие к электоральной победе (присутствие на телевидении, обеспечение партийной поддержки и т. д.)⁵.

Новые медиа и точки политизации

Активность протестных групп, выплеснувшаяся в публичное пространство России и радикально его видоизменившая, – это совершенно новый социальный феномен, рецепты и методики изучения которого пока еще только

² Calenda D., Meijer A. Young People, the Internet and Political Participation. Findings of a Web Survey in Italy, Spain and the Netherlands. 2007. November 3 [http://www.regione.toscana.it/regione/multimedia/RT/documents/1211883107241_calenda.pdf].

³ Gibson R., Lusoli W., Ward S. Online Participation in the UK: Testing a “Contextualised” Model of Internet Effects // BJPIR. 2005. Vol. 7. P. 561–583.

⁴ Aday S., Farrell H., Lynch M., Sides J. Advancing New Media Research. United States Institute of Peace. Special Report 250. 2010. September [<http://www.usip.org/files/resources/SR%20250%20-%20Advancing%20New%20Media%20Research.pdf>].

⁵ Castells M., Sey A. From Media Politics to Networked Politics: The Internet and the Political Process // Mousepads, Shoe Leather, and Hope: Lessons from the Howard Dean Campaign for the Future of Internet Politics. Zephyr Teachout and Thomas Streeter, et al. (ed.). Boulder: Paradigm Publishers, cop., 2008. P. 225–232.

формируются. Нам представляется, что ключевая проблема академического изучения протестного движения в России – сложное и противоречивое формирование нового политического сообщества, которое строится по новым для России принципам сетевой коммуникации. Это «сообщество протеста» не является чьим-то предсуществующим агентом (в академическом смысле этого термина) и развивается по своим собственным правилам, часто скрытым от внешних наблюдателей. Именно поэтому оно вряд ли трансформируется в более или менее традиционные структуры партийного типа, которые заняли бы пустующие места в политическом спектре страны.

Протестное движение является одним из основных симптомов политизации и возрождения публичного пространства в России. *Политизация* понимается нами как процесс дискурсивного расширения публичного пространства при помощи «вбрасывания» в него тем и сюжетов, которые до этого по разным причинам не были предметом рефлексии. Это происходило либо в силу складывания вокруг них относительного (хотя и искусственного) консенсуса, либо по причине наличия ярко выраженной экспертной позиции, выступающей от имени «научного знания», либо из-за репрессивной политики государства, предотвращающего дискуссии на определенные темы, выносимые за скобки общественных дебатов.

Деполитизация означает обратный процесс – сужения пространства для дебатов и попытки убедить общество в отсутствии альтернатив при опоре на целый ряд механизмов, снижающих уровень конфликтности в общественном дискурсе. Это может достигаться при помощи утверждения в общественном сознании неполитических приоритетов общества всеобщего потребления и развлечения, формирования консенсусного знания, а также перевода политических дискуссий в неполитический регистр (юридический, экономический, финансовый и пр.).

С нашей точки зрения, понимание новых форм социально-политической активности гражданского общества в 2011–2012 годах требует анализа того, как на дискурсивном уровне работают механизмы политизации, пробивающие себе дорогу сквозь деполитизированные стратегии «партии власти». Субъектность протестных групп можно объяснить через точки («островки») политизации публичного пространства.

Очевидно, что новые медиа играют в этих процессах политизации – деполитизации существенную роль. К таковым мы относим прежде всего интернет-проекты или площадки, информационный контент которых создается на интерактивной основе с привлечением максимально широкого круга сетевых пользователей. Это и блогосфера, и активно растущие социальные сети. Создаваемый ими контент приводит либо к пассивным, либо к активным формам политизации. Читатель таких медиаресурсов может просто потреблять информационный продукт, наслаждаясь разного рода политическими манифестами, мемами, демотиваторами и т. д., а может и участвовать в их создании и переходить к согласованию политических действий со своими единомышленниками. В этом и заключается политизирующая функция новых медиа. Их роль для протестного движения в России с конца 2011 года была крайне важной, поэтому изучение взаимовлияния политического протеста и новых форм медиаактивности является одной из ключевых проблем современных социальных наук.

Кроме того, важно отметить, что сетевые дискурсы являются источником замера состояния настроений на двух уровнях: элитарном и более широком (который можно назвать общественным, или популярным, хотя в нем явно ощущаются следы присутствия гламурных фигур и соответствующих смыслов). Между этими двумя уровнями (сферами) наблюдается постоянный переток смыслов, их «трансляция» из одного языкового регистра в другой.

Исследовательские перспективы в российском контексте

Расплывчатость теоретических и эмпирических основ понимания феномена новых медиа в науке приводит, в частности, к тому, что имеющиеся исследовательские проекты по теме взаимовлияния новых медиа и российского протеста пока находятся в стадии формирования методологических и предметных рамок. В основном они фокусируются на внутренней организации блогосферы и социальных сетей на фоне имеющегося мирового опыта⁶. Есть попытки рассмотрения онлайн-дискуссий с точки зрения теории делиберативной демократии Юргена Хабермаса⁷. В других исследованиях упор делается на появление в России нового политического стиля и новой эстетики политической коммуникации, которые потенциально могут стать опасными для режима Владимира Путина⁸. Один из ярких примеров сетевых технологий – прокатившиеся по многим городам России так называемые «наномитинги», представлявшие собой медиасобытия, «участниками» которых стали игрушки и которые сделали попытку доведения до абсурда ситуации с правами человека⁹. По мнению Влада Струкова, прошедший выборный цикл в России показал, что «политическое действие разыгрывается на поле масскультуры»¹⁰, что подтверждают многочисленные работы на эту тему в рамках критической теории.

Российское протестное движение, как в плане использования новых медиа, так и в плане своих форм и содержания,

вписано в мировые тенденции. Но оно представляет собой крайне нестабильную, текучую среду. Во-первых, в ней возможна частичная деполитизация протеста в виде превращения его в одну из «модных» форм индустрии развлечений (Ксения Собчак), путем появления экономического подтекста в мотивации лидеров протестного движения (Алексей Навальный), либо путем повторяющихся дискурсивных отсылок к нарочито неполитическим мемам в лозунговом дискурсе протестного движения («Не бейте меня, у меня дети!» и пр.).

Во-вторых, формирование протестного движения и соответствующей линии расколов между властью и оппозицией слабо связано с традиционными способами членения политического пространства между «либералами» и «консерваторами», «левыми» и «правыми», «западниками» и «патриотами». Мы имеем дело с новой, более сложной системой политических различий, управлять которой чрезвычайно сложно, если вообще возможно. Протестные субъекты не складываются вокруг простых и понятных политических идентичностей и требуют более сложной и даже запутанной системы ключевых означающих и отсылок. Кроме этого, затруднена внутренняя консолидация российского протеста посредством выработки ключевых точек, стягивающих дискурс протеста и, соответственно, объединяющих сообщество протеста. Нормативных означающих в языке российского протеста крайне мало, что отличает его от аналогичных движений в Центральной и Восточной Европе, где лозунги демократии, прав человека и «возвращения в Европу» были доминирующими.

⁶ Этлинг Б. и др. Публичный дискурс в российской блогосфере. Анализ политики и мобилизации в Рунете. Исследования Центра Беркмана, 2010–2011.

⁷ Misnikov Yu. How to read and treat online public discussions among ordinary citizens beyond political mobilization. Empirical evidence from the Russian-language online forums // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. No. 7. P. 1–37.

⁸ Strukov V. Networked Putinism: The Fading Days of the (Broadcast) Era // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. No. 7. P. 122.

⁹ Нум Е. Протест в миниатюре: «наномитинги» как медиасобытия // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2012. No. 7. С. 171–180.

¹⁰ Strukov V. Op. cit. P. 114.

Заключительные ремарки

Делая выводы, отметим, что само по себе массовое распространение новых медиа в российском обществе не обязательно приводит к его постепенной политизации и росту в нем протестного сегмента. Социальные сети создают для этого некоторые дополнительные возможности, связанные с быстротой распространения информации и интерактивностью. В то же время сети содержат в себе мощный потенциал аполитичности в виде «замыкания» огромного количества микрогрупп в своих виртуальных коммуникациях, что приводит к дальнейшей фрагментации сетевого (со)общества, что скорее работает на стабилизацию режима власти, чем на его расшатывание.

Новые исследовательские проекты в сфере изучения взаимовлияния политики и новых медиа должны учитывать

как политизирующие, так и деполитизирующие последствия новых медиа. Также необходимо ориентироваться на наличие серьезного вызова для протестного движения в России, который может послужить источником для постановки интересных исследовательских задач. Прежде всего речь идет о том, способен ли протестный дискурс разрастаться и включать в себя представителей различных социальных групп, того абстрактного «большинства», которое в политических дискуссиях зачастую противопоставляется так называемому креативному классу как «источнику перемен». Перспективы диссеминации протестных смыслов можно изучать не только в плане распространения мемов, антивластных лозунгов, видеоконтента и т. д., но и разрушения иерархических, монополизированных дискурсивных практик в различных социальных пластах реальности.

О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте

«Тwitter-революция в Египте», «Сегодня на Болотной весь Facebook»¹ и подобные высказывания эффектно смотрятся в журналистских статьях, но вызывают недоверие в академических. Строго научно говоря, роль социальных медиа в революциях, гражданском протесте, мобилизации масс, пропаганде протестного движения не доказана и находится на этапе первых и малоуспешных попыток доказательств. Twitter, Facebook, «ВКонтакте», «Живой журнал», другие социальные сети, блоги, микроблоги, форумы и сайты – все так называемые «большие данные» социальных медиа трудны для исследований². Первая проблема – новизна социальных медиа и вытекающая из этого недостаточная разработанность методов сбора в них данных и их анализа. Вторая – отсутствие доступа ко всем текстам социальных медиа, так как их часть закрыта от поисковиков. Третья – ненадежность: боты³, а не реальные люди могут создать то или иное сообщение; реальные люди могут придумать себе виртуальные идентичности; рейтинги и показатели частотности могут оказаться фикцией⁴,

¹ См.: «Об этом событии говорят как об офлайн-митинге: “Сегодня на Болотной весь Facebook”» (Я пришел с красной розой... // Телекритика. 2011. 16 декабря [http://www.telekritika.ua/lyudi/2011-12-16/68092]).

² См.: *Manovich L.* Trending: The Promises and the Challenges of Big Social Data. 2011 [http://www.manovich.net/DOCS/Manovich_trending_paper.pdf].

³ Бот (сокр. от «робот») – компьютерная программа, выполняющая различные функции и использующая для ввода и вывода сообщения, поддерживаемые протоколом данного чата.

⁴ Например, социальный рейтинг, который запустил «Живой журнал» в 2012 году, позволяет определить, кто в ЖЖ является самым читаемым блогером. При этом блогеры, которым не нравится, что их активность и количество «линков» (ссылок) и «фолловеров» (подписчиков)

**Галина Юрьевна
Никипорец-Такигава,**
кандидат филологических наук,
научный сотрудник проекта «Война
памяти» (*Memory at War*), отделение
славистики,
Кембриджский университет
(Великобритания)

и т. д. Четвертая – помимо недоступности и ненадежности социальные медиа еще и трудноуловимы. Как удачно выразился на этот счет Дэвид Карпф, пока мы напишем заявку на грант, его выиграем, получим серьезные результаты, опубликуем их в солидном журнале, объект нашего исследовательского интереса может исчезнуть⁵. Так, пока мы писали про блоги и «Живой журнал» как влиятельные СМИ, на смену им пришел Twitter. Пока публиковали книги, где уверяли, что Интернет будет англоязычным⁶, он заговорил на многих языках (см. табл. 1)⁷. Есть и другие особенности Интернета и социальных медиа, которые мешают уточнить роль социальных медиа в российском гражданском протесте. Можно, тем не менее, дополнять поиски в твитах, записях и комментариях анализом результатов социологических опросов, а также привлекать опыт других стран, в частности тех, которые имеют более богатую историю использования социальных медиа в разных видах гражданского протеста.

Безусловно, наивным выглядит стремление, довольно сильное в западной славистике, применять теории, созданные на чужом материале, к российскому. Не хотелось бы, чтобы статья прочитывалась таким образом. В своих рассуждениях и выводах мы опираемся прежде всего на данные постоянного наблюдения за развитием российского протеста и его обсуждения в социальных медиа. Однако в попытке критического осмысления российского опыта предлагаем поместить его в международный контекст.

Влияет ли распространение Интернета и социальных медиа на рост гражданской активности? Для ответа на этот вопрос, прежде всего, рассмотрим расхожие утверждения, что Россия разделена на две «партии» – «телевизора» и «Интернета»⁸; «партия Интернета» малочисленнее, но политически активнее; оппозиция не может доносить свои идеи до большинства, потому что оно из «партии телевизора», и в этом причина слабости российского протестного движения.

С 2002 года Россия находится в десятке стран с самыми высокими показателями проникновения Интернета в процентном отношении к численности населения (девятое место в 2012 году) (рис. 1).

На весну 2012 года проникновение Интернета среди взрослого (старше 18 лет) населения России составило 51%, или 59,5 млн человек, при этом доля активной аудитории, выходящей в Интернет хотя бы раз за сутки, – 39% (46,6 млн человек). С 2007 года число россиян, которые выходили в Интернет каждый день, ежегодно увеличивалось на 10–15% и по данным на весну 2011 года (до начала российского протеста) составляло почти 40 млн.

О чем говорят эти цифры? Что у половины россиян нет доступа к Интернету. Но у половины есть. Поэтому можно усомниться в отсутствии этого доступа у кого-нибудь из близких и коллег таксиста из Ростовской области, который, по свидетельству сотрудника радиостанции «Эхо Москвы» и

на обновления какого-либо пользователя) находятся под контролем, придумали способы его избежать. Некоторые блогеры, наоборот, ревностно следят за своим рейтингом. Не очень честные блогеры «накручивают». При этом сама процедура подсчета и присвоения рейтингов вызывает сомнения в своей методологической безупречности.

⁵ *Karpf D. The MoveOn Effect: The Unexpected Transformation of American Political Advocacy. Oxford University Press, 2011. См. также: Как, когда и почему умрет российская блогосфера // Аргументы и факты. Онлайн-конференция. 2010. 22 октября [http://www.aif.ru/onlineconf/5234/].*

⁶ «Certainly everybody seems to be sure that the Internet will be an English lake» («Ни у кого сегодня, кажется, не вызывает сомнений, что Интернет будет англоязычным») (*Nunberg G. Languages in the Wired World // Judt T., Lacorne D. (eds.) Language, Nation, and State: Identity Politics in a Multilingual Age. Palgrave, 2004. P. 231.*)

⁷ См.: *Manovich L. Op. cit.*

⁸ *Захаров М. «Партия телевизора» живет и побеждает // Полит.ру. 2012. 5 июня [http://polit.ru/article/2012/06/05/internet_tv/].*

Таблица 1. Десять самых распространенных в Сети языков

Количество интернет-пользователей, использующих тот или иной язык					
Язык	Интернет-пользователи, использующие тот или иной язык	Проникновение Интернета на том или ином языке (%)	Рост числа интернет-пользователей (2000–2011)	Интернет-пользователи (% от общего числа)	Население Земли по языковой принадлежности (данные на 2011 год)
Английский	565 004 126	43,4%	301,4%	26,8%	1 302 275 670
Китайский	509 965 013	37,2%	1 478,7%	24,2%	1 372 226 042
Испанский	164 968 742	39,0%	807,4%	7,8%	423 085 806
Японский	99 182 000	78,4%	110,7%	4,7%	126 475 664
Португальский	82 585 600	32,5%	990,1%	3,9%	253 947 594
Немецкий	75 422 674	79,5%	174,1%	3,6%	94 842 656
Арабский	65 365 400	18,8%	2 501,2%	3,3%	347 002 991
Французский	59 779 525	17,2%	398,2%	3,0%	347 932 305
Русский	59 700 000	42,8%	1 825,8%	3,0%	139 390 205
Корейский	39 440 000	55,2%	107,1%	2,0%	71 393 343
10 самых распространенных языков	1 615 957 333	36,4%	421,2%	82,2%	4 442 056 069
Остальные языки	350 557 483	14,6%	588,5%	17,8%	2 403 553 891
Всего в мире	2 099 926 965	30,3%	481,7%	100,0%	6 930 055 154

Примечания: (1) данные на 31 мая 2011 года; (2) проникновение Интернета – это соотношение между суммарным числом интернет-пользователей, говорящих на данном языке, и общей численностью населения, которое говорит на этом языке.

Источник: Internet World Stats [<http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>].

организатора агитационных «походов в народ» Мити Алешковского, не знал, что «у вас в Москве такое творится». В Южном федеральном округе, в котором Ростовская область не самый обойденный Интернетом регион, на весну 2012 года 43% населения имели Интернет; было зарегистрировано в

среднем 29 доменов на 1000 пользователей; средняя стоимость проводного доступа в Интернет на скорости 1 Мбит/с в крупнейших городах округа составляла 128 руб. в месяц⁹. При этом есть большая вероятность того, что Интернет этот находится буквально в руке, потому что «одними из самых

⁹ Развитие Интернета в регионах России [http://download.yandex.ru/company/ya_regions_report_spring_2012.pdf].

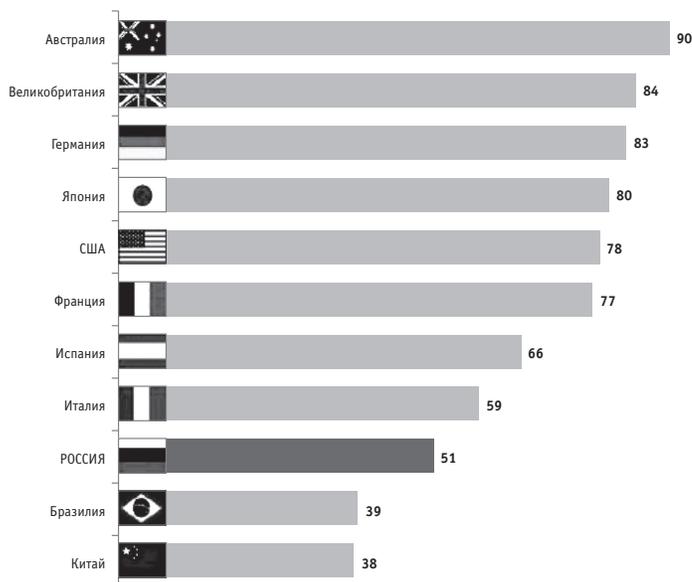

Рисунок 1. Проникновение Интернета в странах, % от населения

Примечание: данные на весну 2012 года.

Источник: ФОМ [runet.fom.ru/files/download/1387].

активных пользователей мобильного Интернета являются жители маленьких городов и деревень, где нет широкополосного доступа»¹⁰.

Если даже предположить, что ни у кого в Ростовской области нет Интернета, то что думать по поводу телевидения? Что «в Москве такое творится», согласно данным журналистов того же «Эха»¹¹, после 8 декабря¹² можно было увидеть на всех каналах, на некоторых – в деталях. Конечно, телевидение недоговаривало, искажало, но привыкшего реконструировать недосказанности российского человека могло бы по крайней мере заинтересовать, что же происходит¹³. Даже если учесть, что навык реконструкции недосказанностей после распада СССР российский человек заметно растерял и поверил, что митинговать вышла кучка празд-

ношатающихся и чем-то недовольных, он был об идущих в Москве митингах информирован. Следовательно, полное на этот счет неведение обусловлено не фактором медийного вакуума, а скорее сильным нежеланием знать или безразличием.

Вернемся к данным социологов и выясним, можно ли считать 51% россиян, которые точно имеют доступ к Интернету, причем 39% из них – ежедневный, «партией Интернета».

92% россиян чаще всего узнают новости и информацию по телевидению, 38% – из печатной прессы, 32% – из новостных сайтов в Интернете, 25% – из разговоров с родственниками, друзьями, знакомыми, 25% – по радио, 12% – из форумов, блогов, сайтов социальных сетей. Для самых активных пользователей Интернета – «высокоресурс-

¹⁰ Интернет в России // ФОМ [http://fom.ru/internet/10157, http://fom.ru/SMI-i-internet/10481, http://fom.ru/SMI-i-internet/10481].

¹¹ Покрытие «Эха Москвы» в регионах – 46 млн человек, но понятно, что у него есть своя аудитория.

¹² По утверждению Ирины Петровской, 4–8 декабря информации не было: Человек из телевизора // Эхо Москвы. 2011. 10 декабря [http://echo.msk.ru/programs/personstv/837717-echo/].

¹³ Я пришел с красной розой...

ных»¹⁴ работников эти показатели: 81% – по телевидению, 36% – из печатной прессы, 67% – из новостных сайтов в Интернете, 37% – из разговоров с родственниками, друзьями, знакомыми, 31% – по радио, 32% – из форумов, блогов, сайтов социальных сетей. При этом, отвечая на вопрос: «Скажите, пожалуйста, новостям, информации из какого источника вы доверяете больше всего?», россияне назвали телевидение (55%), печатную прессу (13%), новостные сайты в Интернете (5%) в большей степени заслуживающими доверия по сравнению с разговорами (3%), радио (3%), форумами, блогами и сайтами социальных сетей (2%). Это в среднем по стране. Но и высокоресурсные работники доверяют прежде всего телевидению (36%), печатной прессе (31%) и радио (9%), а уже потом онлайн-источникам – новостным сайтам в Интернете (4%), форумам, блогам, сайтам социальных сетей (2%)¹⁵.

Эти данные не показывают, сколько именно россиян узнает новости и информацию только из Интернета, ни разу не включив телевизор. Они показывают, что наиболее активно использующая интернет-источники для получения информации часть россиян пользуется наряду с ними и телевидением, и радио, и газетами, в большей степени доверяя информации и новостям не из Интернета. Им ничто не мешает ограничить свое информационное поле только Интернетом, который предлагает больше информации, разрешает ее выбирать и не тратить времени и денег на ненужную информацию, к тому же это удобнее и с каждым днем становится еще удобней. Однако этого не происходит, что *ставит под сомнение деление России на «партию телевизора» и «партию*

Интернета». А если все-таки выделить «партию Интернета», значит ли это, что она наиболее политически активна?

«Нужно изучать динамику развития Интернета и попутно избавляться от мифов, – считает Кирилл Мартынов. – Одним из таких мифов является уже упомянутое утверждение, согласно которому есть “партия Интернета” и “партия телевизора”. Сто лет назад, наверное, что-то подобное тоже писали о передовых радиолюбителях и безмозглых читателях газет, но сейчас ошибку можно не повторять. Известно, что 46% жителей России сегодня охвачены Сетью, а аудитория “Яндекса” уже сравнялась с аудиторией “Первого канала”. Другой вопрос – что мы можем сказать о всех этих людях Сети»¹⁶.

Мы можем с большой долей уверенности сказать, что «люди Сети» делятся на множество разных групп, партий, объединений, сообществ и обществ и ни к кому не примыкающих индивидуумов сообразно вкусам, интересам, взглядам.

В России определенно есть «партия», выбирающая «Эхо Москвы», «Дождь», Lenta.ru, Gazeta.ru, Polit.ru, Grani.ru, «Новую газету», еще какие-то немногочисленные либеральные площадки, форумы, блоги. Эта партия, возможно, совсем не смотрит телевизор, а может, и смотрит, в частности для того, чтобы увидеть полярную по отношению к собственной точке зрения.

Есть «партии», выбирающие «Суть времени», «Советскую Россию», «День», «Завтра», «Взгляд». К источникам, перечисленным выше, они не прибегают, противоположной точкой зрения не интересуются. И тоже могут активно пользоваться Интернетом (или же пользоваться меньше, или совсем не пользоваться).

¹⁴ Ресурсная ФОМ-типология российского населения разделяет взрослое население страны на пять групп в зависимости от комплекса ресурсов, которыми могут обладать люди (материальное положение, уровень образования, род занятий, сфера занятости, место жительства, владение современными потребительскими практиками). Соотношение между группами на 2011 год: высокоресурсные работники – 17%; среднересурсные работники – 35%; низкоресурсные работники – 20%; среднересурсные пенсионеры – 11%; низкоресурсные пенсионеры – 17% (См.: Интернет в России...).

¹⁵ Интернет в России...

¹⁶ Мартынов К. Темный Интернет. 2012 [http://mn.ru/oped/20120531/319293344.html].

Бывают «партии» без четкой политической позиции, но с четким предпочтением Интернета телевизору, потому что им он больше нравится. Есть и такие, которые в силу разных, совсем не политических причин выбирают телевизор. Есть те, которым все равно, откуда получать новости и информацию. И наконец, те, которым не хочется их получать. Они используют телевизор и Интернет только для развлечения.

Последних немало, сколько точно, социологи не узнают, но можно предположить, что больше, чем киберактивистов. Точно так же как потребителей телевидения для отдыха и удовольствия явно больше, чем потребителей исключительно аналитических передач и выпусков новостей¹⁷.

«Но в глубине есть и другой Интернет – темный, немой, пугающий и завораживающий, – пишет Мартынов. – Его населяют миллионы наших сограждан, которые дарят друг другу виртуальные сердечки, фотографируются на фоне бассейнов в турецких отелях, продают и покупают подержанные авто. Их дети жестоки и рано взрослеют, их женщины начинают разговор страшным словом “приветтики”. Здесь свое высшее воплощение получила культура копи-паста. На миллионах страничках изо дня в день появляются одинаковые приколы, коллажи, видеоролики. Речь даже не идет о цитировании, ведь это цитата без оригинала и источника. Как же работает вся эта молчаливая машина? Кажется, мы совсем не знаем Интернета, в котором живем. И вряд ли получится так уж просто создать из него “партию”. Да, и вот еще. Сейчас много говорят о новом народничестве. Дескать, нужно закрыть ноутбук и уйти туда, в народ, к живым людям. Так вот это тоже миф. Люди уже при-

шли к вам в ноутбук сами, просто вы их не заметили, как не заметите, впрочем, и при встрече на улице. Народничество сегодня начинается и заканчивается в Сети. Кибернародники должны отправиться в темный Интернет – учиться жизни. Так что удалите Facebook, заведите “Мой мир”»¹⁸.

Описанное разнообразие вкусов и потребностей пользователей Интернета мешает объединить их в одну «партию» и ставит под сомнение взаимосвязь наличия Интернета и политической активности его пользователя.

Далее попробуем критически оценить специфику, потенциал и перспективы социальных медиа как инструмента мобилизации масс и формы протеста, сравнивая российский и международный опыт.

После цунами и землетрясения 2011 года в разных японских городах начались митинги и демонстрации под лозунгами борьбы против правительственных планов размораживания атомных станций и развития ядерной энергетики. В марте такой митинг впервые собрался в Токио напротив резиденции премьер-министра. Радиоактивная обстановка в стране и то, что правительство и государственный и одновременно самый влиятельный и вызывающий в стране доверие канал NHK оперируют одними данными и не комментируют другие, которые появляются в Интернете и на частных каналах, – темы близкие, болезненные, обсуждаемые. Несмотря на это под лозунгом «Долой атомные станции» собралось 300 человек. Люди самоорганизовывались главным образом через Twitter, открыли сайт, звали массы выйти на улицу. Чтобы привлечь активную работающую часть населения, был придуман удобный формат: пят-

¹⁷ «В этом смысле интересны свежие данные “Левада-центра”, чьи полстеры в конце мая опросили граждан на тему “что из последних событий Вам запомнилось больше всего”. В четверке лидеров оказались: парад и празднование Победы (52%), инаугурация Путина (36%), победа хоккейной сборной на чемпионате мира (22%) и финал конкурса “Евровидение” (20%). Столичные протесты российским гражданам запомнились меньше. Разгон шествия 6 мая упомянули 13% респондентов (столько же вспомнили про утверждение Медведева премьером), прочие протесты (вроде гуляний и “окупаев”) – 11%» (цит. по: *Захаров М. Указ. соч.*).

¹⁸ *Мартынов К. Указ. соч.*

ница, после работы, но коротко – час-два до восьми вечера, чтобы дать людям и отдохнуть.

Митинги шли всю весну, но были немногочисленны. Сайт активистов не пользовался большой популярностью, и из 30-миллионного (вместе с городами-спутниками, расположенными в часе езды на городском транспорте от центра мегаполиса) Токио на митинги собирались не более 2 тыс. человек. В июне ситуация радикально изменилась. Заслуги социальных медиа в этом не было. В июне правительство приняло решение возобновить строительство станции Оои на севере от Осаки в префектуре Фукии. Если раньше протест выражал общее недовольство, то теперь у него появился конкретный лозунг: «Долой строительство Оои». Кроме того, активисты решили не полагаться на Интернет и подключили «сарафанное радио», раздавали листовки, разговаривали с людьми, просили их рассказать другим о митингах. Далее к митингу присоединился бывший премьер-министр Хатояма. В результате уже в июне на митинги вышло 30 тысяч. Только после этого организационная деятельность вернулась обратно в Twitter и сайт заработал активнее. В августе на митинги собиралось более 45 тыс. человек еженедельно.

Этот пример доказывает, что *социальные медиа не всегда эффективны в качестве инструмента мобилизации*. Подтверждает это и «арабская весна». В протестных акциях были задействованы Twitter и Facebook, но специалисты по региону возражают против названий «twitter-революция» и/или «facebook-революция», которые преуменьшают роль внеинтернетных факторов и не учитывают многолетней истории протеста. Для большей доказательности

приводятся скромные цифры проникновения Интернета и наличия у населения мобильных телефонов на момент начала протеста. «Социальные сети – это мы. Мы пользуемся любыми средствами. Это может быть Интернет, может быть телефон, можем общаться письменно. Отключение Интернета не отключило связи между людьми, потому что за связями люди, а не технологии», – утверждает участник протестов в Египте¹⁹.

Социальные медиа плохо справляются с задачей объединения разных партий для общего дела, например для совместной акции. Перед российским протестом стоит такая задача, и петербургский опыт последнего, сентябрьского «Марша миллионов» показал, насколько плохо она решается. Интернет не поможет разным партиям договориться. Напротив, *социальные медиа усиливают поляризацию* – такой вывод делается как в ранних, так и в новейших исследованиях возможностей использования социальных медиа для целей политической борьбы, например в избирательных кампаниях²⁰. «Социальные медиа успешно и эффективно используются неправительственными организациями и оппозиционными партиями для контактов между их членами, упрочивая тем самым внутрипартийные и внутриорганизационные связи, сплачивая сторонников, но тем самым усиливая поляризацию и экстремизм», – заключил Касс Санстейн, изучив линки либералов и консерваторов и обнаружив, что они никогда не читают блоги друг друга и даже не обсуждают одну и ту же тему²¹. «Интернет и блогосфера расширяют объем доступной информации, и это прекрасное средство прежде всего для любопытных и свободно мыслящих людей. Вместе с тем из-за блогосферы

¹⁹ Цит. по: Alexander A., Aouragh M. The Egyptian Experience: Sense and Nonsense of the Internet Revolution // International Journal of Communication. 2011. No. 5. P. 1351.

²⁰ Sunstein C. Republic.com 2.0. Princeton University Press, 2007; Woolley J., Limperos A., Oliver M. The 2008 Presidential Election, 2.0: A Content Analysis of User-Generated Political Facebook Groups // New Media, Campaigning and the 2008 Facebook Election. Routledge, 2011. P. 79–100; How Facebook could help swing the US election // NewScientist. 2012. September 12 [http://www.newscientist.com/article/dn22261-how-facebook-could-help-swing-the-us-election.html].

²¹ Sunstein C. Op. cit. P. 150.

часто возникают ошибки, недопонимание, гневные нападки, беспричинный гнев – с демократической точки зрения праздновать тут нечего»²².

Потенциал Интернета и социальных медиа как демократизаторов ставит под сомнение и белорусский журналист, приглашенный исследователь в Стэнфордском университете Евгений Морозов в своей книге «Сетевые иллюзии: темная сторона свободы Интернета», вышедшей в январе 2011 года²³. Он доказывает почти полную непригодность Интернета для либерализации и демократизации авторитарных режимов, предупреждая от веры в технологический детерминизм на пути к демократии и в Интернет как главный или даже единственный ее инструмент. Его критика направлена главным образом против западных правительств, «которые после “арабской весны” даже удвоили свои усилия в области “Internet Freedom”»²⁴. Большой парадокс, по его мнению, состоит в том, что, продвигая Интернет в другие страны, эти правительства не прочь ограничить его у себя дома. Так, например, «Дэвид Кэмерон пригрозил выключить Facebook и Twitter во время беспорядков в Лондоне», «американские сенаторы доказывают свою решимость продвигать свободный, нерегулируемый и бесконтрольный Интернет где угодно, но не в Америке»²⁵, «ФБР недавно объявило о том, что собирается повысить давление на такие интернет-фирмы, как Skype и Facebook, чтобы они

встроили “черные ходы”, с помощью которых можно было бы наблюдать за активностью любого пользователя»²⁶.

Среди «темных сторон свободы Интернета» тот факт, что социальные медиа облегчают авторитарным правительствам цензуру, шантаж, шпионаж и слежку за оппозицией²⁷, а также пропагандистские кампании, в которых они преуспели больше, чем медиаактивисты. «То, что авторитарные государства управляются идиотами, не понимающими такие вещи, как Интернет, и восстановившими против себя весь народ, – глупый, старый предрассудок. На самом деле ключевые посты частично заняты очень умными людьми. У них очень хорошие консультанты, часто западные. Они покупают западные технологии и часто отлично знают, как использовать Интернет в личных целях»²⁸.

Более того, российская государственная машина давно вступила на тот же путь, что и китайская, которая, как замечает Морозов в упомянутой лекции, «не отключила Интернет, но купила блогеров». Впрочем, трудно признать попытки «положить» на время протеста либеральные СМИ и бесхитростные спам-атаки на Twitter продуманной и оплаченной государственной мерой политических репрессий. Евгений Касперский допускает, что сами пользователи могли «закликать» сайты²⁹, можно заподозрить также действия одиночек – борцов с «оранжевой» угрозой, а РБК в своем материале объясняет, насколько

²² Ibid. P. 146.

²³ Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. PublicAffairs, 2011.

²⁴ Ibid. P. 322.

²⁵ Ibid. P. 321–322.

²⁶ Евгений Морозов: Почему Интернет не спасет мир [http://www.inopressa.ru/article/04jul2012/fraktuell/internet.html].

²⁷ Например, «для установления связей активистов, для чего раньше использовались пытки», – утверждает Морозов в публичной лекции для TED «How the Net Aids Dictatorships» // TEDGlobal. 2009 [http://www.ted.com/talks/evgeny_morozov_is_the_internet_what_orwell_feared.html]. «Мы уже сегодня носим с собой сотовые телефоны, по которым можно определить наше местоположение в любой момент. В комбинации со всеми данными, которые мы добровольно размещаем на Facebook, власти получают гораздо больше информации, чем они отваживались мечтать всего несколько лет тому назад», – заключает он (Евгений Морозов: Почему Интернет не спасет мир...).

²⁸ Евгений Морозов: Почему Интернет не спасет мир...

²⁹ Серьгина Е. Расследование РБК daily: кто стоит за DDoS-атаками на медиаресурсы // РБК daily. 2011. 12 декабря [http://www.rbcdaily.ru/2011/12/12/media/562949982268248].

несложно организовать «укладку» любого сайта³⁰. Во время «Марша миллионов» 15 сентября телеканал «Дождь» непрерывно вел прямую twitter-трансляцию, радиостанция «Эхо Москвы» работала. Мобильный Интернет давал сбои во время митинга на проспекте Сахарова, но эта ситуация настолько привычна для митингующих, что даже используется как ориентир в ходе протеста: «О, у меня Интернет заработал, значит, митинг идет к концу» – один из твитов под тегом «#маршмиллионов» 15 сентября 2012 года.

Киберактивизм может превратиться в симулякр активизма. Как показывает практика России и других стран, интернет-регистрация не означает, что столько же людей выйдет на улицы. Интернет растит поколения «слактивистов»³¹, которые не идут на улицы, а считают клик по петиции в Facebook политическим актом. Эта особенность киберактивизма отражена в ставшей популярной в Египте шутке: «Почему тунисская молодежь выходит на демонстрации? У них что, нет Facebook?»³²

Социальные медиа плохо служат задаче расширения рядов, которая стоит перед каждой партией и группой внутри разобщенной российской оппозиции. Вспомним, что до митингов на Болотной площади и проспекте Сахарова Интернетом пользовалась половина России. При этом несистемная оппозиция, используя его как главное средство массовой информации, работала не с половиной страны и не ставила перед собой такую цель. Алексей Навальный так комментировал результаты опросов 22 мая 2011 года, которые показывали, что население России о нем «практически не слышало»: «Это совершенно

нормально. Те люди, до которых я могу дотянуться через Интернет, не затрачивая ни одной копейки, – их миллионы. Поэтому задача сейчас уже – не охватить новую аудиторию, а убедить тех людей, с которыми я могу общаться, в том, что я действую правильно и проект “РосПил” действительно имеет правильную ориентировку. Никакой борьбы за телевидение не нужно вести. Интернет сейчас дает возможность эффективно охватывать не меньше чем 20% городского населения страны – а это огромная цифра. Даже с точки зрения политики – нет задачи рассказать о нашей деятельности каждой бабушке, которая живет в Рязани и компьютера в глаза не видела. Мы в первую очередь должны рассказать это политически активному населению, тем людям, которые интересуются новостями»³³.

«Рассказать» и тем более «убедить» посредством Интернета не очень просто. Социальные медиа – это специфическое дискурсивное пространство, где каждое произнесенное слово мгновенно оценивается, эмоционально комментируется, критикуется, поправляется, принимается, отвергается. «Российский блогер номер один» Другой говорит об этом так: «В ЖЖ есть такой тренд: негативное восприятие любой информации, особенно той, которая исходит от блогеров с высоким рейтингом. Поразительное число людей оставляют комментарии, чтобы хоть как-то тебя задеть. Цепляются к словам, буквам. Эта деструкция налицо. Это такое времяпрепровождение. Говорят, в ЖЖ 3 млн блогеров. Ерунда! Людей, которые ведут дневники, там один процент. Все остальные – комментаторы. Чем ты популярнее, тем эти комментарии бо-

³⁰ Там же.

³¹ Слактивизм (slacktivism) – от английских слов «slack» («лентяй») и «activism» («активизм»). Выражение своей позиции без особых умственных или физических затрат, поддержка решения проблемы, но без усилий для ее фактического решения.

³² Alexander A., Aouragh M. Op. cit. P. 1354.

³³ «Откуда люди вообще могут узнать о моем существовании?» Почему проект «РосПил» недостаточно популярен [http://fom.ru/internet/75]. О том, как оппозиция пользовалась Интернетом до протеста, см. также: Aron L. Nyetizdat: how the internet is building civil society in Russia // American Enterprise Institute. 2011. June 28 [http://www.aei.org/article/nyetizdat-how-the-internet-is-building-civil-society-in-russia/].

лее злые. Тебя пытаются изо всех сил ущипнуть»³⁴.

Побывавшему на этом поле даже единомышленнику и стороннику, давно сочувствующему протесту, трудно не поколебаться в своих убеждениях. Представим на его месте неопита, который специально или случайно зашел в социальные медиа, чтобы узнать, что делается в Москве и других городах и не стоит ли ему к этому присоединиться. «Неясность утомила уже. “Марш миллионов” – это хорошо или плохо?» – один из твитов в обсуждениях «Марша миллионов» 12 июня. Это и следствие деструктивной работы спама, дискредитирующих оппозицию пиар-атак, злобных комментариев искренних противников оппозиции. Так, во время «Марша миллионов» 15 сентября в трендах русскоязычного Twitter на втором месте держался тег «#тухлый-марш».

В ситуации разрозненности в рядах оппозиции, отсутствия четких программ социальные медиа усложняют задачу привлечения народа на ее сторону. Это дискурсивное поле разрушает производимые в нем смыслы, идею, затрудняет понимание, дезориентирует. Социальные медиа свободны для выражения любой точки зрения, не фильтруя, не запрещая экстремизм, открытую агрессию, радикализм. Они подчеркнута и часто намеренно экспрессивны³⁵, ведут к спорам, ссорам, могут служить триггером войн, конфликтов, кровавых столкновений³⁶. Слишком много полярных

точек зрения усложняют задачу понимания. Особенности обмена информацией и мнениями в социальных сетях и Интернете: спонтанность, скорость, полилогичность, экспрессивность – не годятся для того, чтобы донести идею, додумать, доформулировать, убедить в ней, увлечь ею.

Однако все вышесказанное *не должно вселять киберпессимизма*³⁷. *Социальные сети обладают значительным потенциалом развития как источник информации*. «Мы присутствуем при зарождении нового формата СМИ, когда человек получает информацию не от профессионалов журналистики, а от своих собственных “фрэндов”. Необходимость в чтении длинных текстов отпала, люди читают короткие, но много. Длинные тексты есть, но их мало»³⁸.

Социальные медиа – лучшее, быстрое, удобное средство извещения о времени и месте акции. Интернет-голосования, интернет-кошельки, интернет-оповещения, интернет-регистрации – все это сильно упростило работу активистов («Найдите в Интернете анкету, заполните», «Я открыла счет, помогите собрать деньги» – из выступлений на митинге «Марша миллионов» 15 сентября). DDoS-атаки и прочие средства интернет-цензуры не сильно усложняют жизнь – с технической точки зрения в этой борьбе ботов и людей, спамеров и тех, против кого они работают³⁹, не может быть победителя.

«Да, сейчас Интернет, который, если его не отключат, может позволить мо-

³⁴ Нет, он не Байрон, он другой. Рустем Агадамов о ЖЖ, СМИ, рекламе и законах популярности. 2010. 4 января [http://www.chaskor.ru/p.php?id=10741].

³⁵ Чтобы в этом лишний раз убедиться, можно сравнить два текста: статью из газеты «Взгляд» под названием «Шкуры неубитого протеста» с подзаголовком «Либералы и националисты продолжают бороться за протестующих» и почти полную копию этой статьи в блоге «Либерасты и русские националисты продолжают бороться». Блог отличается от статьи всего несколькими словами, среди которых «либераст», которому в статье соответствует слово «либерал».

³⁶ Kuntsman A. Online Memories, Digital Conflicts and the Cybertouch of War // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2010. No. 4. P. 2 [http://www.digitalicons.org/issue04/adi-kuntsman/].

³⁷ Воспользуюсь удачным «измом» Морозова.

³⁸ Как, когда и почему умрет российская блогосфера...

³⁹ См. интересные подробности в: Радченко Д., Писаревская Д., Ксенофонтowa И. Логика виртуального протеста: неделя после выборов-2011 // Антропологический форум. 2012. № 16 Online. Протестные митинги в декабре 2011 года: опыт оперативного исследования. С. 108–126. [http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/radchenko_pisarevskaya_ksenofontova2.pdf].

билизировать людей, создать сначала виртуальные протесты в разных больших центрах страны, проиграть тщательно варианты и только потом разворачивать реальный протест», – говорит о мобилизационном потенциале социальных медиа академик Вячеслав Иванов⁴⁰.

Социальные медиа очень эффективны в местах с высоким уровнем проникновения Интернета при низкой плотности населения. Международный опыт показал, что в ходе протестов против американской военной программы размещения на Аляске, в Гренландии, Великобритании и Южной Корее радаров для противоракетной обороны, жители Аляски, которая на тот момент имела самый высокий уровень проникновения Интернета в США из-за своей низкой плотности населения, очень активно пользовались Интернетом. Тогда как в Великобритании из-за большей плотности населения, меньшего уровня проникновения Интернета (менее 40% населения на тот момент) и меньшей объективной необходимости пользоваться Интернетом активисты предпочитали использовать не столько Интернет (его задействовали только для общей информации о своей деятельности), сколько личные контакты и телефон (для того чтобы собраться и пригласить друзей и знакомых участвовать в акции)⁴¹. Если сбудется прогноз о том, что в 2014 году уровень проникновения Интернета в России составит 98%, деятельность российских активистов не будет детерминирована фактором рас-

стояния – Интернет позволит доносить информацию (при условии запроса на нее) в самые отдаленные районы и координировать акции (если таковые понадобятся).

Интернет дает наиболее полный доступ к информации и является наименее подцензурным каналом получения и обмена информацией в России. «Поищите в Интернете», – призывали народ выступающие на митинге «Марша миллионов» 15 сентября, не упоминая другие СМИ. Накануне, во время и после уличных акций они подробно обсуждаются в Сети⁴². Интернет больше подходит для целей активистов как источник объективной, детальной информации о протесте, в то время как телевидение может нанести большой вред, не информируя или освещая происходящее лишь в негативном ключе, подчеркивая малочисленность, разобщенность протестующих, избирательно ведя съемку, редактируя высказывания интервьюируемых или используя другие практики манипулирования общественным мнением⁴³. Устойчивое восприятие телевидения как наиболее подцензурного и контролируемого государством СМИ и любопытство склоняют симпатии в сторону более свободного и разнообразного Интернета. В России власть не отключает Интернет, не блокирует работу иностранных поисковых сервисов. Российский Интернет, в отличие, например, от китайского, не изолирован: несмотря на наличие очень по-

⁴⁰ Вячеслав Иванов: «Если они испугаются, то начнут делать необратимые вещи» // The New Times. 2012. 14 мая. № 16 [http://newtimes.ru/articles/detail/51731].

⁴¹ Rodgers J. Spatializing International Politics. Analysing Activism on the Internet. Routledge, 2003. P. 113.

⁴² См., напр.: Бабченко А. Пара советов тем, кто идет завтра на марш // Грани.Ру. Блог: Свободное место. 2012. 11 июня [http://grani.ru/blogs/free/pages/165.html.html].

⁴³ В этом отношении телевидение в разных странах ведет себя похожим образом. Вот, например, один из лозунгов Occupy Wall Street: «The revolution will not be televised. Keep yourself informed» («Эту революцию не покажут по телевизору. Получай информацию сам») [http://www.kentuckycoffeetree.com/site-images/occupy-movement-television-poster]. См. также интересное описание тактики ведущих СМИ, которые освещали антикапиталистические и антиглобалистские демонстрации в Сиэтле и других городах в негативном ключе, подчеркивая разобщенность протестующих и различие их лозунгов, избирательно интервьюируя протестующих, выбирая среди них в основном маргиналов, и т. д.: Kahn R., Kellner D. Internet Subcultures and Oppositional Politics // The Post-Subcultures Reader / Ed. by Muggleton D., Weinzierl R. BERG, 2003. P. 305. См. подробности о тактике CNN при освещении тех же протестов: Rodgers J. Op. cit. P. 93.

пулярных собственных поисковиков, почтовых сервисов, социальных сетей российские граждане активно пользуются и любимы иностранцами⁴⁴.

Все эти возможности Интернета и социальных медиа, несомненно, уже сейчас востребованы в гражданском протесте, сильно пригодятся в его развитии и сыграют в нем существенную роль. Однако не исключительную, не только положительную, но и отрицательную, необязательно большую, чем другие медиа, инструменты и формы протеста, и лишь при определенных социально-экономических и политических условиях, запросе и готовности общества. Без этих условий и запроса Интернет и социальные медиа не выведут на улицы миллионы вместо тысяч. Что для этого нужно было сформулировано, в частности, после последнего «Марша миллионов» 15 сентября. При обсуждении его итогов, отвечая на вопрос журналистов телеканала «Дождь» «Почему люди уходили с митинга?», Глеб Павловский заметил: «Определились число и мощность того слоя, ко-

торый ходит и будет ходить. Расти он может только при изменении политической ситуации. Будет уменьшаться количество людей, потому что люди ждут предложения и новых слов и не придут, если не будут их слышать. Есть слой 100 тысяч плюс вокруг еще 300, но это не протест, это не согласие, это затянувшееся ожидание». «Социально-экономические лозунги важны, а не только политические», – добавил глава фракции КПРФ в Госдуме Андрей Клычков. «Самый мощный митинг был 4 февраля, в лютый мороз, никто не ожидал, но народ попер. Потом был провал. Потом опять рост, потом в июне пик. Сейчас дома кто-то подзамерзнет, жировочки за ЖКХ новые получают, еще что-нибудь в Европе – к декабрю народ пойдет на митинг», – такие факторы роста политической активности назвал справедливорос Геннадий Гудков. И только главный редактор газеты «Ведомости» Максим Трудолюбов упомянул среди них Интернет: «Интернет-голосования – некоторая попытка создать институт»⁴⁵.

⁴⁴ Список самых популярных сайтов в России в порядке популярности, согласно данным компании Alexa: «Яндекс», «ВКонтакте», портал Mail.Ru, Google, YouTube, «Одноклассники.ru», Facebook, Wikipedia, LiveJournal.com, LiveInternet.ru, Twitter, веб-сервис uCoz, «Рамблер», Blogspot.com.

⁴⁵ Реплики записаны автором в ходе прямого эфира телеканала «Дождь», фрагменты в архиве «Дождя».

Россия и Украина: строительство наций на советском фундаменте

В этой статье предпринимается попытка рассмотреть последствия и значение советского национального строительства для политического развития России и Украины с начала 1990-х годов по настоящее время. Сравнительные исследования национализмов, имперского и советского наследия России и Украины очень сложны. И дело здесь не столько в большом неосвоенном исследовательском материале, сколько в особой деликатности этой проблематики, порождающей разные трактовки исторических событий, рассматриваемых с позиций национальных обид и претензий. Тем не менее задача объективной, по возможности, оценки советского прошлого, его воздействия на современные социально-политические процессы не только сохраняется, но и возрастает по мере проявления навязчивой зависимости от советского прошлого в разных сферах жизни российского и украинского обществ.

Советский проект национального строительства

Известный историк Терри Мартин писал, что Советский Союз был первой в мире империей, использовавшей так называемую систему «позитивного действия» (affirmative action), т. е. государственную политику поддержки национальных меньшинств с целью вовлечения их в социальную жизнь. Действительно, классические империи, как правило, дискриминируют меньшинства или ассимилируют их, в любом случае не поддерживают их традиционное национальное самосознание. Советская же империя, пусть и для целей

*Сергей Александрович Простаков,
сотрудник исследовательского проекта
«Этнополитическая проблематика
в российской блогосфере» фонда
«Либеральная миссия»*

политической мобилизации масс, проводила политику «позитивной дискриминации» (positive discrimination), т. е. предоставления неких преимуществ меньшинствам. Так, советская власть содействовала развитию национально-го сознания этнических меньшинств и созданию институциональных механизмов защиты их национальной самобытности¹. Многие народы бывшей Российской империи только в СССР впервые получили какое-то институциональное подобие своей национальной государственности в виде союзных и автономных республик. Партийная номенклатура в них, руководствуясь ленинскими идеями, хоть и стремилась поставить под свой контроль сферы управления, политики и экономики, но все же была вынуждена сделать уступку национализму меньшинств, считавшемуся в классической марксистской теории реакционной и буржуазной идеологией. Во время Гражданской войны национализм бывших окраин Российской империи оказался идеологией, способной конкурировать по популярности у масс с большевизмом. Советское руководство предпочло встроить национализмы меньшинств в государственную идеологию, поэтому Советский Союз изначально строился на весьма зыбком фундаменте, пытаясь совместить имперский унитарный и республиканский, федеративный принципы государственности.

«Позитивная дискриминация» в пользу меньшинств, разумеется, в той или иной мере подрывала возможность проявления имперского шовинизма большинства. Историк Алексей Миллер отмечает, что такая политика способствовала деконструкции имперской идеи о «триединстве славянских народов»². В совокупности это позволяло советской власти нивелировать угрозу роста по-

пулярности идей русского великодержавия как альтернативы большевизму. С этими целями в начале 1920-х годов была запущена и политика «коренизации» – выдвижения на руководящие партийные и административные посты в республиках местных национальных кадров различных уровней.

Правда, наряду с «коренизацией» и другими формами поддержки национализма меньшинств в СССР проводилась и массовая русификация. Однако в действительности этот процесс не был связан с созданием преимуществ для русского этнического большинства, он носил сугубо инструментальный характер и был в интересах властей. Он был нужен им для проведения индустриализации и сопутствующей ей урбанизации, которые, как и национализм, являются продуктом современного общества. Более того, если отталкиваться от классических работ по теории наций Бенедикта Андерсона и Эрнста Геллнера, эти явления взаимосвязаны и идут рука об руку в процессе формирования современных обществ³. Советский коммунистический проект «Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны» был проникнут культом индустрии, технического прогресса, унификации и социального равенства. Все эти признаки лежали, кстати, и в идеологических основаниях теории Модерна. Цели индустриализации вынуждали советское руководство, вполне в логике Модерна, пойти на языковую унификацию. Советские промышленные города и агломерации Урала, Кузбасса, Донбасса да и всего юго-востока Украины, населенные пришлыми жителями, способствовали появлению особого типа идентичности, в котором общегосударственное содержание доминировало над этническим.

¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 10.

² Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине // Отечественные записки. 2007. № 34. С. 93.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 146–200.

Именно в этих промышленных центрах, в зонах нового освоения лояльность человека государству была выше лояльности своей этнической или религиозной группе. В связи с тем, что «рабочим» языком индустриализации был русский, процессы роста городов, уровня образования и качества жизни населения внешне могли принимать форму русификации, хотя логика у них была другая. В итоге необходимость быстрого экономического рывка и предупреждения роста популярности национализма заставляла советское руководство на протяжении всей своей истории лавировать между крайностями, то потакая национализму, то уравнивая его интернационализмом и русификацией.

Весьма противоречивым был и проект создания третьей по величине республики СССР. Современная Украина – это во многом продукт советского национального и экономического строительства. Ее нынешние границы и социально-экономическая специализация сложились в советский период. Именно тогда в нее была впервые включена обширная и наиболее экономически развитая территория юго-восточных районов, население которых преимущественно не осознавало себя частью украинского сообщества. Разумеется, в идеологическом фундаменте этого нового государства видны пласты предшествующих исторических периодов, сформировавших основные идеи украинского этнического национализма. Вместе с тем этот национализм рождался в другую эпоху, предполагал другой, более ограниченный в территориальном отношении образ Украины и был сооружен выходцами из этнически однородного украинского аграрного общества. Ныне этнический национализм с трудом пробивается в массовое сознание жителей урбанизированной Украины, еще не освободившейся от остатков идеологии советского интернационализма. Особенно это заметно у

населения индустриального украинского юго-востока.

Еще во второй половине XIX века, в начале индустриального освоения, эти территории по своей культуре и составу населения разительно отличались от этнически однородного украинского аграрного пространства. Индустриализация обусловила приток на территорию бывшего кочевого Дикого поля десятков тысяч людей, прибывших сюда со всех уголков Российской империи. Посреди степей стали вырастать современные индустриальные города с полиэтническим русскоязычным населением. В советский период истории эти процессы усилились, концентрация пришлого населения достигла своего апогея. Жители юго-востока Украины с местным культом инженерных и рабочих профессий, доминированием городского населения над сельским, общесоюзной лояльности над республиканской ощущали свое непосредственное участие в реализации советского проекта интернационализма⁴. Именно здесь, на украинском юго-востоке, отчетливо проявлялись черты «новой исторической общности – советского народа». Неудивительно, что в этих же краях наиболее болезненно был воспринят распад СССР. В регионе с одним из самых высоких показателей пришлого населения, закрепленного здесь всего одним-двумя поколениями, восприятие советской страны как «большой родины от Камчатки до Карпат» было не только символическим. Оно реально подкреплялось родственными и тесными дружескими связями местных жителей со всем остальным населением Советского Союза. По уровню психологической привязанности к советскому прошлому юго-восток Украины больше напоминал Россию, чем западные украинские регионы.

Уже упоминавшийся Терри Мартин называл РСФСР «неудобной» республикой⁵. Это огромное разнородное про-

⁴ Мальгин А.В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь: Сонат, 2005. С. 209.

⁵ Мартин Т. Указ. соч. С. 541.

странство могло одновременно трактоваться как ядро союзного (имперского) государства и как национальная территория самих русских. С последним, правда, возникали затруднения, так как в ходе советской истории русские оказались расселены по всему пространству союзного государства, а большинство крупных городов говорило преимущественно на русском. Русская культура стала основным источником идеологии «дружбы народов», что затрудняло для самих русских национальную самоидентификацию. Знаменитая строчка советского гимна «Навеки сплотила великая Русь» является ярчайшим тому подтверждением. Именно поэтому для большинства русского населения было трудно провести границу между понятиями «Россия», «РСФСР» и «Советский Союз». Понятия «русский» и «советский» постепенно сливались в одно. Такая ситуация была прервана распадом СССР, пожалуй впервые поставившим перед русскими задачу выработки новой идентичности, не связанной с советским прошлым. Фактически только в современной России впервые в истории стала осмысляться проблема страны не как центра империи, а как самостоятельного национального государства. Понятно, что аналогичная проблема стояла и перед Украиной, вместе с тем этой наследнице СССР было легче, чем России, оттолкнуться от империи.

Украинский национализм после провозглашения независимости

В момент обретения государственной независимости среди разных региональных отрядов украинской элиты преобладало мнение, что идеологический вакуум, возникший после краха коммунизма, необходимо заполнить украинским этническим национализмом. Такой путь уже был опробован тремя респуб-

ликами Балтии, хотя позже выяснилось, что чем больше по численности населения была республика и чем более разнородным этнически был ее состав, тем болезненнее проходило внедрение национального проекта в ее жизнь. Но в 1991–1992 годах эта проблема еще не осознавалась. Существовали и теоретические подпорки для старта националистического проекта. Так, известный американский политолог Данкварт Растоу еще в начале 1970-х годов сформулировал положение, согласно которому единственным предварительным условием демократии является национальное единство⁶. Стоит иметь в виду, что Растоу использовал англосаксонское понимание национального единства как гражданского, а вовсе не этнического. Впрочем, в начале 90-х многим в украинском обществе казалось, что согласие большинства граждан по базовым вопросам устройства и развития страны уже достигнуто. Об этом как будто бы свидетельствовали итоги референдума о независимости 1991 года⁷. Но почему же тогда региональные различия политических интересов (особенно между западом и юго-востоком Украины) стали нарастать год от года, превратившись чуть ли не в символ всей украинской внутренней политики?

Спустя 20 лет после распада СССР можно сказать, что надежды украинской элиты на объединительную способность идей украинского этнического национализма оказались иллюзорными. А может быть, и особых надежд не было, а просто власти новой Украины, из рядов старой советской номенклатуры, пошли по пути наименьшего сопротивления и взяли за основу национального проекта идеи украинского этнического национализма, оформившегося еще до 1917 года. Это позволяло им в отличие от своих российских коллег «не изобретать велосипед», а взять уже готовые конструкции, которые к тому же в немалой

⁶ Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5. С. 5–15.

⁷ Відомості про результати Всеукраїнського референдуму 1 грудня 1991 року [http://www.archives.gov.ua/Sections/15r-V_Ref/index.php?11].

степени были использованы большевиками при формировании советской Украины. Официальным идеологам национализма не пришлось формулировать и развивать конструкции, подобные понятию «россияне». Категории украинской национальной культуры и языка, а как следствие – и этноса, стали доминировать в националистической риторике. Но такой национализм совершенно не учитывал факторы советского наследия, плохо стыковавшегося с украинским национализмом. Он является прежде всего идеологией деконструкции империи, что не позволяет включить многие достижения советского имперского периода в национальное историческое наследие. Между тем советское время прочно вошло в сознание жителей Украины, и не только как «проклятое прошлое». Исследование Research & Branding Group, проведенное в 2011 году, показало, что украинцы наиболее позитивно относятся к героям именно советского пантеона: космонавту Юрию Гагарину (83%) и маршалу Георгию Жукову (60%). Эти герои намного опережают по популярности всех деятелей из украинского пантеона славы, включая и тех, чьи портреты граждане Украины могут ежедневно видеть на национальных денежных знаках⁸. И отношение к временам брежневского застоя в массовом сознании жителей России и Украины примерно одинаковое – оно вспоминается преимущественно с ностальгией⁹. Наиболее существенные различия в российском и украинском историческом сознании проявляются, пожалуй, лишь в отношении фигуры Сталина – в украинском историческом сознании это имя связывается преимущественно с негативными воспоминаниями.

Украинский национализм оказался архаичен для ситуации конца XX – начала XXI века. Как идеология он сложился в аграрной стране и служил

целям обретения национальной независимости. Какую реальную задачу он мог выполнять после достижения своих целей в стране, население которой живет в основном в городах? Тем не менее это не стало бы критичным, если бы идеологи украинского национализма смогли соединить украинские этнические и украинские советские достижения в культуре современного населения Украины. Но такой попытки не предпринималось: все советское просто отвергалось националистами, а в этом случае огромную часть Украины – весь ее нынешний юго-восток – пришлось бы признать инородным телом в рамках национального государства. Фактически почти все пространство современной Украины оказалось не национальным осколком, а имперским телом, не в меньшей степени, чем Россия.

Другой важной причиной пробуксовки украинского этнического национализма стал политический регионализм. Политики и партии из разных регионов, формулируя свои предвыборные платформы и осуществляя публичные действия, ориентируются на региональные предпочтения своих избирателей.

Между тем длящиеся уже 20 лет споры вокруг статуса русского языка и Крыма, исторической памяти о Голодоморе и Второй мировой войне не стали фатальными для украинского государства и общества. Этот парадокс нуждается в дополнительном объяснении. Украина особо остро ощутила на себе последствия распада единого союзного государства, так как большинство ее крупных предприятий работали на союзную экономику, а не на республиканскую. Должно было пройти время для того, чтобы экономика перестроилась на внутренние и новые внешние рынки. Но пока этот процесс шел, украинское население было вынуждено прикладывать усилия по банальному бытовому выживанию. Украинские социологи

⁸ Историческая память украинцев: точки сближения и разрыва. Часть 1. Исторические личности // Research & Branding Group [http://www.rb.com.ua/rus/analytics/socym/7284/].

⁹ Тихонова Н.Е. Наследие империи в общественном сознании россиян // Наследие империй и будущее России. М.: Новое литературное обозрение. 2008. С. 103–136.

Евгений Головаха и Наталия Панина именно с этим связывали относительно безболезненный старт украинизации в начале 1990-х годов: население его просто не заметило¹⁰. К этому прибавился фактор медленного развода бывших союзных республик, который не завершен в полной мере до сих пор. В первое время после 1991 года население Украины не ощутило резких перемен в межстрановой коммуникации.

Другим важным фактором оказалось признание украинским бизнесом преимуществ независимости, которая сулила немалые экономические выгоды. Самостоятельное экономическое позиционирование на постсоветском и особенно на европейском пространстве стало достаточно скоро приносить финансовую прибыль. В такой ситуации элитам оказалось еще проще прийти к консенсусу по поводу необходимости украинской независимости. Особенно это касается элит юго-востока, где сосредоточен основной украинский промышленный потенциал. Парадоксальным образом, политики, ориентирующиеся на русскоязычный электорат, больше других хотят выйти из орбиты влияния России, так как боятся проиграть конкуренцию российским коллегам. В этом смысле, какой бы представитель украинских элит не стоял во главе государства, он будет стараться не допускать, по крайней мере, усиления российских позиций в Украине.

Но самым главным источником относительной успешности украинского национального строительства являются итоги «оранжевой революции». Считается, что главные события этого периода случились на киевском Майдане независимости. Между тем мало кто из

наблюдателей придавал значение событиям, развернувшимся на украинском юго-востоке. Негласно считалось, что единственным значимым актором на этих пространствах являются бизнес-элиты и региональные администрации¹¹. Тем более жалкой казалась попытка объявить юго-восточную региональную автономию, ничем в итоге не увенчавшуюся. На этом фоне в сознании населения украинского юго-востока произошла огромная перемена. Вожди Майдана, которые не делали ставки на этот электорат, считая его, и во многом справедливо, даже своим антиэлекторатом, часто использовали в отношении него крайне неэтичные политические технологии. Жители Донбасса и Запорожья, Слобожанщины и Крыма вяло и по инерции голосовали в первом и втором туре выборов за очередного кандидата, обещавшего сделать русский язык государственным. Но в течение того времени, которое прошло между вторым туром и его переголосованием, жители юго-востока осознали, что их мнение никем не учитывается. Грядущая «оранжевая» Украина не будет в полном смысле их страной. В такой ситуации пришло общественное осознание Украины как окончательной постсоветской реальности. Украинский политолог Владимир Малинкович писал: «Многие жители восточных регионов стали теперь *гражданами* (курсив автора. – С.П.) Украины и убедились в том, что их судьба решается в Киеве, а не в Москве»¹².

В 2007–2008 годах Центром Разумкова было предпринято масштабное исследование русскоязычных граждан Украины. Его целью был поиск ответа на вопрос, являются ли они единым сообществом¹³. Большинство респондентов ответили, что украинская нация

¹⁰ Головаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» // Полит.Ру [http://www.polit.ru/research/2007/03/19/ukrtransformation.html].

¹¹ Фесенко В.В. Политическая элита Украины: противоречия формирования и развития // Полис. 1995. № 6. С. 87–94.

¹² Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине» // «Оранжевая революция»: лозунги и реальность. М.: Европа, 2005. С. 47.

¹³ Литвиненко А., Якименко Ю. Русскоязычные граждане Украины: «воображаемое сообщество» как оно есть // Зеркало недели. 2008. № 18 (697) [http://zn.ua/POLITICS/russkoyazychnye_grazhdane_ukrainy_voobrazhaemoe_soobshchestvo_kak_ono_est-53689.html].

– это все граждане Украины вне зависимости от происхождения и языка. Причем такой ответ в большей степени был характерен для молодежи юго-восточных регионов. Также именно молодежь связывает свое будущее со вступлением Украины в ЕС. Таким образом, после 20 лет украинизации в образовательной и языковой сферах она дала плоды в виде формирования поколения, которое отличается от старших прежде всего по отношению к Украине как окончательной реальности. Собственно, именно за такой срок в межвоенных Прибалтике и Западной Украине сформировалось поколение, которое никогда не признало советское государство.

Украина оказалась защищена как от территориального распада, так и от победы этнического национализма. Более того, за последние 20 лет украинскому обществу удалось гарантировать себе условия для развития демократии. Тем не менее окончательное признание того факта, что Украина в равной степени продукт имперского строительства и национальной борьбы за независимость, может позволить украинскому национализму выйти на новый уровень, стать по-настоящему гражданским. Последние опросы общественного мнения фиксируют, что проблемы языка и исторической памяти в меньшей степени интересуют украинцев, чем вопросы развития экономики и роста общественного благосостояния. Об этом свидетельствуют данные социологического опроса, проведенного совместно Центром Разумкова и фондом «Демократические инициативы»¹⁴. Например, статус русского языка занимает 31-е место с 3,9% в рейтинге самых волнующих украинцев вопросов. Причем этот показатель снизился с 8,9% в 2004 году. Этот перечень замыкают преодоление конфликта религиозных конфессий (3,1%) и вступление Украины в НАТО (2,9%).

На первых же местах стоят преодоление безработицы (59,3%), преодоление кризиса в экономике, экономический рост (51,8%), повышение общего уровня зарплат, пенсий, стипендий (51,5%), снижение цен на продукты и товары первой необходимости (43,3%). У общества и политиков в Украине разные повестки дня. Политическим акторам выгодно использовать культурные противоречия, так как ни у кого из них не хватает политической воли и ресурсов на решение стоящих перед страной проблем. Однако наметившийся в обществе курс на выработку ненационалистической повестки дня позволяет надеяться, что противоречия будут со временем сглаживаться.

«Непредвиденное создание»

Именно так охарактеризовал Российскую Федерацию Джеффри Хоскинг в своей книге, посвященной проблемам русского национализма в XX веке, – «Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе». Опираясь на исследования ВЦИОМ, проведенные в начале 1990-х годов, автор пишет: «Русские все еще были настроены преимущественно имперски и наднационально... Россия виделась им как особая и исключительная страна, безотносительно того, хорошая она или плохая»¹⁵. При этом руководством страны был взят однозначный курс на интеграцию в западное сообщество государств. Преодоление советского наследия, в том числе и в национальной политике, виделось как неременная задача постсоветской России. Отсюда и знаменитое заявление Бориса Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Начавшийся с 1992 года или даже раньше курс на расширение прав национальных автономий в рамках Российской

¹⁴ Статус русского языка оказался на 31-м месте среди приоритетов украинцев, НАТО – на 33-м // Зеркало недели. 2012. 14 июня [http://news.zn.ua/SOCIETY/status_russkogo_yazyka_okazalsya_na_31-m_meste_sredi_prioritetov_ukraincev_nato_na_33-m-103809.html].

¹⁵ Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 458.

Федерации стал прямым следствием этого. Но в массовом сознании не произошло деконструкции имперского статуса у России.

Этому способствовало много причин. Во-первых, на Западе Россия рассматривалась как правопреемница Советского Союза, его прямое продолжение. Именно ее особый статус гарантировал мирный развод республик и надежное сохранение ядерного запаса СССР. Во-вторых, новые государства, образовавшиеся на месте бывших союзных республик, открыто демонстрировали, что распад СССР – это прежде всего их уход от России. В-третьих, парад суверенитетов и федерализация России оказались скорее инструментом, чем целью. Как и в ситуации с Украиной, территориальное устройство досталось Российской Федерации по наследству от СССР, где федеративный принцип был чистой условностью, связанной с определенной ротацией кадров партийной номенклатуры по этническому признаку. Между тем после 1991 года Москва сохранила за собой прерогативы политического центра страны, что заставляло рассматривать федерализацию скорее как вынужденную уступку региональным элитам, нежели как последовательную реализацию Конституции. В этом смысле ситуация напоминала советскую в момент создания союзного государства.

На проблемы взаимоотношений центра и регионов наложилась проблема отсутствия у государства внятной идеологии, которую оно могло предложить обществу. Таковым не мог стать национализм, так как ни гражданского, ни этнического русского национализма в России никогда не существовало, по крайней мере как политического движения. Русский национализм оказался вмонтирован сначала Российской империей, а затем Советским Союзом в той или иной форме в имперскую идеологию. Русскому национализму не дозволено было появиться, так как это непременно стало бы идеологией

дезинтеграции империи. В империи русским вместо национального государства предлагалась та самая «большая родина от Камчатки до Карпат». А ключевая роль русской культуры в проекте «советского народа» непременно заставляла рассматривать крах советского государства как гибель собственной родины. В этом смысле Российской Федерации нужно было еще завоевать статус родины для русских.

Отсутствие национализма в такой ситуации, однако, сыграло во многом позитивную роль для сохранения территориальной целостности России в границах РСФСР. Эмиль Паин в книге «Распутица: полемические рассуждения о предопределенности пути России» писал: «Империи могут долго сопротивляться национализму меньшинств на окраинах или в колониях, а против национализма большинства они бессильны и быстро разрушаются. Прежде всего потому, что только он может сплотить против себя разнородные локальные национализмы, складывающиеся в национальных провинциях большой империи»¹⁶. Между тем такая ситуация привела к возникновению в середине 1990-х годов идеологии поздней империи, которую демонстрирует во внешней и внутренней политике российское государство. Чеченская война как упреждающее средство обозначила собой поворот во внешней политике России. За несколько лет независимости новоиспеченные российские элиты не стали равноправными партнерами на Западе, где борьба с расползанием Федерации во многом справедливо считается рецидивом имперских настроений. В рамках позднеимперской идеологии Россия воспринимается как осажденная крепость, которую от территориального распада и растаскивания на куски внешними врагами спасает только сильная власть. При такой постановке вопроса максимально оттягивается ответ на вопрос: являются ли современные границы России окончательными? Отсюда

¹⁶ Паин Э. Распутица: Полемические рассуждения о предопределенности пути России. М.: РОССПЭН, 2009. С. 174.

сложное и противоречивое выстраивание отношений с собственными регионами и бывшими частями империи. В совокупности это сказывается и на развитии экономики и демократических институтов.

На данный момент имперскому типу государства не придумано альтернативы, кроме национального. Ответ российского общества и государства на вопрос об окончательности существующих границ является принципиально важным для будущего страны. Если Основным Законом страны за Россией закреплен статус многонациональной федерации, то это непременно заставляет ориентироваться на принципы гражданского национализма. Это, в свою очередь, требует последовательной демократизации, которая неизбежно приведет к болезненным процессам в национальных республиках и политической субъективизации национализма русского большинства.

Власти долгое время его удавалось нейтрализовать. Во многом благодаря самим носителям этих идей, которые путались в имперской и националистической риторике, сводя все к антисемитизму, страху перед Западом и кавказофобии. Большинство сильных националистических движений за последние 20 лет уничтожались под корень, даже не путем политических преследований, а из-за недостатка организационного опыта участников. И что более важно – неостребованности той эстетики и риторики, которую использовали последовательно сменявшие друг друга общество «Память», «Русское национальное единство» (РНЕ), Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ). Все-таки достаточно сильную прививку получило наше население от откровенно нацистского стиля.

Между тем уже сейчас ясно, что русский национализм переживает круп-

нейшие качественные перемены за прошедшие 20 лет. За последние годы в его идеологии сформировался выраженный антиимперский компонент. Так, согласно опросам «Левада-центра», в ноябре 2011 года 28% россиян определенно поддерживали лозунг «Хватит кормить Кавказ» и 34% – скорее поддерживали его, чем не поддерживали. При этом большинство респондентов считают, что кавказская проблема связана с неэффективностью действий федеральных властей в регионе, в том числе в расходовании бюджетных средств¹⁷. В то же время позиции идеи сохранения территориальной целостности для националистов остаются значимыми. Директор «Левада-центра» Лев Гудков считает, что эти тенденции не противоречат друг другу: «Перспектива выхода из состава России проблемных регионов Кавказа для большей части населения видится не такой уж катастрофической. По нашим опросным данным прошлых лет, до 60% готовы были бы отпустить Чечню... Однако авторитетных фигур, которые выражали бы их публично, пока нет... В итоге эти настроения ни во что не выливаются»¹⁸. В ситуации развивающегося в России политического кризиса националистическую и антиимперскую риторику постараются оседлать оппозиционные силы, однако не факт, что они пойдут в реализации этих идей до конца. Это не позволяет надеяться, что в ближайшее время в российском обществе возникнет консенсус по национальному вопросу и имперскому наследию.

Будущее советского наследия

Российский географ Владимир Каганский писал: «РФ – это СССР сегодня; не исключено, что Россию постигнет участь СССР. Распад России будет, скорее всего, означать распад Украи-

¹⁷ Россияне об обстановке на Северном Кавказе, национализме, политике и финансировании региона, лозунге «Хватит кормить Кавказ» // Пресс-выпуски «Левада-центра». 2011. 15 декабря [http://www.levada.ru/15-12-2011/rossiyane-ob-obstanovke-na-severnom-kavkaze-natsionalizme-politike-i-finansirovaniy-regio].

¹⁸ Кавказ расколол русских националистов // Публикации прессы. Левада-центр. 2011. 3 ноября. [http://www.levada.ru/03-11-2011/kavkaz-raskolol-russkikh-natsionalistov].

ны; целостность главных постсоветских стран взаимосвязана»¹⁹. Эту взаимосвязь порождает общее имперское происхождение обоих государств. Связи, сложившиеся за советский период и, шире, за время после Переяславской рады, оказались сильнее внешнеполитического курса правительств России и Украины. Именно поэтому распад может быть только взаимосвязанным.

Обе страны за последнее двадцатилетие, осознанно или нет, стремились разобраться со своим советским наследием. Однако соседние государства пошли в противоположных направлениях: Украина стремилась разрушить и преодолеть его, а Россия, напротив, сохранить и по возможности преодолеть негативные последствия распада Советского Союза. Поставленных целей не удалось добиться никому. Украинское общество, чтобы сохранить свое единство, вынуждено интегрировать советское наследие в национальный проект государственности. В России за 20 лет не было предпринято четких попыток построить национальное по содержанию и

форме государство. Напротив, власть старается законсервировать выраженное переходное состояние Российской Федерации.

Между тем по обе стороны границы так и не появилось значимого политического движения снизу или сверху, которое ставило бы своей целью ликвидацию государственности в том виде, в котором она сложилась после распада СССР. Пойдя разными путями, Украина и Россия смогли сохранить территориальную целостность. У Киева не получилось стать альтернативным центром притяжения на постсоветском пространстве, а Москве не удалось предотвратить снижения своего влияния. В ближайшем будущем разрыв между Украиной и Россией будет только увеличиваться за счет того, что выросшими поколениями постсоветские границы станут восприниматься как окончательная реальность. И, возможно, угроза взаимного распада будет преодолена, что будет означать окончательное исчезновение имперского пространства и его замены национальными государствами.

---

¹⁹ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 358.

Этнические конфликты в постимперской России

Термин «постимперский» широко употребляется в обществоведении для характеристики современной России, хотя степень информативности его невелика. Он отражает лишь одно – некое промежуточное состояние страны на лестнице исторических стадий: признаки империи как будто бы стираются, а признаки государства-нации еще не проявились. Этнические конфликты явственно проявляют эту неопределенность ситуации страны, попавшей в межстадиальную яму: вертикальные основы интеграции различных этнических общностей слабеют, а новые связи между такими общностями, основанными на гражданской интеграции людей, осознающих себя источником власти в государстве-нации, пока не формируются. Попытки искусственно реанимировать «вертикаль кнута», предпринимаемые в России с 2000 года, не дают результата, и разнообразные этнические конфликты – тому вернейшее доказательство.

Напомним, что почти полтора века назад Эрнест Ренан показал, что наличие территориальных и этнических конфликтов является свидетельством несформированности политической нации. При этом попытки силой удержать единство страны не соответствуют сущности такого явления, как нация: «В той системе, которую я вам предлагаю, – отмечал Ренан, – нация, как и король, не имеет право говорить провинции: “Ты мне принадлежишь, я беру тебя”... Для нации никогда не представляло настоящей выгоды присоединять или удерживать страну вопреки ее желанию. В конце концов, желание нации – единственный законный критерий, к которому нужно всегда

*Эмиль Абрамович Паун,
доктор политических наук,
профессор Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
научный руководитель московского
офиса Института Кеннана,
former Woodrow Wilson Center Guest
Scholar, former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow*

возвращаться»¹. Накануне сдачи этой статьи в редакцию проявились новые доказательства того, что различные этнические территории России так и не переплавились в единое национальное сообщество, поэтому в периоды политических кризисов (а нынешний не вызывает сомнений) постоянно проявляются болезненные нестыковки элементов территориально-политического тела страны². Новый виток противостояния глав «субъектов Федерации» – Чечни и Ингушетии, Дагестана и Ставрополя, Северной Осетии и Ингушетии – отражает, на наш взгляд, не эпизодическую, а системную, имманентную конфликтность в стране, находящейся в промежуточном состоянии между империей и нацией. В дополнение к этому в современных условиях России появился и новый фактор, вызывающий обострение этнических и религиозных конфликтов, – миграционные процессы. Этот фактор не столько исторический, сколько современный глобальный, проявляющийся почти одинаково во многих странах мира. Целью данной статьи является анализ влияния различных факторов на историческую динамику этнических конфликтов в России с 1990-х годов по настоящее время. Мы предполагаем, что формы конфликтов на разных этапах указанного исторического отрезка менялись, но их сущность сохранялась, поскольку она связана с незавершенностью процессов национальной консолидации России.

О сущности этнических конфликтов

Вся система понятий, используемая в научной литературе при характеристике этнических конфликтов, является

предметом дискуссий. Не существует единого общепринятого определения конфликта. Вместе с тем дефиниция конфликта, предложенная Льюисом Козером, является одной из наиболее распространенных в научной литературе. Американский социолог определял конфликт как *поведение, которое влечет за собой борьбу между противоположными сторонами из-за дефицитных ресурсов. Такая борьба включает в себя попытки нейтрализовать или устранить противника, а также причинить ему вред*³. В этой дефиниции подчеркивается, что не всякое противоречие и не всякая взаимная ненависть в сознании перерастают в конфликт, а лишь те из них, которые проявляются в межгрупповом *поведении* и реализуются в *конкретных действиях*, направленных против другой стороны. Эти действия могут быть различными – от психологической травли до физического насилия. Предмет конфликта – *дефицитные ресурсы* – понимаются в самом широком смысле, как некие блага (материальные и духовные), включая, разумеется, и территорию. Вытеснение одних сообществ другими с территории их проживания – одно из самых распространенных следствий конфликта.

В чем специфика этнических конфликтов? Этот вопрос давно является предметом дискуссий, поскольку некоторые конфликтологи полагают ненужным выделять такой тип конфликта в условиях современного мира, в котором все конфликты полифункциональны – в них переплетаются различные интересы (экономические, политические, этнические и др.). Американский конфликтолог Дональд Горвиц полагает, что об этнических конфликтах в полном смысле этого слова можно было говорить лишь в прошлом, применительно к

¹ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12 т. Перевод с французского под ред. В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101 [http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.html].

² О конфликтах августа-сентября 2012 года см.: Земельные споры на Северном Кавказе // Вестник Кавказа. 2012. 12 сентября [http://www.vestikavkaza.ru/articles/Zemelnye-sporu-na-Severnom-Kavkaze.html]. См. также: Спор вайнахов между собой // Газета.ру. 2012. 4 сентября [http://www.gazeta.ru/politics/2012/09/04_a_4753833.shtml].

³ См.: Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Наука, 1985. С. 167.

традиционным обществам⁴. Политолог Монти Маршалл подчеркивает фундаментальную неопределенность сущности этнических конфликтов, отмечая, что «термин “этнический конфликт” стал эвфемизмом для внутригосударственных конфликтов, которые мы не можем объяснить и понять»⁵.

Эти аргументы не лишены оснований, однако переплетение в конфликтах разных интересов и неопределенность их целевых установок не означает, что этническая специфика в таких конфликтах полностью нивелируется. Этнические конфликты входят в особый класс межгрупповых конфликтов, стороны которых объединяются на основе так называемых аскриптивных (предписанных) идентичностей, таких как расовая, этническая, религиозная. Аскриптивные идентичности формируются в детстве и в большинстве случаев сохраняются на всю жизнь. Такие идентичности не только весьма устойчивы, но и высоко эмоциональны по восприятию. Всякое посягательство (реальное или кажущееся) на аскриптивные, наследственные идентичности воспринимается людьми с повышенной болезненностью, поэтому и конфликты, в которых сталкиваются группы в таком психологическом состоянии, характеризуются особым накалом страстей. Джэй Ротман отметил такую особенность этнических и религиозных конфликтов, как «неуловимость». Она связана с тем, что раздражителем подобных конфликтов выступают некие непонятные, неуловимые со стороны культурные символы⁶. Этнические конфликты к тому же глубоко субъективны, они опираются на аргументы истории, мифологии, по-разному воспринимаемые сторонами конфликта и поэтому зачастую оцениваемые сторонними наблюдателями

как беспричинные, иррациональные. Подобные конфликты труднее всего урегулировать, хотя бы потому, что они «идеалистичны», зачастую обращены к сакральному началу, поэтому стороны конфликта воспринимают, например, этническую территорию как явление священное. Иногда сама постановка вопроса о территориальных уступках как форме достижения компромисса между сторонами конфликта рассматривается как «святотатство».

Даже среди сторонников выделения этнических конфликтов как особого класса нет единства мнений относительно их определения. Так, исходя из широко известной дефиниции Валерия Тишкова, этническим можно считать такой конфликт, в котором по крайней мере одна из сторон сформирована по этническому принципу⁷. При кажущейся убедительности такого определения оно имеет свои недостатки. Его неточность особенно заметна при сопоставлении дефиниции с действительностью. Во-первых, даже одну из сторон конфликта, как правило, трудно определить в качестве гомогенной этнической общности. Например, в приднестровском конфликте не только на стороне жителей Приднестровской народной республики, но и в рядах молдавской армии сражались представители разных национальностей. Также этнически разнородным был состав участников обеих сторон грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов. Во-вторых, ни в одном из известных этнополитических конфликтов его стороны не представляли интересов всей этнической общности. Всегда были люди, которые отказывались от поддержки конфликтных действий «своих» соплеменников, осуждая насилие как способ разрешения межэт-

⁴ Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley, Cal., etc., 1985. P. 18–21.

⁵ Marshall M.G. *Systems at Risk: Violence, Diffusion, and Disintegration in the Middle East // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict / Ed. by Carment D., James P. Pitsburg, PA, 1997. P. 82.*

⁶ Rothman J. *Resolving Identity-Based Conflicts*. San Francisco, 1997. P. 35.

⁷ Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Часть I. М., 1992.

нических противоречий или по другим причинам.

В связи с этим, на наш взгляд, ближе к истине те исследователи конфликтов, которые определяют этнические (этнополитические) конфликты не по реальному составу их участников, а по *символической общности* (от имени которой происходит консолидация)⁸. Двигаясь в этом направлении, мы предлагаем считать этническими такие конфликты, которые ведутся *от имени этнических общностей* (вне зависимости от того, насколько участники конфликта представляют эту общность) и *провозглашаются*, декларируются как *«борьба за интересы своего народа»*. Подчеркиваю, мы предлагаем акцентировать внимание исследователей на декларируемых целях, по которым в аналитических целях можно определить тип конфликта. Реальные же цели конфликта могут существенно отличаться от декларируемых и практически не поддаются верификации. Реальные цели не только скрыты от наблюдателя, они не всегда ясны и самим участникам конфликта, поскольку социальные, экономические, политические и культурно-символические цели конфликтов неразрывно переплетены. Кроме того, даже внутри одного лагеря (одной стороны) конфликта могут существовать разные группы по интересам и целям. Например, они могут быть неодинаковыми у лидеров национального движения и тех, кого они ведут на борьбу.

Накануне распада СССР и в постсоветское время в России именно этнические символы и этнонационалистические декларации чаще всего становились основой для консолидации сторон крупных вооруженных конфликтов. В начале 2000-х годов отчетливо проявились и другие основания для консолидации конфликтующих сторон, прежде всего это религиозные

символы. В ряде республик Северного Кавказа, в наибольшей мере в Дагестане, с конца 1990-х – начала 2000-х годов разгорелась вооруженная борьба между сторонниками традиционного суфийского и нового салафитского течения ислама. Конфессиональная основа мобилизации в этом регионе стала преобладать над этнической. Как этнические, так и конфессиональные конфликты мало отличаются друг от друга по характеру их влияния на миграционные процессы, и поскольку одной из основных задач статьи является установление взаимосвязи между исторически обусловленными конфликтами и современными миграционными процессами, мы (чтобы не усложнять восприятие) не будем специально выделять конфессиональные конфликты.

Тенденции изменения взаимосвязи этнических конфликтов и миграционных проблем

Постсоветская Россия в разные периоды своей пока недолгой истории столкнулась с двумя разными типами этой взаимосвязи. В 1990-е годы этнические конфликты были источником массовых вынужденных миграций. В первой декаде 2000-х годов внимание общества и власти стали приковывать столкновения между мигрантами (прибывшими в Россию в разные годы и по разным причинам) и принимающим населением. Для нас очевидна глубокая историческая взаимосвязь между двумя типами конфликтов.

«Вертикальные» конфликты, или «конфликты суверенизации». Это столкновения национальных движений с властью (с полицейскими силами или даже с регулярной армией). Большую часть этнических конфликтов, разразившихся в 1990-е годы, можно назвать

⁸ См.: Стрелецкий В. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М. Олкот, В. Тишкова и А. Малашенко. Московский Центр Карнеги, 1997. С. 225–250.

«вертикальными», поскольку они были направлены как бы «снизу» (со стороны лидеров национальных движений) «вверх» – к властям. Требования национальных движений сводились тогда к изменению статуса территории проживания – от полного суверенитета до повышения уровня автономии республики, которая объявлялась «национальным достоянием» той или иной этнической общности. Все «вертикальные» конфликты, «конфликты суверенизации», так или иначе, отражали процесс дезинтеграции Советского Союза. Одним из первых проявлений этого процесса стал карабахский конфликт, начавшийся в 1988 году⁹. Он открыл собой череду длительных вооруженных конфликтов (карабахский, абхазский, таджикский, югоосетинский, осетино-ингушский, приднестровский и чеченский), в которых участвовали регулярные армии, использовавшие тяжелое вооружение. Такие конфликты соответствуют понятию «война». В районах, непосредственно затронутых боевыми действиями, а также вспышками межэтнических столкновений, которые им сопутствовали, проживало не менее 10 млн человек¹⁰. Все эти конфликты обусловили появление в России в середине 1990-х годов основной массы вынужденных переселенцев и беженцев.

Из 1612,4 тыс. вынужденных мигрантов, зарегистрированных в России с 1992 по 2001 год, две трети прибыли до 1995 года¹¹. Как отмечает Никита Мкртчян, «в то время в некоторые месяцы регистрировалось столько же вынужденных мигрантов, сколько за весь 2001 год. Этому способствовал ряд объективных и субъективных факторов. Прежде всего – наличие на постсовет-

ском пространстве вооруженных конфликтов»¹².

В процессе распада Советского Союза обострились сепаратистские тенденции и внутри России. К концу 1991 года все республики Российской Федерации приняли декларации о суверенитете. Чем настойчивее были притязания национальных движений, тем жестче становилась ответная реакция федерального центра. По уровню радикальности требований, предъявляемых российским властям национальными движениями, все внутренние этнотерриториальные конфликты России могут быть отнесены к четырем группам:

- конфликты, возникшие в результате притязаний существовавших ранее национально-территориальных автономий на полный государственный суверенитет; к таковым на территории Российской Федерации относился только чеченский конфликт, который породил две вооруженные кампании (1994–1996 и 1999–2000 годов);

- конфликты, связанные с односторонним повышением статуса республик, объявлением их «субъектами международного права» или включением в республиканские конституции других норм, противоречащих федеральному законодательству, но без формального притязания на создание на базе этих автономий независимых государств (республики Татария, Башкирия, Тува и некоторые другие – 1991–1992 годы);

- конфликты, ставшие следствием провозглашения этническими общинами новых национально-территориальных автономий. На такой основе развивались следующие конфликты: (а) между рядом национальных движений Дагестана и властями республики;

⁹ Началом карабахского вооруженного конфликта считают 20 февраля 1988 года, когда сессия областного Совета Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) приняла обращения к Верховным советам СССР, Азербайджана и Армении с просьбой дать разрешение на передачу Карабаха из состава Азербайджана в состав Армении. См.: *Зверев А.* Этнические конфликты на Кавказе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 19.

¹⁰ См. подробнее: *Паун Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 133–141.

¹¹ *Мкртчян Н.* Десятилетие вынужденной миграции в России // Полит.ру [http://www.polit.ru/article/2002/06/26/464308].

¹² Там же.

(б) между балкарским национальным движением и властями Кабардино-Балкарской республики; (в) между лидерами различных этнических общин Карачаево-Черкесии и ее властями, отказавшимися признать провозглашенные Карачаевскую, Черкесскую, Абазинскую и казачьи – Урупско-Зеленчукскую и Баталпашинскую республики (1992–1994 годы);

- конфликты между соседними республиками, претендующими на контроль над спорными пограничными территориями. Речь идет прежде всего о конфликте между Северной Осетией и Ингушетией из-за Пригородного района. Этот конфликт также можно назвать «вертикальным», поскольку лидеры противоборствующих сторон апеллировали к федеральной власти, требуя подтвердить их права на территорию (1992 год).

Все «конфликты суверенизации» в России оказали значительное влияние на поток внутренних вынужденных миграций, пик которых пришелся как раз на время активизации указанных конфликтов. Из 241,4 тыс. внутренних вынужденных мигрантов в России, связанных с межрегиональным перераспределением населения, 67,7% были зарегистрированы в первой половине 90-х годов¹³. Это только мигранты, зарегистрированные в качестве беженцев или вынужденных переселенцев. Большинство же вынужденных мигрантов в России такого статуса не имели. Так, в процессе осетино-ингушского конфликта (1992 год) «практически все ингушское население Северной Осетии – Алании и менее многочисленное осетинское население Ингушетии на многие годы покинули свои дома, процесс их возвращения еще далек от завершения»¹⁴. Чеченскую республику накануне двух военных кампаний, а также в ходе вооруженных столкновений поки-

нули 250 тыс. человек, в основном русских, тогда как после второй кампании (1999–2000 годы) основную долю вынужденных мигрантов составили чеченцы. В течение 2000–2001 годов число тех, кого Мкртчян называет «внутриперемещенными лицами» в Чечне и прилегающих регионах, в отдельные месяцы превышало 400 тыс. человек, часть из которых впоследствии вернулась¹⁵.

Вынужденные мигранты из зон конфликтов (внутрироссийских и зарубежных), в той или иной мере, реально или всего лишь как символ, стали источником или поводом для новых конфликтов уже 2000-х годов. К этому времени фактически независимо от применяемых федеральной властью политических стратегий произошло заметное исчерпание (возможно, временное) инерции распада СССР. Лидеры российских республик, которые в середине 90-х годов активно использовали национальные движения для устрашения Москвы и своего самосохранения, к началу 2000-х отказались от их поддержки, усматривая в этих движениях опасную оппозиционную силу – фактически единственную угрозу сохранения своей монопольной власти. В этих условиях союз с Москвой, прежде всего со структурами федеральной исполнительной власти, обеспечивал нынешним региональным политическим элитам большую уверенность в будущем, чем их прошлый «мимолетный роман» с национальными движениями. Если начало 90-х характеризовалось так называемым «парадом суверенитетов», то период нулевых годов можно назвать «парадом демонстративной лояльности» лидеров республик по отношению к Москве. К этому времени сильно ослабели национальные движения в республиках России. Наиболее успешные их лидеры интегрировались во власть

¹³ Мкртчян Н. Десятилетие вынужденной миграции в России // Полит.ру [http://www.polit.ru/article/2002/06/26/464308].

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

или оставили политическую деятельность в пользу бизнеса.

Наконец, к началу 2000-х годов проявилась смена цикла «этнополитического маятника» – спала активность национальных движений этнических меньшинств и начался бурный подъем активности движений, выступающих от имени «русского народа»¹⁶. Так, в 90-х годах в стране насчитывалось буквально несколько десятков человек, которых можно было определить как русских националистов, а в 2001 году их было уже свыше 10 тыс., в 2004 – 33 тыс.¹⁷ Это только по официальным данным, эксперты же указывают на значительно более высокую численность участников ультрарадикальных националистических организаций. По данным «Левада-центра», идея «Россия для русских» в январе 2011 года встречала поддержку 58% жителей России, тогда как в 2010 году ее разделяли 54% россиян, в 2006 году – 50%, в 1998 – 43%¹⁸.

Лидеры русского национализма предъявляли, по крайней мере поначалу, свои требования не властям, а этническим меньшинствам, которые должны были признать особые, преимущественные права «государствообразующего народа». В связи с этим в 2000-е годы изменился тип этнических конфликтов, они утратили свою вертикальную направленность.

Горизонтальные конфликты. Это столкновения между представителями этнических общностей: этнического большинства с меньшинствами; местного населения с пришлым; одних мигрантских групп с другими.

В отличие от «вертикальных конфликтов», которые развивались только

в республиках России, «горизонтальные» конфликты отмечались за период 2004–2012 годов во всех субъектах Федерации, и в наибольшей мере они характерны для краев и областей с преобладанием русского населения. По данным аналитического центра «Сова», насильственные действия, мотивированные этническими или расистскими предубеждениями в отношении этнических меньшинств, преимущественно из числа мигрантов, ежегодно отмечаются более чем в 40 регионах страны (в 2010 году – проявились в 49 регионах). Местом их наибольшего притяжения стали крупнейшие города страны. На Москву и Московскую область в разные годы приходилось от 33 до 42% всех преступлений на этой почве, на Санкт-Петербург и область – 11–15%¹⁹.

В 2000-е годы проявились две разновидности «горизонтальных» конфликтов. Первую можно определить как *погром*. Это одностороннее, идеологически подготовленное насильственное действие представителей этнического большинства, направленное против религиозных, национальных или расовых меньшинств. Термин этот, вошедший ныне в язык права во всем мире, возник в России в конце XIX века, когда в еврейских кварталах некоторых городов устраивались погромы, инспирированные властями по политическим и идеологическим соображениям. Ныне погромы характерны для разных стран мира, и одним из основных объектов такой формы насилия все чаще становятся мигранты²⁰.

Целями погромов обычно является запугивание мигрантов, вынуждение их покинуть территорию. Вместе с тем

¹⁶ О концепции этнополитического маятника подробнее см.: Паин Э.А. Указ. соч. С. 178–195.

¹⁷ Гирько С.И. Начальник НИИ МВД России. Вступительное слово на конференции «Преступность в России: причины и перспективы» // Материалы Международной научно-практической конференции ВНИИ МВД России 27 апреля 2004 года. М., 2004. С. 8.

¹⁸ Национализм в современной России // Демоскоп. 2011. 21 февраля – 6 марта. № 455–456 [http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0455/opros08.php].

¹⁹ Ультраправые на улицах, правоохранители в Интернете. Под ред. А. Верховского [http://www.polit.ru/article/2012/06/27/Spring_12_06-22/].

²⁰ Canego Г. Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 9. С. 50–58.

погром может быть и формой консолидации расистских и националистических организаций, пробой сил на ранних этапах их формирования. Именно этим был мотивирован первый погром в постсоветской Москве 21 апреля 2001 года. По данным следствия, накануне его, в день рождения Адольфа Гитлера, группа скинхедов на импровизированном митинге призвала «разобраться с кавказцами», устроив погром на ясеневском рынке. На следующий день толпа (около 100 человек), большая часть которой состояла из скинхедов в возрасте 12–17 лет, устроила на рынке погром. Используя обрезки металлических труб и камни, молодые люди разгромили около 30 палаток, принадлежавших выходцам с Кавказа²¹. Отсутствие действительного общественного осуждения этой акции подтолкнуло к развитию активности погромщиков, и в том же году (30 октября 2001 года) более 150 таких же молодых скинхедов, вооруженных железными прутьями, устроили погром на царицынском рынке. После этого уже стихийно возникли столкновения одновременно в нескольких местах: у метро «Каширская» и «Каховская», у гостиницы «Севастополь». В ходе беспорядков были убиты три иммигранта – граждане Азербайджана, Таджикистана и Индии – и более 30 человек получили ранения²².

Другой тип «горизонтальных» конфликтов связан с перерастанием *двусторонних, спонтанных, изначально бытовых столкновений в идеологически мотивированные этнические конфликты*. Классическим примером конфликта этого типа могут служить столкновения в Кондопоге (Карелия). В 2006 году здесь в течение нескольких дней (29 августа – 3 сентября) разрастался межэтнический конфликт, первоначальным толчком для которого стал

заурядный спор сотрудников одного из ресторанов с несколькими его посетителями. Стороны этого бытового спора представляли разные этнические группы населения. В напряженной и без того психологической обстановке этого оказалось достаточно для вспышки этнического конфликта, в который было вовлечено, в его кульминационной точке, около тысячи человек. В Кондопоге жители, казалось бы, должны были бы терпимо относиться к мигрантам, поскольку население города более чем на 60% состоит из внутренних мигрантов, прибывших сюда после 1959 года, или их потомков. Однако при резком увеличении объемов миграции с Северного Кавказа в 1990-е годы и отсутствии какой-либо политики по регулированию межэтнических отношений сравнительно благоприятная межэтническая обстановка в городе радикально изменилась в худшую сторону.

Весьма примечательны изменения в этническом составе жертв межэтнических столкновений в 2000-е годы, связанные отчасти и с изменением географии иммиграции в России (рис. 1).

До 2006 года в числе жертв «горизонтальных» этнических конфликтов лидировали представители народов Кавказа. В это время и уроженцы стран АТР (Китай, Вьетнам, Корея и др.) опережали в печальной статистике жертв насилия представителей народов Центральной Азии. Ситуация начала меняться с 2007 года, когда быстро стала расти доля уроженцев среднеазиатских республик среди пострадавших от насилия на этнической и расовой почве. С 2008 года представители этой категории мигрантов составляют наибольшую часть убитых и раненых в столкновениях на указанной основе, намного опере-

²¹ В Москве судят шестерых погромщиков // Lenta.ru. 2002. 4 февраля [http://www.lenta.ru/russia/2002/02/04/pogrom/].

²² Суд исключил признание обвиняемого из доказательств по делу о погроме в Царицыно // Lenta.ru. 2002. 16 июля [http://www.lenta.ru/russia/2002/07/16/tsaritsyno3/].

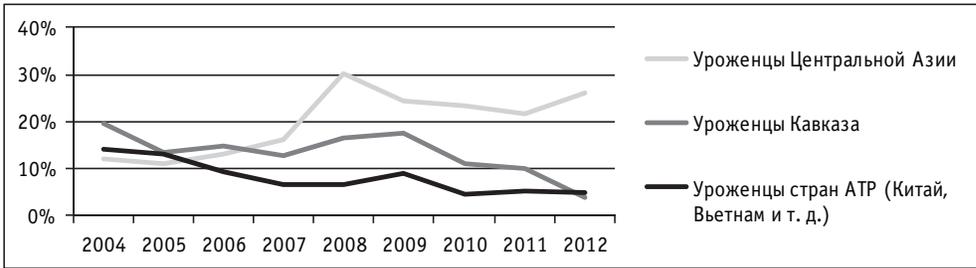

Рисунок 1. Динамика жертв насилия на этнической и расовой почве из числа прибывших в Россию, уроженцев различных регионов и стран мира в 2004–2012 годах (в % к числу убитых и раненых)*

*Рассчитано по: «Статистика расистских и неонацистских нападения за 2004 – 22.06.2012 (по категориям жертв) // Ультрараправые на улицах, правоохранители в Интернете...

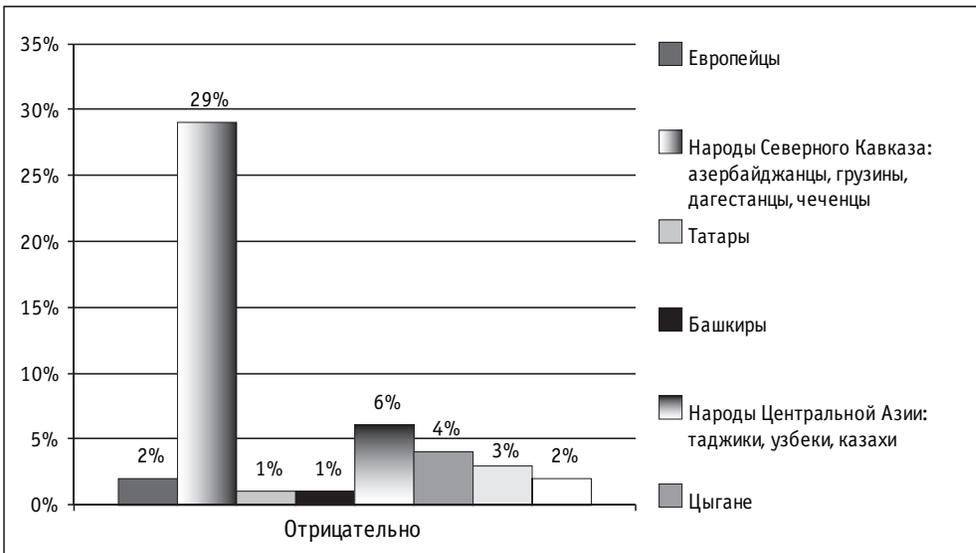

Рисунок 2. Негативное отношение россиян к представителям отдельных национальностей (данные опроса ВЦИОМ, 20 мая 2010 года)

жая все прочие группы, как мигрантов, так и местных жителей.

Примечательно, что по уровню негативного отношения к себе со стороны большинства российского населения лидируют с 90-х годов и по сей день вовсе не выходцы из Центральной Азии, а народы Кавказа, и особенно российского Северного Кавказа. Эти выводы основываются на многолетнем мониторинге «Левада-центра»²³. Подтвержда-

ются они и недавними исследованиями другого научного коллектива (рис. 2)²⁴.

По данным опроса ВЦИОМ 20 мая 2010 года, 29% респондентов признали, что негативно относятся к представителям кавказских народов (этот показатель не меняется с 2009 года) и только 6% опрошенных не испытывают неприязни к выходцам из Центральной Азии: таджикам, казахам, киргизам и узбекам²⁵.

²³ Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М., 2004. С. 184.

²⁴ См.: Этнические симпатии и антипатии россиян // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1498. 2010. 20 мая [http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13515].

²⁵ Там же.

Итак, судя по социологическим исследованиям, уроженцы центральноазиатского региона меньше притягивают к себе ксенофобию, чем выходцы с Кавказа, но (судя по данным центра «Сова») в большей мере, чем мигранты из всех прочих регионов, становятся в последнее время объектом насилия. Объясняется это парадоксальное явление рядом причин.

Прежде всего, нужно отметить, что не существует прямой связи между уровнем ксенофобии и конкретными насильственными действиями против групп, выступающих в образе «врага» или «неприемлемого чужого». Совокупность социально-политических обстоятельств может либо блокировать ксенофобию, либо, напротив, обуславливать высокий уровень насилия при сравнительно невысоком уровне ксенофобии. Мы еще вернемся к этому важному тезису, а пока отметим, что заметный рост численности мигрантов из Центральной Азии, которая к концу первой декады 2000-х годов стала основным поставщиком иммигрантов в Россию, увеличил вероятность межэтнических столкновений. Важно отметить, что в составе иммигрантов из центральноазиатских стран в 90-е годы преобладали русские, а в 2000-е годы начали преобладать представители коренных национальностей: казахи, киргизы, таджики и узбеки. У этих этнических сообществ в меньшей мере, чем у народов Кавказа (особенно Северного Кавказа), проявляется внутренняя групповая сплоченность. Мигранты из Центральной Азии в силу множества обстоятельств часто вынуждены вступать во внутриэтническую конкуренцию. Например, на рынке труда их способность к совместной, групповой самозащите проявляется слабее, чем у мигрантов из республик Кавказа. Эти обстоятельства, характеризующие различия как традиционных культур, так и современных условий жизни у мигрантов из Центральной

Азии и Кавказа, обуславливают неравные возможности в обеспечении их безопасности при слабо развитой (как в России) институционально-правовой базе для адаптации мигрантов к новым культурным условиям и их интеграции в принимающее сообщество.

Казалось бы, «горизонтальные» конфликты, в отличие от «вертикальных» («конфликтов суверенизации»), нельзя назвать этнополитическими, поскольку они, на первый взгляд, сугубо бытовые и лишены социально-политической основы. Однако такой вывод был бы неверен. В этнических погромах, прокатившихся в 2000-е годы по всей России, одним из основных мотивов нападавшей стороны была месть за то, что этническим меньшинствам покровительствуют коррумпированные власти. На этой же основе в декабре 2010 года состоялась многотысячная демонстрация на Манежной площади Москвы, а затем волнения охватили 15 городов России. Поводом для них стала уверенность футбольных болельщиков (возможно, неоправданная) в том, что выходцы с Северного Кавказа, замешанные в убийстве Егора Свиридова (одного из лидеров движения футбольных болельщиков), были отпущены на свободу в результате подкупа полицейских²⁶. Такие подозрения в отношении властей весьма характерны для России, общий уровень доверия в которой (как вертикального – к власти, так и горизонтального – взаимного доверия) оценивается по результатам многочисленных сравнительных исследований как один из самых низких в мире. Низкое доверие в обществе является неизбежным следствием высокой коррупции в государстве. Исследования «Левада-центра» показывают, что существует следующая зависимость: обращение коллективного гнева на приезжих тем сильнее, чем слабее чувствуют себя горожане перед лицом своей собственной бюрократии, ее произвола. «Недовольство “мигалками” и недовольство “приезжими” не случайное

²⁶ Дело об убийстве футбольного болельщика Егора Свиридова // РИА Новости. 2012. 8 июня [http://ria.ru/spravka/20120608/668811903.html].

совпадение, – отмечает социолог Алексей Левинсон, – между ними незримая, но прочная связь... Наши исследования показали, что, как только возникла надежда, что общество сможет обуздать произвол бюрократии, как только стал виден ее испуг, претензии к приезжим отошли на четвертый-пятый план»²⁷.

Угрозы новых этнических конфликтов и подходы к их предотвращению

Новые обстоятельства: сочетание «горизонтальных» и «вертикальных» конфликтов. Казалось бы, «вертикальные конфликты» ушли в небытие и их полностью вытеснили в 2000-е годы конфликты «горизонтальные», межэтнические. Но в начале второй декады 2000-х годов в этнополитической ситуации в России в очередной раз проявились кардинальные перемены. Протестные движения в Москве и ряде других городов в 2011–2012 годах, поводом для которых стало недоверие к итогам парламентских и президентских выборов, показали, что значительная часть русских националистов перешла в оппозицию федеральной власти. Еще недавно, в начале 2000-х годов, власть и русские националисты были союзниками, защищали единую и неделимую Россию и вместе боролись с сепаратистами, а в 2010 году русские националисты первыми выдвинули ультрасепаратистский лозунг «Долой Кавказ», и он нашел поддержку в общественном мнении. По данным опроса одного из российских информационных агентств, проведенного среди 11500 человек в декабре 2010 года, на вопрос «Как Вы относитесь к идее отделить от России три кавказские республики – Ингушетию, Дагестан, Чечню?» 73,7% ответили: «Полностью поддерживаю», и еще 2,4% поддерживают с отсрочкой решения – «пока еще рано»²⁸.

Итак, русские националисты вступили в конфронтацию с властью по вопросу о целостности страны и не отказались от идеи «Россия для русских», которая устойчиво воспринимается крайне негативно представителями всех этнических меньшинств России. В таких условиях велика вероятность сочетания и одновременного проявления как «горизонтальных» конфликтов между представителями этнического большинства и меньшинствами, так и «вертикальных» конфликтов (национальные движения – власть).

Официальная политика. Федеральная власть не может управлять национализмом, но способна его подталкивать. После этнического конфликта в Кондопоге (2006) власти заговорили о необходимости «обеспечения преимуществ коренному населению»; после войны с Грузией (2008) – заявили о введении процентных квот для проживания иностранцев. После событий на Манежной площади на совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике 27 декабря 2010 года речь зашла не только об ограничениях въезда в Россию граждан других стран, но и об ограничении регистрации внутренних мигрантов – российских граждан, переезжающих из одного региона своей страны в другой. Эскалация уступок возбуждает эскалацию требований. Националисты сегодня требуют не только ограничения въезда «чуждых» национальных групп в Москву и другие крупнейшие города, но и депортации ранее прибывших. А как на это ответят этнические меньшинства?

Опасность такого ответа не только в том, что увеличится число локальных стычек на этнической основе, которые и сегодня покрыли всю страну. Ответ меньшинств чаще носит несимметричный характер. Если в русской среде происходит возгонка социальной

²⁷ Левинсон А. Откуда гнев на приезжих // Левада-центр. 2012. 25 июня [http://www.levada.ru/25-07-2012/otkuda-gnev-na-priezzhikh].

²⁸ Агентство «Новый регион». 2010. 21 декабря [http://www.nr2.ru/voting/218.html].

активности в этническую, то в республиках России, исторически связанных с исламом, этническая мобилизация сменяется еще более опасной – религиозной, при этом в крайне радикальных и нетрадиционных для России формах продвижения салафитского течения. Этот процесс, начавшийся в конце 1990-х годов на Северном Кавказе, сейчас все шире проявляется уже и в самом центре России – в республиках Поволжья. Заместитель муфтия республики Татарстан Валиулла Якупов (убитый в июле 2012 года) в 2010 году отмечал, что «большинство молодежи является носителями привнесенной из-за рубежа религиозной культуры, которую можно назвать ваххабизмом. Сами они предпочитают называть себя салафитами». И далее давал такой прогноз: «Зная эволюцию этого течения на примере республик постсоветского пространства, в которых исламизация выше татарстанской, мы можем видеть, что нас ждет»²⁹.

А что ждет всю страну? Пока велика вероятность растущей радикализации противоборствующих групп расколотого общества. Федеральная власть ни в 1990-е, ни в 2000-е годы так и не сформировала стратегию своих действий в ситуации роста этнических конфликтов. Тогда и сейчас власти действуют вдогонку за событиями, используя самый неэффективный, мучительный метод «проб и ошибок».

Мировой опыт указывает на несколько основных направлений противодействия этническим конфликтам. Одно из них связано со снижением ксенофобии за счет развития программ воспитания толерантного сознания и других социально-психологических мероприятий. Важным направлением противодействия этническим конфликтам является создание благоприятных условий для интеграции меньшинств из числа мигрантов в принимающее сообщество. Мы предлагаем сосредоточиться на

еще одном направлении политики снижения этнополитической напряженности. Оно связано с *предотвращением перехода ксенофобии идей в ксенофобию действий*. Речь идет об усилиях властей и общества, направленных на блокирование опасных последствий ксенофобии в массовом сознании. Такой барьер способно выставить демократическое правовое государство, контролируемое гражданским обществом и опирающееся на него. Присущие такому государству политические условия создают *возможность выживания, самореализации и обеспечения безопасности меньшинств даже в условиях сравнительно высокой ксенофобии как состояния массового сознания*. Например, в США после 2001 года значительно возрос уровень исламофобии, однако она не переросла в межгрупповые столкновения. Развитая сеть исламских организаций США выступает надежным механизмом самозащиты исламских меньшинств, две трети из которых – исторически недавние мигранты³⁰.

В России, казалось бы, существует правовая база для включения общественных организаций, сформированных по этническому признаку, в сеть институтов гражданского общества – это Федеральный закон о национально-культурной автономии (НКА) от 22 мая 1996 года. В то время создание НКА считалось среди экспертов и представителей власти альтернативой сепаратизму и этническим конфликтам, а также стержнем всей этнической политики России. Однако внимательный анализ как сущности самого закона, так и практики его реализации показывает, что он не оправдал возлагавшихся на него надежд. Как отмечает Александр Осипов, сегодня невозможно даже определить общее число НКА, поскольку Федеральный реестр НКА находился в ведении Министерства по делам национальностей, а после ликвидации ми-

²⁹ Ваххабизм в России должен быть запрещен // Интерфакс. 2010. 16 мая [http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=interview&div=267&domain=3].

³⁰ См.: *Суслова М.Н.* Блеск и нищета американского мультикультурализма // Этнополис. 2009. № 1. С. 83–92.

нистерства в октябре 2001 года он не пополнялся³¹.

Один из основных принципов НКА – это соединение общественной инициативы с государственной поддержкой. Однако положения, касающиеся предоставления НКА такой поддержки, допускают различные толкования, поэтому на практике они по-разному интерпретируются органами государственной власти, как федеральными, так и региональными. В результате НКА не всегда получают причитающиеся им блага или получают нерегулярно и в очень ограниченном объеме. Власть не считается с ними или считается не больше, чем с любыми другими общественными организациями, созданными по этническому принципу³². Иными словами, закон об НКА оказался сугубо декларативным.

Одним из общепринятых в современную эпоху защитных барьеров на пути перерастания ксенофобии как состояния массового сознания в групповые конфликты, в действия, угрожающие жизни представителей меньшинств или препятствующие реализации их потребностей и интересов, является законодательство в сфере противодействия этнической, расовой и религиозной дискриминации. В мировой практике сложились основные требования к антидискриминационному законодательству³³. Ряд федеральных законов России содержит понятие «дискриминация». Наиболее подробные положения, относящиеся к равенству и запрету дискриминации, приводятся в Трудовом кодексе РФ, и на первый взгляд они обеспечивают защиту от дискриминации в сфере труда. Однако правоведы отмечают два фундаментальных недостатка этих норм. Во-первых, это нормы отраслевого законодательства, не вмонтированного в полноценное антидискриминационное.

Во-вторых, (и, наверное, это их главный недостаток) они не имеют практического значения. Как в теории, так и на практике остаются не проясненными вопросы, при каких обстоятельствах, в чей адрес и какие именно требования можно заявлять при предполагаемом нарушении. Не существует также установленных процедур выявления дискриминации. В России отсутствуют административные механизмы противодействия дискриминации: на государственные и муниципальные органы управления непосредственно не возложена обязанность решать такие вопросы.

В вертикальном государстве законы защищают власть и политический строй, а не рядового человека. Этим определяется фундаментальная проблема постсоветского, в том числе и российского, законодательства в сфере защиты прав человека – оно декларативно и лишь имитирует защиту прав гражданина. Но в этом случае оно не только неспособно предотвратить массовые волнения и межгрупповые конфликты, но и само провоцирует их.

В России давно назрела необходимость восприятия универсальной тенденции «гражданизации» этнических и религиозных сообществ – включения их в систему институтов гражданского общества. Еще очевидней необходимость создания в России антидискриминационного законодательства, соответствующего мировым нормам. Все это могло бы стать барьером для роста этнических конфликтов. Вместе с тем все яснее становится, что такие перемены невозможно осуществить «в розницу», они станут реальностью лишь в комплексе мер по становлению в России правового государства и гражданского общества, если наше государство начнет продвигаться в этом направлении.

³¹ Осипов А.Г. Национально-культурная автономия в России: идея и реализация // Этнокультурное многообразие – потенциал развития общества в странах Центральной Азии (практика, концепции, модели, перспективы): материалы международного семинара / под ред. Н. Багдасаровой, М. Глушковой, Н. Асылбековой. Бишкек, 2004. С. 151–184.

³² Там же.

³³ Прохорова А. Евразийский союз и будущее миграционной политики России: антидискриминационное законодательство как условие успешной евразийской интеграции // Демоскоп. 2012. 4–7 июня. № 513–514 [http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/analit05.php].

Ольга Юрьевна Малинова,
доктор философских наук, главный
научный сотрудник ИНИОН РАН,
former Kennan Institute Short Term
Scholar

Российская идентичность между идеями нации и цивилизации

В политической картине мира, сложившейся в эпоху Модерна, доминирует норма, согласно которой государства «конституируются» нациями. Однако, несмотря на гибкость модели культурно-политического сообщества, заданной многовариантной идеей нации, во многих случаях в нее оказывается непросто вписаться. Именно так обстоит дело, когда процесс конструирования макрополитической идентичности происходит в постимперском контексте, который предполагает, с одной стороны, конкуренцию разных проектов «нациестроительства», а с другой – наличие политических и культурных ресурсов для конструирования искомой идентичности в наднациональной/цивилизационной системе координат. Стремясь к политической интеграции обширных пространств, империи с большим или меньшим успехом осуществляют универсалистские идеологические (религиозные и светские) проекты, закладывающие основу для культурной общности поверх этнических, конфессиональных и языковых границ. Это наследие активно используется для конструирования макрополитической идентичности в постимперском контексте, позволяя рассматривать ее сквозь призму не «национальных», но «цивилизационных» различий. Именно это характерно для современной России¹.

Сокращенный вариант главы из коллективной монографии: Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012.

¹ Яркой иллюстрацией существующей неопределенности относительно характера макрополитической идентичности сообщества, стоящего за современным Российским государством, может служить статья «Россия: нацио-

По-видимому, наличие долгой традиции конструирования идентичности «по смешанным лекалам» – один из многих факторов, затрудняющих выработку «общего языка» представлений и понятий, на основе которых мыслится макрополитическое сообщество, стоящее за Российским государством.

Переплетение разных оснований идентификации в представлениях о русскости/советскости/российскости считается одним из проявлений того, что многие исследователи определяют как слабость русского национализма² и «неоформленность» русского национального самосознания³. На наш взгляд, следовало бы говорить не столько о незавершенности «закономерного» процесса формирования национальной идентичности, сколько о неполном соответствии безусловно существующей (хотя и трансформирующейся) макрополитической идентичности матрице воображения общества, заданной идеей нации. Эта черта русской/советской/российской идентичности обусловлена целым комплексом исторических, социокультурных, экономических, географических и политических факторов. Не отрицая значимости других составляющих этого комплекса, мы сосредоточим внимание на особенностях дискурсивного конструирования макрополитической идентичности в Российской империи/СССР/Российской Федерации и попытаемся выявить диалектику ее

национальных и цивилизационных составляющих. Разделяя представление Бенедикта Андерсона, согласно которому «национальность (nation-ness)» и национализм следует рассматривать как особого рода культурные артефакты, которые «стали «модульными», пригодными к переносу... на огромное множество социальных территорий и обрели способность впалять в себя, либо самим впаляться в столь же широкое множество самых разных политических и идеологических констелляций»⁴, мы хотели бы проследить, как происходит освоение этих модульных конструкций в условиях конкуренции с иными способами воображения сообщества⁵.

Начнем с операциональных описаний рассматриваемых здесь способов воображения сообщества, которые помогут различать национальные и цивилизационные составляющие дискурсов о русской/российской/советской идентичности. К сожалению, в обширной литературе, посвященной изучению наций и цивилизаций, нет четких терминологических конвенций относительно значения данных понятий. Не углубляясь в анализ различных подходов, отметим, что воображение сообщества на основе цивилизационной общности связано с циклической историей религиозно-культурных и идеологических проектов, влияние которых удавалось распространить на значительные географические ареалы

нальный вопрос», опубликованная от имени В.В. Путина в рамках недавней президентской избирательной кампании, в которой искомая идентичность определяется одновременно и в цивилизационных («полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром»), и в национальных терминах (преодоление смуты как «день рождения гражданской нации»; «государствообразующий русский народ» и др.) (Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января [http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html]).

² Паин Э.А. Исторический «бег по кругу» (попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 12; Понарин Э.Д. Новый русский национализм: источники, механизмы распространения и сценарии развития // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О.Ю. Малиновой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 99–104 и др.

³ Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. С.Н. Самуйлова. Смоленск: Русич, 2001; Зевелев И. Будущее России: нация или цивилизация? Распад СССР и «русский вопрос» // Россия в глобальной политике. Т. 7. 2009. № 5. С. 92 и др.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 29.

⁵ Более полное изложение результатов этого анализа см.: Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. С. 332–354.

(как правило, параллельно с политическим контролем поддерживавших эти проекты и опиравшихся на них империй). Эта модель воображения сообщества предполагает наличие локально закрепленного ядра и потенциально безграничной периферии. В ее основе лежит принцип «сакральной вертикали», в силу которого сообщество, образующее ядро, представляется в качестве носителя особых идей и культурных практик, которые совпадают с «трансцендентным назначением» человечества. По словам Вадима Цымбурского, «эта сакральная вертикаль в глазах всех членов и приверженцев данной цивилизации делает из ее ядровых народов “основное человечество”, а из населенного ими ареала – “основную землю” ойкумены»⁶.

Цивилизационная идентичность задается именно причастностью к религиям, идеологиям, социальным практикам и культурным стилям, составляющим стержень «сакральной вертикали». Поскольку эта модель воображения сообщества предполагает асимметричность периферии и ядра, она не акцентирует однородность группы по контрасту с аутсайдерами (степень «цивилизованности» может варьироваться) и не настаивает на символическом равенстве ее членов. Хотя цивилизационная идентичность связана с определенным географическим ареалом и прочно ассоциируется с народами, образующими ядро цивилизации, ее пространственные и символические границы с Другими мыслятся не столь отчетливо, как в случае национальной идентичности. Поэтому цивилизационная идентичность более инклюзивна, допускает «двойную

лояльность» и легко надстраивается над другими идентичностями, имеющими пространственно-политическое измерение. Феномен цивилизации, несомненно, более древний, нежели описывающее его понятие, что создает дополнительные трудности для различения дискурсов о цивилизационной идентичности.

Вместе с тем в контексте современных процессов, связанных с глобализацией, трансформацией функций национальных государств и ростом миграции, цивилизационная идентичность приобретает новое качество, в том числе – становится предметом открытой идеологической артикуляции (наиболее яркий пример – известная концепция «столкновения цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона). При этом, как справедливо подметил Виктор Шнирельман, «сдвиг от политики к культуре, наблюдаемый в современном мире, создает благоприятную почву для замены понятия “нация” на “цивилизацию”»⁷, что способствует частичному переносу смыслов, которые с ними связываются. Одним из механизмов такого переноса оказывается переопределение традиционной оппозиции: в качестве Другого выступает не «варварство», а другие «цивилизации», что придает данной модели воображения сообщества герметичность, характерную для идеи нации. Не случайно некоторые исследователи считают возможным говорить о «цивилизационном национализме»⁸.

Если воображение сообщества по модели цивилизации имеет древние корни, то идея нации – несомненно, «изобретение» эпохи Модерна. Что отличает ее от иных моделей вообра-

⁶ Цымбурский В.Л. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001 [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8373/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC].

⁷ Шнирельман В.А. Цивилизационный подход как национальная идея // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 85.

⁸ Ларюэль М. Александр Панарин и «цивилизационный национализм» в России // Русский национализм: идеология и настроение. М.: Центр «Сова», 2006. С. 165–182; Паин Э., Верховский А. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э.А. Паина; Институт Кеннана. М.: Три квадрата, 2010. С. 171–210.

жения сообщества? Во-первых, более четкая привязка к исторической территории, которая воспринимается членами сообщества как общая родина (хотя границы этой территории могут быть предметом спора). Во-вторых, представление о культурной однородности нации, опирающееся на общность языка, исторической памяти, культуры, религии и др. (хотя набор характеристик, на которые опираются разные национальные идентичности, варьируется); и одновременно – признание существенности различий между Нами и членами других сообществ, полагаемых нациями. В-третьих, стремление к развитию политико-правовой общности и экономического единства в рамках «собственного» государства и формированию на этой основе общей гражданской культуры. В-четвертых, представление о равной ответственности членов сообщества за «общую судьбу» и их равном праве участвовать в ее определении.

Все это создает основу для сильно-го чувства солидарности; по меткому замечанию Энтони Смита, у наций до сих пор не было серьезных конкурентов «в том, что касается эмоциональной привязанности и преданности большинства людей»⁹. Имеется обширная литература, доказывающая наличие тесных связей между возникновением и утверждением идеи нации и развитием современного государства (nation-state) с присущими ему институтами и функциями.

Вместе с тем эта идея действительно оказалась «модульной» и пригодной к переносу: по мере утверждения националистической картины мира заданное ею «лекало» с большим или меньшим успехом пытались прилагать и к сообществам, связанным с иными типами политий, в частности к династическим империям¹⁰.

Несмотря на несомненное сходство моделей, по которым воображаются цивилизации и нации (особенно с учетом того, что в современных обществах технологии конструирования и мобилизации соответствующих идентичностей во многом аналогичны), между ними имеются и значительные различия. И это обстоятельство делает актуальным тщательное изучение практики их использования в конкретных контекстах.

Русская общественная мысль подошла к осмыслению идеи нации почти синхронно с европейской (по оценке некоторых исследователей – уже с конца XVIII века¹¹), причем вплоть до 1880-х годов центральное место в комплексе проблем, в процессе осмысления которых формировался *дискурс о нации*¹², играл вопрос о сохранении национальной «самобытности» в ситуации «догоняющей модернизации». Исторически, по крайней мере с XVIII века, «Европа», «Запад» были значимым Другим, по отношению к которому определялась и переопределялась русская/российская/советская идентичность. Разумеется, в этой роли выступала *не только* Европа; однако данная

⁹ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 356.

¹⁰ Как хорошо показал А. Миллер, тот факт, что Россия была империей, не исключал воображения «стоящего за ней» сообщества по модели нации; имперская и национальная идентичности не только конкурировали друг с другом, но и дополняли друг друга (Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010).

¹¹ Тишков В.А. Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 566–576; Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge (Mas.) etc.: Harvard University Press, 1992. P. 191–215.

¹² Вслед за М. Кеннеди и Р. Суни под этим термином будем понимать «язык», или систему представлений, в которой, собственно, и оказываются возможны нации: Kennedy M.D., Suny R.G. Introduction // Intellectuals and the Articulation of Nation / ed. by R.G. Suny and M.D. Kennedy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. P. 3. Участниками этого «универсального дискурса» являются не только идеологи национализма, но все, кто мыслит категориями нации, национальной идентичности, национальных интересов и т. д., определяя и переопределяя их.

оппозиция была чрезвычайно устойчивой и важной. Отчасти это было связано с относительной неактуальностью иных «националистических» вызовов: соперничающие модели идентичности конструировались в уже существующем государстве, которое безусловно полагалось русским. Даже в 1880-х годах национальный вопрос в России, по определению Владимира Соловьева, был «вопросом не о существовании, а о достойном существовании»¹³. В силу этого тема *национальной автономии* – один из трех основных лейтмотивов национализма, выделенных Энтони Смитом¹⁴, – вплоть до конца XIX века не была значимой для конструирования русской идентичности. Лишь в начале XX века она была поставлена в общественную повестку в форме лозунга «Россия для русских». В середине XIX века стержнем формировавшегося дискурса о нации оказалась проблема национальной идентичности, которая интерпретировалась в смысле обретения «самобытности» и преодоления «подражательности» по отношению к культуре Запада. Значимую роль играл и лейтмотив *национального единства*, который долгое время связывался не столько с этнокультурным и конфессиональным плюрализмом Российской империи, сколько с преодолением социокультурного раскола между образованным «обществом» и «народом». Последний стал предметом литературных споров еще в 1820–1830-х годах, а в 1840-х годах усилиями славянофилов оказался возведен в ранг ключевой общественной проблемы.

С точки зрения конструирования сообщества, вписываемого в существующее Российское государство, дискурс о коллективной самоидентификации по отношению к Европе/Западу имел одно важное преимущество: его участники, как правило, оставляли за скобками

этнический плюрализм империи, представляя *Нас* культурно однородным сообществом (русским, православным, оформленным «исторической» государственностью Московской Руси и петербургской России). Это полностью соответствовало стратегии, характерной для воображения сообщества по модели нации, позволяя выносить за скобки внутренние различия и одновременно подчеркивать фундаментальность *наших* отличий от *Других*. Те, кто, следуя утверждавшейся националистической картине мира, стремился представить Россию как «нацию» в ряду иных европейских наций, делали это, опираясь на репертуар смыслов, складывавшийся в рамках «межцивилизационного» сравнения.

Однако конструирование коллективной идентичности через соотнесение с Европой/Западом не означало, что она воображалась по цивилизационной модели: хотя такой подход к ее определению и был предложен в работах Николая Данилевского и отчасти Константина Леонтьева, в то время он разделялся немногими. Главной причиной тому было отсутствие «готового» набора особых идей и культурных практик, которые могли бы рассматриваться в качестве основания «сакральной вертикали», очевидно альтернативной западноевропейской/христианской цивилизации, которая в то время еще воспринималась в качестве «цивилизации в единственном числе». И лишь изменения ментальных карт, связанные с Октябрьской революцией и послевоенным кризисом в Европе, создали некоторые предпосылки для более убедительного переопределения коллективной идентичности по цивилизационной модели.

Вопрос о критериях принадлежности к сообществу, полагаемому нацией, безусловно, дискутировался и в XIX веке. Однако отчетливое противостояние

¹³ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Предисловие ко второму изданию // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 260.

¹⁴ По мысли Э. Смита, «три лейтмотива можно обнаружить в любой разновидности национализма: идеалы национальной автономии, национального единства и национальной идентичности» (Смит Э. Указ. соч. С. 343).

различных подходов к нациестроительству – на основе «включающего» принципа лояльности уже существующему Российскому государству и причастности к русской культуре (что, как правило, сопровождалось утверждением о необходимости тем или иным образом менять характер существующих внутри сообщества связей) или же «исключающего» принципа русскости, связанного с акцентированием этнических или этноконфессиональных характеристик, – оформилось лишь на рубеже XIX–XX веков. При этом многие участники дискуссии о строительстве нации в России прекрасно сознавали риски, связанные с резким противопоставлением имперской и национальной идентичности. Это создавало дополнительные стимулы для конструирования коллективной идентичности «по смешанным лекалам», без различения ее национальных и цивилизационных составляющих. В соперничавших определениях русской идентичности переплетались рассуждения об этнокультурных, религиозных, национальных и прочих сходствах и различиях.

К началу XX века возникли предпосылки для более отчетливой дифференциации рассматриваемых нами способов воображения сообщества: главной темой общественных дискуссий стал именно «национальный вопрос», споры об отношении России к Европе отошли на второй план¹⁵. Конкуренция разных проектов нациестроительства осложнялась динамикой мирового интеллектуального контекста: на смену национализму «либеральной эры» с его романтическими и объединительными устремлениями в последней четверти XIX века пришел этнонационализм, связывавший идею нации с культурной и языковой общностью¹⁶. Это делало принцип совпадения границ

нации и государства источником угроз для этнически разнородных политий, в которых идея нации не успела или не смогла утвердиться в индифферентном к этническим различиям «гражданском» варианте. Именно так дело обстояло в России. В условиях системного кризиса, вызванного Первой мировой войной, острая конкуренция разных проектов нациестроительства оказалась одним из факторов распада государства.

События октября 1917 года принципиально трансформировали систему координат, в которой конструировалась макрополитическая идентичность. В 1920-х годах предпринималось множество попыток заново решить старую проблему «цивилизационной идентичности» России. Полем для экспериментов стали и официальный партийный дискурс большевиков, и оппозиционные ему дискурсы русской эмиграции¹⁷. Так, весьма революционную модель коллективной идентичности, ориентированную на цивилизационную матрицу, предложили евразийцы – причем это было сделано в годы, когда политическая карта Европы с энтузиазмом (хотя и весьма избирательно) перекраивалась под лозунгом «национального самоопределения».

Однако и модель, которая методом проб и ошибок формировалась в эти годы в Советской России, тоже была попыткой решения «национального вопроса» в логике, напоминавшей цивилизационную матрицу. Хотя после прихода к власти большевиков указанный вопрос был поставлен с радикализмом, не знавшим аналогов, в дальнейшем большая часть утраченных территорий оказалась реинтегрирована в рамках нового политического образования – СССР. Его идеология причудливо сочетала специфический

¹⁵ См.: Малинова О.Ю. Первая мировая война и переопределение «Запада» // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН, Центр россиеведения. Гл. ред. И.И. Глебова. М., 2009. Вып. 1. С. 205–233.

¹⁶ Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 101–130.

¹⁷ Подробнее см.: Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. Гл. 2.

вариант национализма (формальную приверженность идее «самоопределения», вылившуюся в политизацию этничности) и универалистскую идею классовой борьбы, которая на протяжении XX века доказала свой потенциал в качестве мировоззренческого основания светской «сакральной вертикали». Формула «советской народ» как «новая историческая общность» совмещала две модели воображения сообщества, в рамках которого особым образом понимаемая идея нации интегрирована в матрицу цивилизационной идентичности и подчинена другой фундаментальной категоризирующей идее – идее класса. Таким образом, представления о советской идентичности также строились на основе «смешанных лекал», хотя и нового идеологического образца.

Распад СССР еще раз изменил систему координат, поставив бывшие советские республики перед необходимостью переопределения идентичностей «стоявших за ними» сообществ. В постсоветском контексте, казалось бы, появились новые возможности для конструирования макрополитической идентичности по модели нации. Однако задача переопределения коллективной идентичности отягощается бременем советского наследия. С одной стороны, приходится считаться с практикой отождествления национальности и этничности, закрепленной не только в языке, но и в институтах (в частности, в территориально-политической структуре государства). Отражением неготовности политической элиты к радикальному изменению данной практики стала конституционная формула «многонациональный народ РФ», позволяющая интерпретировать макрополитическое сообщество, стоящее за Российским государством, и как гражданскую *нацию*, и как *наднацио-*

нальную общность. С другой стороны, наличие тесной семантической связи между русским/российским и советским накладывает отпечаток на современную политику идентичности. Это проявляется и в нескончаемых спорах об основаниях макрополитической идентичности (один из аргументов против формулы «российская нация» – негативные коннотации с понятием «советский народ»), и в неопределенности географических и социокультурных границ сообщества (соблазн реинтеграции постсоветского пространства), и в вопросе о ценностном наполнении понятия *Мы* (проблемы исторической памяти, трудности дифференциации «российского» и «советского» как источник «ценностной неопределенности российской политики»¹⁸). Переопределение макрополитической идентичности по модели нации требует целенаправленной политики, опирающейся на серию ценностных выборов, сделать которые (пока?) не удастся.

Политическая элита предпочитает прагматически балансировать между идеями нации и цивилизации. На преимущества такого подхода указывают и некоторые исследователи¹⁹. Однако неготовность определяться с выбором «лекала» не снимает риски, связанные с конфликтогенным потенциалом каждой из моделей.

Воображение сообщества по цивилизационному варианту оказывается возможным благодаря культурному и институциональному наследию двух империй. Данная модель отличается гибкостью, способностью надстраиваться над другими идентичностями, конгруэнтностью вертикальным иерархическим конструкциям (возможностью конструирования сообщества по принципу «центра» и «периферии»), поддерживает претензию

¹⁸ Кастэ С.И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. С. 125.

¹⁹ Зевелев И. Указ. соч. С. 92–93; Липкин А.И. К вопросу о понятии «национальной общности» и его применимости к России // Полис. 2008. № 6. С. 113–114 и др.

на статус великой державы – все это с точки зрения реализуемого правящей элитой консервативного сценария должно считаться преимуществами. Но в современном российском контексте цивилизационная модель сталкивается с двумя большими проблемами. *Во-первых*, отсутствует стержень такого рода конструкции – «сакральная вертикаль» особых идей и культурных практик, которую можно было бы представить в качестве отражения «трансцендентного назначения человечества». Попытки заменить требуемую *универсальную идеологию* ссылками на самобытный и «*уникальный* исторический опыт» дружбы народов и прочее (а) явно не отвечают масштабу задачи, (б) отсылают к «непредсказуемому прошлому», серьезная работа по переосмыслению которого упорно откладывается. *Во-вторых*, в современном контексте воображение сообщества по модели цивилизации не исключает рисков, связанных с необходимостью фиксации символических и пространственных границ сообщества: в качестве конституирующего Другого приходится рассматривать не «варварство», а другие «цивилизации». В силу этого оборотной стороной цивилизационной модели в российском контексте является антизападничество. Отсутствие адекватной данной модели «стержневой» идеологии также является фактором, повышающим смысловую нагрузку воображения *Нас* по контрасту со значимым Другим в конструировании коллективной идентичности.

Роль антизападничества в современной российской политике идентичности неоднозначна. С одной стороны, оно успешно используется правящими элитами для мобилизации солидарности. Как было показано выше, конструирование русской/советской/российской идентичности через сопоставление с Европой/Западом всегда позволяло «оставлять за скобками» этнокультурный и конфессиональный плюрализм. Наследие холодной войны стимулирует алармизм в отношении традицион-

ного значимого Другого, облегчая мобилизацию солидарности перед лицом коварного врага. И это нередко используется для сглаживания внутренних конфликтов. С другой стороны, педализация антизападничества поддерживает имидж России как «великой державы», противостоящей старому грозному врагу. Однако чрезмерное увлечение риторикой такого рода чревато эскалацией конфронтации, к которой наша страна едва ли в действительности готова и которая едва ли соответствует ее национальным интересам и в частности – заявленным целям модернизации. К сожалению, попытки правящей элиты соблюдать баланс между антизападнической риторикой и прагматической установкой на сотрудничество не добавляют российской внешней политике устойчивости.

Вместе с тем и с воображением макрополитического сообщества в качестве нации тоже возникают проблемы: наличие множества соперничающих проектов нациестроительства; отсутствие твердого консенсуса относительно географических и символических границ сообщества, полагаемого нацией, равно как и относительно критериев членства в нем; недостаток механизмов воспроизводства «конституционного патриотизма», обусловленный слабостью политических институтов и гражданского общества; наконец, неопределенность по ключевому вопросу – надо ли вообще стремиться к формированию нации. Такое количество нерешенных проблем делает каждый шаг на пути конструирования сообщества по модели нации источником острых разногласий. Предпочитая избегать прямой артикуляции конфликтов, в 2000-х годах правящая элита активно использовала технологию эклектического совмещения в официальной риторике элементов противоположных дискурсов при одновременной маргинализации наиболее неудобных позиций. Конфигурация политического пространства, сложившаяся в результате политических реформ 2000-х годов, делала такую

технологии достаточно эффективной, однако сдвиги, связанные с массовым распространением новых коммуникационных технологий, несколько изменили ситуацию²⁰.

Следует признать, что стремление современного политического класса к ситуативному использованию репертуаров национальной и цивилизационной идентичности – это следствие не только неизбежной инерции по меньшей мере двухвекового опыта конструирования макрополитической

идентичности по «смешанным лекалам», который нельзя отринуть в одночасье, но и неготовности принимать риски, связанные с выработкой более последовательного курса нациестроительства. Результатом является гибридная модель «национально-цивилизационного сообщества», которая в логике доминирующей политической картины мира остается уязвимой для конкуренции со стороны альтернативных проектов, опирающихся на идею нации.

---

²⁰ Идеино-символическое пространство... С. 274–283.

Жизнь в обществе глобального риска — как с этим справиться: космополитический поворот

Когда рушится мировой порядок, начинается анализ. Впрочем, этого, похоже, совсем нельзя сказать о господствующем ныне типе социальной мысли и социальной теории. С универсалистской отстраненностью и сомнамбулической уверенностью они парят над течениями эпохальных перемен.

Достаточно лишь вспомнить космополитические, как я их называю, события, изменившие мир за последние 25 лет – 11 сентября, текущий финансовый кризис, продолжающиеся изменения климата, чреватая долгосрочными последствиями ядерная катастрофа на Фукусиме, непрошедшая «арабская весна», бессрочный кризис евро, движение «Захвати Уолл-стрит». Все эти события связаны, по меньшей мере, двумя общими чертами: (1) они происходили и происходят совершенно неожиданно, то есть находятся за пределами наших политико-социологических категорий и нашего воображения; (2) они транснациональны или глобальны по своему масштабу и своим последствиям.

Отсюда вопрос: не стал ли господствующий тип социального анализа – будь он структуралистским, интеракционистским, марксистским, основанным на «критической теории» или теории

Ульрих Бек,
профессор Мюнхенского университета
и Лондонской школы экономики

Статья подготовлена Ульрихом Бекем на основе его лекции, прочитанной 20 июня 2012 года в Международном фонде социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд) на семинаре совместной программы Горбачев-Фонда и Института Кеннана «Вызовы культурного разнообразия в глобальном мире». Семинар проводился при поддержке Фонда Фридриха Эберта.

систем – сегодня устаревшим и провинциальным? *Устаревшим* – потому, что он исключает очевидное, а именно – парадигматический сдвиг в современном обществе и политике. *Провинциальным* – потому, что он неправомерно абсолютизирует специфический опыт и ожидания модернизации Западной Европы и Америки, искажая тем самым социологический факт их партикулярности.

Было бы явной недооценкой ситуации сказать, что европейская социология, как и социология вообще, нуждается в понимании модернизации других обществ лишь для того, чтобы обрести более целостную картину мира. Ведь и самих себя мы, европейцы, сможем понять только тогда, когда «депровинциализируемся», то есть когда нашим социологическим методом станет умение смотреть на мир глазами других. Вот что я называю космополитическим поворотом в социологической и политической теории и в социологических и политических исследованиях¹.

Изложу свою аргументацию пошагово, в семи тезисах.

1. Сначала я поставлю под сомнение одно из самых влиятельных воззрений на общество и политику, свойственное как социальным акторам, так и социальным исследователям. Это методологический национализм. Методологический национализм приравнивает современное общество к обществу, организованному как территориально ограниченное национальное государство.

2. Что означает «космополитизация»?

3. Что нового несет с собой мировое общество риска?

4. Каким образом такой глобальный риск, как кризис евро, меняет расстановку сил в Европе?

5. Если брать в качестве примера изменение климата, то как воображаются

и реализуются новые космополитические сообщества глобального риска?

6. Каково влияние режима прав человека на процесс делегитимации глобального неравенства?

7. Какое место могут занимать права человека в современной космополитической конъюнктуре?

Критика методологического национализма

Методологический национализм полагает, что национальное государство и национальное общество являются «естественными» социальными и политическими формами современного мира. Он полагает, что человечество естественным образом разделено на некоторое ограниченное число наций, которые изнутри организуют себя как национальные государства, а извне устанавливают границы, позволяющие им отличать себя от других национальных государств. Такой дуализм национального и интернационального представляет наиболее фундаментальную категорию политической организации.

И в самом деле, в основе наших политических и социальных научных референций лежит понятие национального государства. Именно националистический взгляд на общество и политику, закон, справедливость и историю господствует над политическим и социологическим воображением. И именно этот методологический национализм мешает общественным наукам постичь суть политической динамики мира риска или Европы риска.

Когда социальные или политические акторы исповедуют такую точку зрения, я говорю о «национальном мировоззрении»; когда же эта точка зрения определяет перспективу социального

¹ Космополитизм – термин нагруженный, особенно в российском контексте; он не совпадает со сталинским политическим определением космополитизма как «антипатриотического настроения и поведения». С моей точки зрения, теоретически и эмпирически «космополитический поворот» представляет ответ на эпистемологический вопрос глобализации: как мы можем понимать и анализировать новую взаимосвязь мира. Вкратце мой ответ таков: глядя на себя глазами другого – если определять это методологически.

исследователя, я говорю о «методологическом национализме». Различие между перспективой социального актора и социального исследователя принципиально, поскольку между ними существует только историческое, а не логическое отношение. Именно это историческое отношение между социальными акторами и социальными исследователями и порождает аксиоматику методологического национализма. При этом методологический национализм не есть некая второстепенная проблема или мелкая ошибка. Он включает в себя порядок сбора/производства данных, а также такие фундаментальные понятия современной социологии, как общество, класс, демократия, семья, воображаемое сообщество и т. п.

Совершенно очевидно, что в XIX веке европейская социология зародилась и развивалась в рамках националистической парадигмы и что любые космополитические поползновения были, по сути, задушены ужасами великих войн. В методологическом национализме Эмиля Дюркгейма «братство» превращается в «солидарность» и «национальную интеграцию». Под последней он, конечно, имел в виду интеграцию такого национального общества, как Франция, хотя и не говорил об этом прямо. Верно, впрочем, и то, что в то же самое время и Дюркгейм, и Огюст Конт говорили о космополитизме как о возможном будущем развитии современного общества. А социология Макса Вебера включала в себя сравнительное изучение трудовой этики и мировых религий, однако политически его мысль вдохновлялась идеей национального вообще и национально-государства в частности.

Критику методологического национализма не следует смешивать с тезисом о конце национального государства. Национальные государства (как подтверждают все исследователи) будут преуспевать или трансформируются в транснациональные государства (примером может служить Европейский союз). Решающее значение для критики методологического национализма

имеет то обстоятельство, что национальная организация как структурирующий принцип социального действия не может более служить ориентиром для ученого. Более того, процессы ренационализации или реэтнизации, которые мы наблюдаем в Западной Европе и других частях света, нельзя понять вне космополитической перспективы. В этом смысле общественные науки могут адекватно отвечать на вызовы глобализации только в том случае, если, преодолев методологический национализм, они начнут ставить – эмпирически и теоретически – фундаментальные вопросы в границах своих специализированных исследований и тем самым заново сформулируют космополитическую социальную науку. Для преодоления методологического национализма нам необходим космополитический поворот, космополитическая перспектива.

Что означает «космополитизация»?

Эпоха, в которую мы живем, есть эпоха не космополитизма, а космополитизации. Глобальный Другой находится среди нас. Понятие космополитизации окутано роем недоразумений и ложных интерпретаций. Его суть проще всего можно выразить на парадигматическом примере. Это глобальная трансплантология. Победа глобальной трансплантологической хирургии (а вовсе не ее кризис!) подорвала ее собственные этические основания и открыла дорогу для теневой экономики, поставляющей на мировой рынок «свежие» органы. В мире радикального неравенства явно нет недостатка в отчаявшихся людях, готовых за гроши продать почку, часть печени, легкое, глаз и даже яичко. Судьба отчаявшихся пациентов, ждущих донорский орган, мрачно переплетается с судьбой не менее отчаявшихся людей, поскольку каждая сторона борется за решение базовых проблем своего выживания. Так возникает то, что я называю *реально существующей космополитизацией чрезвычайной ситуации*.

Эта нечистая, банальная, принудительная космополитизация «свежих почек» снимает все дихотомии, все привычные или/или – между Севером и Югом, центром и периферией, миром имущих и миром неимущих. В индивидуальных телесных конфигурациях континенты, расы, классы, нации и религии – все смешивается. «Мусульманские» почки очищают «христианскую» кровь. Представители «белой расы» дышат легкими чернокожих. Белокурый менеджер взирает на мир глазами африканского уличного мальчишки. Католический священник остается в живых благодаря почке, взятой у проститутки из бразильской фавелы. Тела богачей становятся лоскутными одеялами, а бедняки, в свою очередь, превращаются в реальных или потенциальных депозитариев запасных частей. Поштучная продажа органов – их пожизненная страховка. А на другом конце цепочки – биополитический «гражданин мира» – белокожий, стройный или расплывшийся, с почкой индуса или глазом мусульманина.

Этот пример прекрасно иллюстрирует то, что я имею в виду под «глобализацией»: глобальный бедный не просто рядом с нами, глобальный бедный внутри нас. И уже по одной этой причине он больше не является глобальным Другим.

Факты космополитизации, безусловно, не ускользают из поля зрения социальных наук. Поэтому важно четко различать *философский* космополитизм, имеющий дело с *нормами*, и *социологическую* космополитизацию, оперирующую фактами.

Космополитизм, в том его философском смысле, который вкладывают в него Иммануил Кант и Юрген Хабермас, означает нечто активное, задачу, сознательное решение, что-то такое, что находится в ведении элит и осуществляется сверху. Однако сегодня банальная и нечистая космополитизация развертывается стихийно, незаметно, мощно и агрессивно. Скрытая под поверхностью, за фасадами национальных конструк-

ций, она существует вне зависимости от суверенных территорий и этикетов. От самой вершины общества она идет вниз, обнаруживая себя в обыденной семейной жизни, в повседневных ситуациях на рабочем месте, в индивидуальных телах и карьерах, хотя национальные флаги все еще развеваются, а национальные отношения, национальные идентичности и национальные формы сознания даже упрочиваются.

Именно это имеет место в контексте мирового общества риска

Почему понятие «мировое общество риска» столь важно для понимания социально-политической динамики и трансформаций начала XXI века? Накопление рисков – ядерного, экологического, финансового, военного, террористического, биохимического, информационного – стало сегодня преобладающим фактором. В той мере, в какой риск переживается нами как постоянный и повсеместный, на него возможны три реакции: отрицание, апатия и трансформация. *Отрицание* глубоко вписано в современную культуру, однако политический риск отрицания ею игнорируется. Это мы ясно видим на примере использования ядерной энергии после Фукусимы. *Апатия* прокладывает путь нигилистической линии постмодернизма. *Трансформация* фиксирует проблему, которую поднимает мировое общество риска: каким образом осознание множественности зависящих от человека вариантов будущего и, соответственно, возможных рисков влияет и трансформирует восприятие человека, а также условия жизни и институты современного общества? Одним из поразительных примеров здесь является, несомненно, глобальный финансовый кризис и та сумятица, которую он порождает в Европе и мире в целом.

Прежде всего, следует различать *риск* и *катастрофу*. Риск не означает катастрофы. Риск означает *предошущение*, осознание катастрофы. Находясь в си-

туации риска, мы в нашем настоящем проигрываем варианты будущего, но при этом настоящее будущее будущих катастроф остается принципиально неведомым. Без техники визуализации, без символических форм, без масс-медиа риски – вообще ничто. Поэтому глобальные риски – это, по сути, глобальные *медийно опосредованные риски*.

В социологическом и политическом плане это означает следующее: если разрушение и бедствие осознаются как угроза, возникает желание действовать. Предчувствие грядущих катастроф в настоящем (и кризис евро вновь живой тому пример) порождает всевозможные турбулентности внутри национальных и интернациональных институций, а также в повседневной жизни людей. Говоря политически, глобальные риски создают глобальную публику, которая мобилизует людей поверх всех границ – национальных, религиозных, этнических и т. д.

Что нового несет с собой глобальное общество риска? Современные общества и их основы потрясены глобальным предчувствием глобальных катастроф (изменение климата, финансовый кризис). Такое восприятие глобально произведенных рисков и неопределенностей характеризуется следующими чертами:

- *делокализация*. Их причины и следствия не ограничены каким-то одним местом или пространством, они принципиально глобальны;

- *некалькулируемость*. Последствия катастроф мирового масштаба принципиально не просчитываемы. По сути, речь идет о «гипотетических» или «виртуальных» рисках, которые не в последнюю очередь опираются на утверждаемую самой наукой невозможность знания и пронизывающие науку нормативные разногласия;

- *некомпенсируемость*. Мечта о безопасности, характерная для европейского

модерна XIX века, была порождением научной утопии растущего контроля человека над опасными последствиями своих решений, неуклонного снижения степени их опасности. Катастрофические инциденты могли происходить, пока и поскольку считалось, что ущерб от них можно компенсировать. Если же климат меняется бесповоротно, если прогресс, достигнутый в генетике человека, делает вторжения в человеческую природу необратимыми, если «Super-Gau»² происходят повсеместно, то уже слишком поздно говорить о компенсации. Новое качество угроз человечеству разрушает логику компенсации. Ее место занимает принцип «предостерегающего предотвращения» (Франсуа Эвальд³).

Каким образом такой глобальный риск, как кризис евро, меняет ландшафт власти в Европе?

Традиционное понимание «большой Европы» явно поражено методологическим национализмом. Такой национальный взгляд предполагает два и только два пути понимания современной европейской политики интеграции: либо федерация, ведущая к федеральному сверхгосударству, либо интергouvernementализм, ведущий к федерации национальных государств. Обе модели в равной степени неадекватны. Они не отражают сущностных моментов, свойственных современной Европе. Кроме того, в глубоком структурном отношении эти модели имеют антиевропейскую направленность. Ведь они отвергают самую что ни на есть достойную цель – формирование Европы различий, Европы космополитической, заботящейся о процветании различий. Это сразу выясняется, как только заводят речь о будущей федерации национальных государств, каждое из которых, как предполагается, будет защищать свой суве-

² Super-Gau – немецкий термин, применяемый для обозначения наиболее серьезных ядерных катастроф, таких как Чернобыльская авария (прим. ред.).

³ Франсуа Эвальд (Francois Ewald) – французский историк, философ (прим. ред.).

рентитет от экспансии общеевропейской власти. В такой перспективе европейская интеграция предстает как своего рода европейская самоколонизация. То же самое справедливо и по отношению к идее федерального сверхгосударства. Так выглядит Европа, пропущенная сквозь фильтры эксклюзивных категорий националистического мышления, способных понять ее только одним способом, а именно – как огромное (этнокультурное) национальное государство. Но такое представление в корне неверно. Создать одну европейскую нацию невозможно, нежелательно, да и означало бы нечто антиевропейское по своей сути. Защитникам националистической идеи даже в голову не приходит, что Европу, быть может, вообще не следует воображать по образцу национального государства, которому суждено лишь прирасти размером!

Обе модели – и федерации национальных государств, и федерального сверхгосударства – под разными углами описывают игру с нулевым результатом. Либо одно-единственное государство Европа (федерализм), и тогда нет никаких отдельных национальных государств. Либо отдельные национальные государства, по-прежнему отправляющие власть, и тогда нет никакой Европы (интерговернментализм). В этой парадигме, сколь бы ни выигрывала Европа, отдельные национальные государства все равно остаются в проигрыше. И это правда, защищаем ли мы данную опцию или выступаем ее противниками. Вот что я имею в виду, когда говорю, что националистические категории мышления делают идею Европы невозможной. Находясь в плену ложной альтернативы националистического мировоззрения, мы вынуждены выбирать между отсутствием Европы и не-Европой. Похоже, именно так и можно охарактеризовать ситуацию, в которой оказалась сегодня Европа. Две стороны одного тупика, рельефно выступающие на фоне нынешнего кризиса евро.

Методологический национализм отрицает эту эмпирическую реальность

Европы – Европы космополитизирующей. Позвольте мне прибегнуть к простой метафоре: Европа – это яичница. Если вы попытаетесь отделить желток от белка, ничего не получится!

Если евро рухнет, рухнет и Европейский союз, говорят Ангела Меркель и Николя Саркози. Такое предчувствие общеевропейской катастрофы принципиально меняет европейский ландшафт власти.

Вот как выглядит этот ландшафт сегодня. Грамматика власти подчинена имперскому различию между странами-кредиторами и странами-должниками. Отсюда не военная, а экономическая логика. (В этом отношении разговоры о «Четвертом рейхе» бьют мимо цели.) Ее идеологическим фундаментом является то, что я называю *немецким евронационализмом*, то есть вариантом знакомого нам национализма стабильной немецкой марки, расширенным до пределов Европы. Так немецкая культура валютной стабильности поднимается до уровня ведущей идеи Европы.

Последствие этого – раскол Евросоюза. Он проявляется прежде всего в конфликте между странами Евросоюза, входящими и не входящими в еврозону. Те, у кого нет евро, исключены из процессов принятия решений, формирующих настоящее и будущее Европы. Они низводятся до положения зрителей и теряют свой политический голос. Это особенно очевидно в случае Великобритании, которая постепенно остается не у дел в Европе.

Однако драматический раскол имеет место также и в новом, раздираемом кризисом центре активности стран еврозоны – раскол между странами, которые уже зависят или в скором времени будут зависеть от фонда помощи, и странами, финансирующими этот фонд. Первым не остается ничего иного, кроме как подчиниться претендующему на власть немецкому евронационализму. Перед Италией – возможно, одной из самых европейских стран – встает угроза потерять свою роль в процессе формирования

настоящего и будущего европейского континента.

Вот пример того, как риск – ожидание европейской катастрофы – изменяет европейское пространство власти. Моя точка зрения состоит не только в том, что кризис евро разрывает Европу на части. Это, несомненно, так. Но суть дела в том, что в этом процессе основные правила европейской демократии в настоящее время приостанавливаются или даже превращаются в свою противоположность – это происходит в обход парламентов, правительств и институтов ЕС. Многосторонность превращается в односторонность, взаимодействие – в гегемонию, суверенитет – в лишение суверенитета, а признание – в неуважение к достоинству других наций. Даже Франция, которая долгое время была во главе процесса объединения Европы, теперь должна подчиняться структурам в Берлине из опасений за свой международный кредитный рейтинг.

В то же время риск, связанный с евро, открывает новые возможности, новые пространства для действия, новые политические опции. Кодовыми становятся выражения «банковский союз», «налог на финансовую транзакцию», «евробонды», «европейское финансовое правительство», избираемый прямым голосованием «президент Евросоюза» и т. д. Фактически вопрос о том, каким образом следует управлять этим огромным пространством, охватывающим 27 государств-членов, если для принятия любого решения необходимо убедить в его целесообразности 27 глав правительств, кабинетов министров и парламентов, разрешился сам собой. В отличие от старого ЕС, зона евро *de facto* представляет собой двухскоростное общество. В будущем только зона евро – а не ЕС как таковой – будет принадлежать к авангарду европеизации. Это от-

крывает новые возможности перед институциональным воображением, столь необходимым сегодня.

Позвольте мне привести еще один пример того, как меняет мир предчувствие катастрофы. Речь идет об изменении климата. Изменение климата вызывает фундаментальные общественные трансформации, порождая новые формы власти, неравенства и незащищенности, равно как и новые формы сотрудничества и солидарности на местном, национальном и глобальном уровнях. Отсюда мой следующий вопрос.

Существуют ли новые «космополитические» сообщества риска, и если да, то как они воображаются и реализуются?

Ключевое понятие «космополитические сообщества риска» представляет собой расширенную версию понятия, введенного Бенедиктом Андерсоном в его работе о возникновении национальных государств как «воображаемых сообществ»⁴. Как показал Андерсон, национализм формируется не через непосредственные контакты с другими людьми, а скорее через осознание того, что переживаешь схожие с ними состояния и находишься под воздействием схожих событий. Андерсон вводит выражение «воображаемые сообщества» для того, чтобы показать, каким образом происходит конструирование национальной идентичности. Моя задача состоит в том, чтобы расширить это понятие и обратиться к следующему вопросу: каким образом можно превратить понятие «воображаемые космополитические сообщества риска»⁵ в мощное объяснительное средство для понимания запутанных социальных, экономических и политических последствий изменения климата? Чтобы разобраться в

⁴ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London/New York: Verso, 1983 (рус. пер.: Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001).

⁵ Beck U. *Cosmopolitanism as Imagined Communities of Global Risk* // Tiryakian E.A. (guest editor) *Imagined Communities in the 21st Century*. Special issue of the *American Behavioral Scientist*. 2011. No. 55(10). P. 1346–1361.

этом вопросе, необходимо уточнить три момента.

(1) *Динамика изменения климата подобна двуликому Янусу.* С изменением климата само понятие «общество» уже не опирается только на общие ценности. Новые глобальные взаимосвязи устанавливаются посредством причинных интерпретаций угроз и ответственности, что создает пространство прагматического контроля и учета. Это новое космополитическое пространство, скорее трансформирующее локальные и национальные сообщества, нежели замещающее их, находится в непосредственной зависимости от влиятельности причинных объяснений, и оно открыто для переговоров. «Климатический скептицизм» прекрасно иллюстрирует степень амбивалентности, царящей в естественных науках. Несмотря на то, что рабочий консенсус относительно антропогенной природы изменения климата уже достигнут на общемировом уровне⁶, принятию всеобъемлющего соглашения по климату все еще препятствуют социальные и географические границы. В этой динамике сотрудничество и конфликт продолжают переплетаться.

(2) *Изменение климата диктует новое картографирование политической власти и социального неравенства.* Изменение климата трансформирует краткосрочные и долгосрочные формы социального неравенства, а также политические антагонизмы на локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях. Формирование новых космополитических сообществ риска существенно связано с распределением власти и ресурсов, социальной и естественной уязвимостью, различным восприятием несправедливости богатыми и бедными регионами⁷.

(3) *Усиление международного сотрудничества становится суровой реальностью, обусловленной космополитическим императивом.* Из этого, в конечном счете, вытекает вопрос: как можно успешно преодолевать глобальные риски в условиях множества соперничающих друг с другом сообществ с их различными нормативными моделями, материальными интересами и конstellациями политической власти? Ключ к ответу на этот вопрос дает понятие *космополитической реальной политики* (Realpolitik). Для понимания и развития этого понятия необходимо, в частности, четко отличать его от нормативно-философского космополитизма, с одной стороны, и идеалистического утопического космополитизма⁸ – с другой. Космополитическая Realpolitik взывает – по крайней мере, преимущественно – не к общим идеям и идентичностям, а к власти и интересам. Если принять такую «реалистическую» перспективу, то основным вопросом будет следующий: каким образом гегемонистские «игры метавласти» глобальной политики государств и государственных интересов могут служить осуществлению общих космополитических целей? Или, если воспользоваться краткой формулой, восходящей к Бернарду Мандевилю⁹: как частные пороки можно превратить в общественные добродетели?

Понятие космополитической Realpolitik, нацеленное на этот вопрос, опирается на несколько допущений. Новая историческая реальность мирового общества риска такова, что никто сегодня не может справиться с проблемами в одиночку. Космополитизм, в указанном мною выше смысле, не призывает жертвовать собственными интересами и руководствоваться исключительно

⁶ Oreskes N. The Scientific Consensus on Climate Change // Science. 2004. No. 306 (5702). P. 1686.

⁷ Эту зависимость можно исследовать на примере взаимосвязанности глобальных городов в проведении климатической политики (как делаю я вместе с моими коллегами).

⁸ Archibugi D. The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy. Princeton, NJ/Woodstock: Princeton University Press, 2008; Held D. Global Covenant: The Social Democratic Alternative to the Washington Consensus. Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press, 2004.

⁹ Mandeville B. The Fable of the Bees: or, Private Vices, Publick Benefits. London/New York: Penguin Books, 1989 [1714] (на русском языке: Мандевилл Б. Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – благо для общества. М.: Мысль, 1974).

высшими идеями и идеалами. Напротив, он принимает как данность тот факт, что любое политическое действие основано преимущественно на определенном интересе. Однако он настаивает на том, чтобы преследование собственного интереса не противоречило интересам более широкого сообщества. Таким образом, космополитический реализм в основе своей означает признание законных интересов других и их учет при определении собственных интересов. В этом процессе частные интересы становятся «рефлексивными национальными интересами» через воспроизводящиеся совместные стратегии самоограничения; точнее, расширение прав и возможностей возникает в результате самоограничения. В идеале индивидуальные и коллективные цели и на национальном, и на глобальном уровне можно достигать одновременно. В действительности же, однако, космополитическая *Realpolitik* часто наталкивается на ограничения и проблемы¹⁰. Это не панацея, и работает она тоже отнюдь не всегда. В частности, то, существует ли у проблемы космополитическое решение, зависит от нормативного и институционального контекста, в котором приходится принимать решения. Тем не менее основной посыл космополитической *Realpolitik* состоит в том, что будущее открыто. Оно зависит от решений, которые мы принимаем.

Можно утверждать, что впервые в истории космополитические обязательства обладают значимостью в реальном мире, причем не только как ответ на возникновение мирового общества риска. В этой связи возможны два сценария. «Тегелевский» сценарий обещает появление космополитического императива сотрудничества: взаимодействуйте или потерпите неудачу! Или права человека, или катастрофа человечества!

Однако кризис евро грозит нам и другим, зловещим сценарием – *сценарием по Карлу Шмитту*: «нормализацией чрезвычайного положения, превращением его в норму»¹¹. Впрочем, о том, как эти две тенденции друг с другом переплетаются и какими могут быть социальные и политические последствия такого переплетения, известно немного.

Права человека и делегитимация космополитического неравенства

Позвольте мне еще раз обратиться к вопросу об основных проблемах методологического национализма. Во-первых, в аналитическом плане он игнорирует фундаментальные реалии нашего времени, связанные с космополитизацией неравенств. Почему? Потому что, во-вторых, он утверждает дуализм «локального/глобального» и «национального/интернационального», которые сегодня постепенно размываются. В-третьих, методологический национализм (в любых его формах) не способен уловить суть проблемы делегитимации неравенств, их политическую взрывоопасность.

Эти фундаментальные слабости хорошо просматриваются у Джона Ролза в его «*Theory of Justice*» (1971), а также в его поздней работе «*The Law of Peoples*» (1999)¹². Ролз как философ очень ясно высказывается относительно того, что означает быть методологическим националистом. Как достичь справедливости в рамках нации – тема его первой книги. В своем более позднем труде Ролз идет дальше и обращается к проблеме мирового правления и глобальной справедливости. Но и здесь международная перспектива принимается им во внимание лишь упрощенно, как нечто вторичное. Он говорит о

¹⁰ Beck U., Grande E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press, 2007. Ch. 8.

¹¹ Holzinger M., May S., Pohler W. *Weltrisikogesellschaft als Ausnahmezustand*. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2010.

¹² См.: Cheah Ph. *Inhuman Conditions: On Cosmopolitanism and Human Rights*. Cambridge, MA/London: Harvard University Press, 2006.

долге либеральных, «хорошо организованных» обществ помочь «обремененным» обществам. Как только последние трансформируются и станут «хорошо организованными», различия в уровне дохода между нациями не будут иметь никакого значения.

Ролз заявляет: «Когда... у всех народов есть работающее либеральное, достойное правительство, нет смысла сужать разрыв между средним уровнем благосостояния у различных народов»¹³. В концепции Ролза эти различия порождены различиями, которые оправдываются принципом (коллективной) результативности и национальными предпочтениями.

Такая национально ориентированная и необъективная перспектива справедливости совершенно упускает из виду вопрос, который является чрезвычайно важным для понимания политической динамики и трансформации неравенств: почему и при каких обстоятельствах тот или иной вид неравенства – возникающий или исчезающий объективно – теряет легитимацию¹⁴. Здесь есть два условия очевидной важности: во-первых, *создание равных норм*, во-вторых, *сравнимость неравенства*.

Первое условие выполняется через распространение, защиту и институционализацию прав человека; второе – через космополитизацию неравенства.

Идущая сегодня трансформация арабского мира демонстрирует, как вера в равные нормы – права человека – делает неравенства сравнимыми и тем самым политически весьма взрывоопасными. Именно транснациональная космополитическая динамика здесь столь очевидна и в то же время столь поразительна. Сетевое и безработное поколение арабской молодежи свергает старый тоталитарный режим арабского Ближнего Востока. Волна возмущений

поднялась в регионе, который столь долго проявлял устойчивость к изменениям. Исламисты были участниками этих восстаний, но не их зачинщиками. Восстаниями руководила секуляризованная молодежь, жаждущая обрести свободу. Это молодое «глобальное поколение» индивидуализировано и в то же время космополитизировано Интернетом, сетью Facebook и т. п. Это поколение, воодушевленное серьезным отношением к правам человека, умеет сравнивать. И хотя молодой араб или арабка не выражают своего возмущения громко, его или ее бунт следует рассматривать как восстание не только против стареющих правителей своих стран, но также против своих политических элит, склонных к коллаборационизму с режимами, поднаторевшими в манипулировании оппозицией.

И снова мейнстрим социологии, оперирующей категориями воспроизводства социального порядка, власти и политической системы, оказывается неспособным уловить суть исторического момента.

Позиционирование прав человека в современной космополитической конъюнктуре

Практический дискурс прав человека заявляет о готовности взять на себя обязанность защищать наиболее фундаментальные условия человечности. В той мере, в какой эта универалистская миссия может прийти в конфликт с государственным управлением гражданами, дискурс прав человека есть способ придать космополитизации человеческое лицо. Так рассуждают в своей совместной работе Натан Шнайдер и Даниэль Леви¹⁵. Таким образом, в этой перспективе существует моральное и

¹³ Rawls J. The Law of Peoples: With "The Idea of Public Reason Revisited". Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 114.

¹⁴ Beck U. Remapping Social Inequalities in an Age of Climate Change: For a Cosmopolitan Renewal of Sociology // Global Networks. 2010. No. 10 (2). P. 165–181.

¹⁵ Levy D., Sznajder N. Human Rights and Memory. University Park; PA: Penn State University Press, 2010.

политическое противоречие между процессами космополитизации и правами человека.

Несложно проиллюстрировать это с помощью тех примеров, о которых я говорил выше: космополитизация означает, что глобальный Другой уже не находится «где-то там» или рядом с нами, он «внутри» нас. А в упомянутом случае со «свежими почками» это «внутри» вообще имеет прямой телесный, физиологический смысл. В то же время «включение» предполагает «исключение»: «южная» почка очищает «северную» кровь. Это «включение» не означает, что южанин, лишившийся почки, будет включен в западное сообщество; верно как раз обратное – он останется исключенным. И именно потому, что эти люди остаются исключенными, их «свежие почки» столь дешевы и, значит, будут помещены в тело, например, богатого западного епископа или кардинала (кого точно, не важно). Тем самым материальные процессы, которые я называю космополитизацией, затрагивают самую суть того, что означает быть человеком.

С одной стороны, космополитизация усиливает смешение с глобальным Другим, открывая пространства и перспективы для установления режимов прав человека. Не только транснациональные медиа и телекоммуникационные сети, но и глобальные риски (такие как изменение климата, финансовые кризисы и даже, в известной мере, террористическая угроза) создают глобальную публику и обещают сплотить нас в единое человечество. Этот тип «рефлексивной космополитизации» отсылает ко множеству способов конструирования социального мира, и важнейший из таких способов – появление «третьей культуры»¹⁶. Космополитизацию следует рассматривать не как частичное или исключительное условие, которое либо существует, либо не существует,

как состояние или цель, которую необходимо достичь, а скорее как этико-политический способ социетальной трансформации, основанный на принципе открытости мира; этот принцип открытости мира порождает феномен *глобальной публики*. Сегодня глобальная публика играет критическую роль в этих процессах трансформации. Акцент здесь ставится на космополитических мгновениях открытости мира, возникающих из встречи с глобально опосредованными глобальными рисками. С этой точки зрения рефлексивная космополитизация есть форма раскрытия мира, возникающая из возможностей трансформации, имманентно присущих социальному миру¹⁷.

С другой стороны, в той мере, в какой эти процессы связаны с глобальными рисками (и с императивами накопления капитала), они также порождают глубочайшие сомнения в продолжении сохранения человечества. «Такое понимание [космополитизации] как совокупности процессов, которые могут иметь антигуманные последствия в случае, если они выйдут из-под влияния человека, разумеется, не ново. Оно повторяет аналитическую схему, в которой энтропия, характеризующая человеческое взаимодействие и социальную деятельность, требует более высокой нормативной силы, чтобы держать ее под контролем, такой, например, как моральное чувство (Адам Смит), общественный труд (Карл Маркс) или критический разум (Франкфуртская школа от Теодора Адорно до Юргена Хабермаса). Оживившиеся в последние годы дискуссии о правах человека направляются именно этой логикой. Универсальный режим прав человека в качестве нормативной системы, упорядочивающей совокупность взаимодействий между государством и группами, организованными по частным интересам, между коллективными акторами и

¹⁶ Delanty G. *The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.

¹⁷ Beck U. *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press, 2006; Delanty G. *Op. cit.*

индивидами, а также отношения между индивидами, придает человечность нашему [космополитизированному] миру. Он позволяет нам рассматривать космополитическое состояние как человеческое состояние»¹⁸.

Я хотел бы охарактеризовать два способа, которыми глобализация связывается с реализацией человечности (правами человека). Один из них представлен *либеральным*, другой – *транснациональным* подходом. Это позволит прояснить мою собственную позицию по этому поводу (*космополитический* подход).

(1) «Либеральный подход исходит из того, что либерализация мировой торговли и глобализация производства в эпоху, наступившую после холодной войны, способствует всемирной институционализации универсальных прав человека, поскольку глобальное распространение рыночных механизмов непременно сопровождается распространением власти закона и демократической культуры, а введение «современного» способа производства разрушает традиционные социальные структуры общинного типа (*Gemeinschaft*), в которых права рационального индивида приносятся в жертву коллективному долгу. Довольно интересно, что в современной академической среде, где национализм часто развенчивается как правая патриархальная идеология, глобализация повсеместно принимается: глобализация есть благо, а национальный провинциализм – зло для прав человека вообще и для прав женщин в частности. Этот тип рассуждения можно встретить в академических культурах

логических исследованиях, например в выступлении Арджуна Аппадурай в защиту постнационального мирового порядка. Он присутствует также в социальной политике, например в предпринимательском, корпоративистском интернационализме, и предоставляет информацию крупным подразделениям международных организаций (ООН, ВТО и т. д.)»¹⁹.

(2) Транснациональный подход признает «неравный характер глобализации, однако продолжает считать, что она способствует реализации универсальной человечности. Он все еще утверждает, что, хотя глобализация и ведет к возрастанию неравенства, она, тем не менее, является своего рода суровым горнилом, в котором происходит формирование новых географических пространств, благоприятствующих развитию транснациональных политических институтов и режимов прав человека, что, в свою очередь, создает основу для всемирного гражданства. Лучшим примером этой позиции служат пользующиеся большим влиянием работы Саскии Сассен, посвященные глобальным городам²⁰. Другой иллюстрацией этой позиции может выступить книга Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя»²¹. Хардт и Негри утверждают, что множественность труда мигрантов конституирует «новую человеческую географию»²².

(3) Космополитический подход ставит под вопрос принимаемую за аксиому связь между транснациональной миграцией и реализацией человечности, указывая на амбивалентность процессов космополитизации (космополитизация как двуликий Янус).

¹⁸ Cheah Ph. Op. cit. P. 178.

¹⁹ Ibid. P. 179.

²⁰ Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton NJ/Woodstock: Princeton University Press, 2001. (Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис: журнал о будущем. 2005. № 4); Sassen S. Cities are at the Center of Our Environmental Future // SAPIENS. 2010. No. 2 (3). P. 1–8.

²¹ Hardt M., Negri A. Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000 (рус. пер.: Хардт М., Негри А. Империя. М.: Практика, 2004).

²² Cheah Ph. Op. cit.

Некоторые итоги

Что я имею в виду под «космополитической социальной наукой»?

Во-первых, я утверждаю, что литература по общественным наукам во многом еще путается в сетях методологического национализма. Она по-прежнему опирается на допущение, будто национально-территориальное остается изначальным вместилищем данных, необходимых для анализа социальных, экономических, политических и культурных процессов. Однако в начале XXI века общество мирового риска бросило политический и теоретический вызов идее, согласно которой тесное переплетение истории и границ является единственным средством социальной и символической интеграции и единственным средством ее анализа.

Во-вторых, я отвергаю обычные значения слова «космополитизм», отделяя его тем самым от таких понятий, как универсализм, глобализм, транснационализм и интернационализм. Космополитизация, как я ее понимаю, – это *идеал* и *реальность* универсализма, который содержит в себе особое измерение – глобальности, включающей национализм, и транснационализма, который не исключает множественности этничностей и культур.

В-третьих, я предлагаю произвести *субстанциальный сдвиг*. Я утверждаю, что космополитизация – это не универсальный антитезис партикулярнос-

тям (национализму, локализму, культурализму и т. д.). Скорее это *синтез* предыдущих теорий. Это *преодоление дуализма* между универсализмом и партикуляризмом, интернационализмом и национализмом, между глобализацией и локализацией. Тем самым космополитизация есть нечто значительно большее, чем просто политическая теория, философская утопия (или для кого-то антиутопия), значительно большее, чем программа правления, индивидуальный жизненный стиль или состояние ума. Это реальность нашего времени.

Утверждение о том, что космополитизм есть нереалистическая идеология, я переворачиваю с ног на голову и заявляю: защитники национального – вот кто истинные идеалисты. Они смотрят на реальность через потертые националистические очки, не позволяющие разглядеть происходящие в реальности изменения, и это делает их теории старомодными и ошибочными.

Подводя итог, можно выразить сказанное в одном предложении. В мире риска национализм становится врагом нации. Следовательно, космополитизация – это исследовательская перспектива, политическая реальность и нормативная теория. Это критическая теория нашего времени, поскольку она бросает вызов наиболее фундаментальной из наших истин – истине национального.

*Перевод с английского
Владимира Малахова*

Обсуждение лекции Ульриха Бека на семинаре в Горбачев-Фонде

Лекция видного германского социолога и политического философа Ульриха Бека, состоявшаяся 20 июня 2012 года в рамках семинара совместной программы Горбачев-Фонда и Института Кеннана «Вызовы культурного разнообразия в глобальном мире», сопровождалась дискуссией с участием известных российских ученых и экспертов – Эмиля Паина, Федора Лукьянова, Владимира Малахова и Вадима Межуева. Выслушав их выступления, Ульрих Бек отметил: «Как хорошо с вами работать. Мне это так нравится. Такие различные точки зрения по одной и той же теме. Собственно, космополитическая позиция в этом и проявляется. Я очень много нового узнал». Предлагаем и нашему читателю ознакомиться с мнением участников семинара по поводу идей профессора Бека.

Эмиль Паин¹

Разрешите мне высказать несколько соображений не столько о самом докладе профессора Бека, сколько по мотивам доклада. Я уверен, что мои коллеги рассмотрят его основные концептуальные положения, а мне позвольте поделиться мыслями, навеянными докладом, прежде всего о границах возможности использования самого термина «космополитизм» применительно к политической ситуации в современной России.

Существует множество определений космополитизма, можно предложить и новое, однако за каждым понятием закреплен шлейф значений и еще никому в мире, даже самым влиятельным мыслителям, не удавалось радикально изменить веками устоявшееся значение некоего понятия. Вот и космополитизм со времен первого использования Диогеном Синопским и его последователями, киниками, и вплоть до наших дней противопоставлял универалистский взгляд на мир иному – взгляду с позиций локальной специфики и парти-

кулярных интересов. Я полагаю, что эти противоположные взгляды неразрывно связаны между собой. Они соотносительны как понятия «левого» и «правого», «общего» и «частного». Вместе с тем в разные исторические периоды их пропорции и историческая роль различались.

Время Диогена – это период македонского правления в Греции, период упадка городов-полисов, когда локальная идентичность стала вытесняться универсальной – грек стал осознавать себя не столько гражданином города-полиса, сколько гражданином мира, по крайней мере эллинистического мира.

И в последующем универсализм преобладал именно в периоды объединений – эпохи конъюнкции, например в период борьбы с феодальной раздробленностью или еще позднее – во времена образования классических империй.

Идея же культурной специфичности, особенности, напротив, преобладала в эпохи разделительных процессов, эпохи дизъюнкции, например распада больших этнокультурных сообществ типа индоев-

¹ Паин Эмиль Абрамович – доктор политических наук, профессор НИУ ВШЭ, научный руководитель московского офиса Института Кеннана, former Woodrow Wilson Center Guest Scholar, former Kennan Institute Galina Starovoiatova Fellow.

ропейского или эпохи распада империй и вычленения из них современных государств-наций. В такие эпохи важнейшую роль играли все формы антикосмополитического сознания, преобладала идентификация индивида с конкретной территорией, с родиной, с нацией как механизм локальной и групповой консолидации.

И так было тысячелетиями: «каждому овощу свое время», а каждому времени преобладание то универсализма, космополитизма, то идей культурного обособления.

Однако современный мир представляет собой небывалое сочетание одновременно двух типов процессов – объединительных и разделительных. Все локальные сообщества связаны между собой как никогда ранее и зависимы друг от друга. При этом все явственнее проявляются процессы подчеркнутого выделения культурной специфичности этих сообществ. Я говорю об обостренном выражении национальных интересов государств в пределах единой Европы, проявлении различий интересов этнических, религиозных и региональных групп внутри государств.

Обычно все эти процессы рассматривают только как проблему и даже как несчастье, как проявление группового эгоизма или недоразвитости. Они, мол, не доросли до интеграции. Позволю себе усомниться в справедливости тотально негативного взгляда на проявления культурной специфики.

В научном сообществе нарастает понимание, что нет и не может быть единой однолинейной модернизации. Вот и профессор Бек в своих работах справедливо говорит о «множестве альтернативных направлений модернизации». Поиск же и освоение этих путей неразрывно связан с поиском своей специфичности.

Культурное разнообразие нарастает хотя бы в силу того, что гомогенные культуры дробятся. Сегодня говорят о Европе регионов, но вполне можно говорить и о Европе городов. Рост автономности, свободы в самоуправлении

локальных сообществ чаще всего ведет и к росту осознания своей культурной инаковости. Более того, множество специальных технологий подчеркивают эту инаковость, разрабатывая особые имиджи городов и регионов в качестве их культурного капитала.

А что в России? Мне понятен критический пафос выступлений моих европейских коллег в отношении наций-государств. В Европе они существуют уже более века и замечен кризис политий этого типа. Но Россия не nation state. На мой взгляд, нулевые годы были временем возрождения имперского универсализма в ее территориальном управлении. Была воссоздана иерархия наместников, назначаемых центром для управления провинциями; изменилась налоговая политика в пользу центра. Он же произвольно определял и определяет распределение бюджетных средств. Только вчера была обнародована правительственная программа инвестиций в Северо-Кавказский регион в размере 1,7 трлн руб. до 2025 года. Огромные вливания в северокавказские республики, не сопоставимые с вложениями в другие регионы, ныне попадают в руки лишь узких элитарных групп. И этот подкуп местных элит для центральной власти окупается лишь сверхвысоким процентом голосов, регулярно подаваемых за президента и его партию, хотя все понимают, что голоса эти мифические, сродни гоголевским «мертвым душам». Поэтому нет ничего удивительного в том, что нынешние протестные настроения в Москве включают в себя и антиимперские требования.

Заметную часть протестных антиимперских сил составляют русские националисты. Полагаю, что русский национализм как антиимперский и соответствующий классическим его признакам как сколько-нибудь массовое явление возник только сейчас. Все, что называли русским национализмом с начала XX века до наших дней, было лишь имперским шовинизмом, который выступал с позиций сохранения и расширения империи. Я солидарен с Михаилом Ходорковским, который

из своего заточения выступает с идеей поддержки позитивной роли нового антиимперского национализма лишь на стадии разложения империи.

Однако национализма в России боятся. Но ведь не только у нас – его негативные стороны хорошо известны во всем мире. У меня вопрос: а что, противоположный ему космополитизм всегда позитивный?

Напомню, что марксизм был космополитической идеологией, таковым был и ранний большевизм в России, и слова Владимира Маяковского «чтобы в мире без Россий, без Латвий, жить единым человеческим общезищем» отражали его суть. Но под космополитическими лозунгами Красная армия в 1940 году присоединяла республики Балтии к СССР, и не стало ни «Россий», ни «Латвий» как суверенных государств.

Сегодня радикальные исламистские движения на Северном Кавказе выступают с космополитических позиций – они против этнической автаркии и местного патриотизма, они сторонники всемирной глобальной исламской уммы. И некоторые из них добиваются этого в рядах вооруженных, радикальных террористических групп.

Наконец, возьмем неагрессивный, бытовой, самый мирный космополитизм. Диоген был космополитом, путешественником, поскольку не был привязан к месту – ни домом (мог жить в бочке), ни имуществом (кружку и ту

выбросил, когда убедился, что можно пить воду и без нее). Нынешние граждане мира тоже не привязаны к одному месту и могут легко переселяться в разные страны, но по другой причине – у них достаточные финансовые накопления или высокий интеллектуальный капитал. И замечательно, что у них есть возможность выбора. Как правило, это наиболее предприимчивая, образованная и квалифицированная часть общества – ее мозги, которые сегодня утекают из России. Говорят, измените условия – и они не побегут. Возможно, но кто будет их менять? Для этого нужно кому-то из людей с высоким культурным капиталом остаться в данной стране, претерпеть некий дискомфорт, а иногда серьезные опасности, куда большие, чем политически мотивированные обыски или травля в прессе. Чтобы все это перенести, космополитического самосознания недостаточно. Нужно продемонстрировать некую повышенную привязанность к данному месту в сравнении с другими.

В современных условиях как никогда раньше необходимо совмещение космополитического взгляда и видения с позиций культурных особенностей и партикулярных интересов. Необходимо совмещение сознания глобального (мы теперь все граждане мира, по крайней мере зависимы от него) с сознанием локальным (некоторые места на Земле любого из нас удерживают больше

других, и мы уделяем им наибольшее внимание). Меня очень радует, что и профессор Бек предлагает именно синтетический взгляд на мир, но я очень сомневаюсь, что это новое видение можно втиснуть в старую терминологию космополитизма, за которой закрепилось иное содержание. «Космополитизацию» невозможно отличить от известного уже несколько тысячелетий «космополитизма». Новые понятия нуждаются в новых терминах.

Центральная идея Бека – это замена методологического национализма некой более широкой идеей «космополитизации». Это идея утопичная, но если бы ее осуществили, то последствия не вызвали бы оптимизма. Попробуйте заменить эгоистический взгляд больного на широкий взгляд медицинского персонала – и вы получите не только советскую больницу, но и советский тоталитаризм. Но и другая замена общего частным опасна. Например, в политике, когда остро необходимые профессиональные и иногда болезненные по последствиям решения ответственных политических сил думаются стереотипами толпы.

В России особенно велик риск попасть в ловушку одностороннего взгляда на общее и особенное. У нас сложилась официозная политика «особого пути России», которая на самом деле никакого пути не предусматривает, это консервативная идеология застоя, а «особость» используется идеологами нынешнего режима только для того, чтобы с ее помощью заслониться от крайне невыгодных для властей сравнений положения дел в России со странами Запада. Однако все явственнее проявляется и другая угроза – полного отказа от учета специфичности России, например того факта, что, оставаясь империей, наша страна не сможет интегрироваться в единую Европу. России еще придется пройти путь национального государства, который может показаться архаичным некоторым российским западникам.

Человечество давно придумало способ решения проблемы дуализма «общего» и частного», «универсального» и «особенного». Он не в замене, не в вытеснении одного другим, а в их взаимной дополнительности. Зачем смотреть в один окуляр, когда есть бинокль?

Федор Лукьянов²

Большое спасибо за приглашение, за возможность высказаться после профессора Бека и профессора Паина, потому что, конечно, я еще в меньшей степени специалист по социологии и философии. Точнее, никакой. Я занимаюсь практической международной политикой, и, тем не менее, то, что сказал профессор Бек, крайне важно именно с этой прикладной точки зрения. Потому что проблема современной политической дискуссии заключается в том, что, по-моему, теория отдельна совсем, а практика – где-то рядом или даже не рядом: в общем, они совершенно не пересекаются.

Все споры в рамках школ, к которым мы привыкли, как верно заметил профессор Бек, очень интересны, но почему-то они не впитывают в себя то, что реально происходит. В результате – в России это особенно трагично, но отчасти наблюдается и в других странах – научное и теоретическое осмысление подменяется бредовыми теориями заговоров. С другой стороны, даже когда обсуждается идея якобы в научном поле, появляются какие-то искусственные придумки в попытках воссоздать привычную картину и втиснуть в нее современную реальность.

Когда профессор Бек был здесь в прошлый раз – чуть больше десяти лет назад, существовала модная теория. Роберт Кейган написал бестселлер о том, что Европа – это Венера, а Америка – Марс, и они расходятся в совершенно разные стороны, и ничего общего у них скоро не будет. Это появилось в период наибольшей агрессивности американской внешней политики.

² Лукьянов Федор Александрович – главный редактор журнала «Россия в глобальной политике».

Прошло 5–6 лет, и выяснилось, что все как-то не так идет, как думали. И тот же Кейган выдвинул другую идею: нет, Европа и Америка – это либеральный капитализм, а есть еще авторитарный капитализм, который олицетворяют Китай и Россия. И вот теперь на этой основе воссоздается биполярное противостояние, и мы все должны сплотиться против них. Это все очень смешно, потому что означает попытки применить знакомые схемы к совершенно другой реальности.

То, что предлагает профессор Бек, – очень важный методологический шаг. «Космополитическая Realpolitik» – это то, чего нам не хватает, хотя, честно скажу, я пока не понял все-таки главного.

У меня возникает вопрос: а кто является актором, субъектом этой космополитической реальной политики, если остается национальное государство, но оно становится каким-то другим и утрачивает возможности, которые были, а интересы его сохраняются, но становятся общими интересами? Это, мне кажется, надо разрабатывать дальше, потому что пока не очень понятно.

Может быть, дело в том, что просто больше нет никакой физической возможности сохранить границу, которая отделяет государство от внешнего мира, и, соответственно, грань между внутренней и внешней политикой стирается везде. За исключением, наверное, Северной Кореи нет ни одного государства, которое могло бы обособиться от всего происходящего вокруг. Более того, резонанс, который возникает между внутренними и внешними процессами, способствует усилению и тех и других.

И Россия, мне кажется, как страна, чисто географически занимающая огромную часть мира, на себе уже чувствует невозможность разорвать связь между внешними турбулентными процессами и внутренними.

Это тоже должно быть предметом и теоретического осмысления, и прикладной политики. Главный вопрос для всех руководителей государств: как вести

себя в этой ситуации? Никто этого не понимает вне зависимости от формы правления – будь то демократия, авторитаризм или промежуточные состояния.

Коротко обращаю внимание на три момента, которые упомянул профессор Бек и которые, на мой взгляд, важны для обсуждения.

Во-первых, о том, сколько демократии мы можем себе позволить в мире глобального риска. Эта проблема стоит очень остро, в том числе и для России. Мы только еще начали возвращаться к признанию того, что нужны какие-то демократические процедуры. И что происходит вокруг? Страны, которые всегда служили эталонами, мечутся и не знают, что с этой демократией делать.

В Европейском союзе самое страшное, что сейчас может быть, – это референдум, когда приходится что-то спрашивать у граждан. Это катастрофа. Потому что сразу начинается – они не понимают, они не могут верно оценить, они голосуют не теми местами – не умом, а сердцем, не сердцем, а чем-то еще...

И действительно, мы видим, что когда на референдум выносятся сложнейшие юридические вопросы, как, например, было с Конституционными договором ЕС, люди голосуют о чем-то своем. И результат, в общем-то, не связан с текстом – вряд ли кто осилит 600 страниц юридического текста, – а последствия сказываются: они меняют направление стратегического развития.

Или недавний пример. В конце прошлого года греческий премьер только заикнулся о том, что надо бы вынести на референдум меморандум с Евросоюзом и МВФ об условиях кредитования Афин. Все схватились за голову: «Да он что, с ума сошел? Какой референдум?» Пришлось уйти в отставку. Даже выборы, которые необходимы для легитимации власти, каждый раз – это беда, это проблема. Опять же в Греции мы только что это видели.

При этом, конечно, ситуация окартикурируется. Когда большая страна,

такая как Франция или Германия, голосует на выборах или референдуме, с этим, конечно, никто ничего не может сделать. Если же неправильно с точки зрения остальной Европы голосуют малые страны – ирландцы, датчане, те же самые греки, – им мягко, но очень настойчиво предлагают проголосовать еще раз – дескать, вы не поняли. Пока, как мы видим, как правило, они второй раз «понимают», но к классической демократии это имеет небольшое отношение.

И это один из вопросов, который принципиально важен: в какой степени демократия не является разрушительной в ситуации, когда нужно принимать решения, которые никогда в жизни таким массовым волеизъявлением не принимаются.

Второе, на что я хотел бы обратить внимание, – это проблема Германии в современной Европе.

Вся европейская политика второй половины XX века базировалась на одном: как сделать так, чтобы немцы никогда больше не воевали, никогда больше не имели амбиций и никогда больше вообще не создавали ни для кого проблем. Эта политика, в которой участвовали все великие державы и все европейские страны, увенчалась великолепным успехом – Германия переродилась. Она совсем не такая, какой была раньше, до середины XX века.

Когда это случилось, вдруг немцам стали говорить: а теперь вы должны воевать. В Югославии, в Афганистане, потому что это солидарность с союзниками по НАТО. Когда немцы не хотят воевать в Ливии – это скандал. То есть то, от чего немцев отучали 60 лет, теперь от них требуют.

Кроме того, ситуация в Европе такова, что на Германию ложится целиком вся ответственность за судьбу евро. Получается ловушка, потому что, с одной стороны, все смотрят на Берлин и ждут действий – Германия должна что-то сделать, принять решение, спасти Грецию и всех. Как только Германия делает какой-то небольшой шаг в сторону

того, что она считает нужным (спасать Грецию, евро и т. д.), все говорят: «Так нельзя. Немцы нам навязывают свою политику, свою модель». При этом всплывают, казалось бы, совершенно забытые, преодоленные исторические стереотипы. Все помнят, какие карикатуры публиковали в греческих газетах, когда начался финансовый кризис. Сразу вспомнили и оккупацию, и нацизм... То же самое было в Польше в период конфликтов с правительством Качиньских и т. д. Все равно немцам говорят: «Но вы должны. Потому что если не вы, то кто?»

Германия попала в концептуальную ловушку, из которой непонятно как выходить. От того, как будет выходить она, зависит, и как будет выходить Европа. В этом смысле то, что предлагает или описывает профессор Бек в категориях космополитического реализма, – наверное, правильный путь. Правильный путь именно для Германии – страны, которая не хочет этой ответственности, но от этой ответственности никуда не денется. Только опять стоит вопрос: как это применять на практике?

И третье, что можно было обсудить в этом контексте в мире побеждающего космополитизма: что происходит с национальной идентичностью, национальной историей, которая традиционно служила основой этой идентичности, ее источником?

Мы опять наблюдаем два процесса, которые противоречат друг другу, но происходят параллельно: с одной стороны, стирание границ, с другой – желание в этих стирающихся границах уцепиться за что-то свое и это никому не отдать. Национальные традиции, национальные истории – они на новом витке выходят на новый уровень.

Это противоречие между необходимостью быть все более космополитичными и глобальными и невозможностью отказаться от корней, будет все больше определять мировую ситуацию и тем самым вносить дополнительную дестабилизацию в такую и без того неспокойную среду.

Владимир Малахов³

Комментарии прозвучали, хочется на все отреагировать, но это невозможно. Поэтому я сосредоточусь на одном пункте – критике методологического национализма. И это мне настолько близко, что я даже несколько месяцев назад выступал с подобной критикой на одной конференции здесь в Москве и, разумеется, делал эксплицитную отсылку к Ульриху Беку.

Но сейчас мне хотелось бы выступить «адвокатом дьявола» и покритиковать саму эту критику, посмотреть на нее со стороны.

Давайте открутим мысленно назад пленку и вспомним, когда сам этот запрос – запрос на новую эпистемологию – возник. Он возник где-то в 90-е. Естественно, не без влияния знаменитой статьи и, позднее, публичной лекции Юргена Хабермаса о «постнациональной констелляции», на фоне констатации неизбежности того процесса, который именуют «глобализацией».

С одной стороны, речь идет о смещении локуса власти с национального уровня на наднациональный, с другой – о культурной дифференциации общества изнутри. Первое – это, так сказать, «экстернальная» перспектива, второе – перспектива «интернальная». В «экстернальной» перспективе фиксируется снижение эффективности государств, *shrinking sovereignty* – сужение суверенитета; в «интернальной» – ослабление легитимности государства из-за культурной плюрализации общества.

Именно на этом фоне возникло множество работ. В том числе классическая статья Ульриха Бека 2000 года в *British Journal of Sociology*. Но любопытно, что как раз в тот момент, когда поток такой литературы стал приобретать лавинообразный характер, пошли процессы, которые стали указывать в прямо противоположную сторону.

Я имею в виду прежде всего так называемый экономический национализм.

Он наметился очень сильно приблизительно к 2002 году. Все началось, по-моему, с повышения ввозных пошлин на сталь в США в первую каденцию Буша-младшего. А потом было огромное количество случаев, когда отдельные государства в Европе блокировали поглощение своих стратегических отраслей транснациональными корпорациями. Причем капитал в этих ТНК был европейский, скажем немецкий. Французы, как только немцы захотели у них купить ключевые предприятия в газовой отрасли, тут же объединили Suez и Gaz de France и создали свою госкорпорацию. Не отдали свою стратегическую отрасль. То же самое происходило повсюду на том самом Западе, который в 90-е объявил о триумфальном шествии глобализации.

И сегодня мы видим, сколь велика роль национальных эгоизмов. В мировой политике в частности (о чем говорил Федор Лукьянов). Словом, стало абсолютно очевидно, что то самое *nation state*, которому вроде бы предрекали уход с исторической сцены, заявляет о себе не просто как ключевой актер, а как базовая, фундаментальная – и, похоже, на сегодняшний день безальтернативная – форма социальной организации.

Но я подозреваю, что подобные спекуляции у Ульриха Бека ничего, кроме досады, не вызывают. Наверное, он уже устал от такого рода возражений, поскольку он не об этом говорит. Он говорит о смене парадигмы. Он ставит вопрос даже не в теоретико-социологической, а в философской плоскости. Ведь терминология, которую он выбрал, не социологическая. В социологии говорят о «постнационализме», о «постнациональном государстве», а он говорит о «космополитизме». И это отсылает нас, по меньшей мере, к Канту с его мечтой о возможности помыслить человеческую историю во всемирно-гражданском плане.

³ Малахов Владимир Сергеевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, директор Центра изучения проблем гражданства и идентичности, former Fulbright-Kennan Scholar.

И хотя я не обладаю способностью так высоко парить в абстракции, попробую на этом уровне абстракции как-то задержаться и поразмышлять вместе с Ульрихом Беком о возможности преодоления методологического национализма. Ведь именно это ключевой вопрос его выступления. То, во что все упирается в его докладе, – это возможность смены оптики, возможность отказаться от такого взгляда на мир, при котором нация-государство выступает как нечто само собой разумеющееся.

Вопрос: а возможен ли такой отказ в принципе? Выполнима ли миссия? Особенно если учесть, что фактически все корифеи социальной мысли – от Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма до Толкотта Парсонса и Николаса Лумана – исходили именно из этой теоретической рамки. Все они рассуждали «национал-центрично».

Но я сказал – почти все, поскольку было одно исключение. Это исключение – Карл Маркс. В перспективе Маркса проблем с методологическим национализмом вообще не возникает, поскольку его теоретическая рамка – капитализм. А капитализм по определению – феномен всемирный, глобальный.

И тогда у меня вопрос к Ульриху Беку: а можно ли всерьез надеяться на преодоление этой парадигмы – я имею в виду методологический национализм, – если не двигаться в русле, которое проложил Маркс?

Это один сюжет, который я бы хотел затронуть.

Второй сюжет вот какой. Хотя это прозвучит немножечко по-хулигански – о национальных контекстах проблематизации методологического национализма. Если хотите – о национальной почве, на которой может возникнуть – или, напротив, не может возникнуть – критическая рефлексия по поводу методологического национализма. И вы вправе счесть мой вопрос за шутку, но я все-таки его задам. А совсем ли случайно то, что ключевыми протагонистами космополитической идеи оказались мыслители немецкого происхождения?

И Хабермас, и Бек, и Нина Глик Шиллер. Правда, Андреас Виммер австриец, но это близко.

А если серьезно, то меня беспокоит, почему на российской почве космополитические идеи вообще не генерируются. В нашем академическом дискурсе космополиты – полные маргиналы, а в публичном дискурсе космополитизм – это просто табу, запрещенный ход мысли.

Наша повестка дня – это, действительно, в лучшем случае идеологический национализм. И даже с его критикой у нас большие проблемы, как Эмиль Паин отметил. Доминирующий тренд в наших дискуссиях, мне кажется, был задан Александром Исаевичем Солженицыным в начале 90-х годов, когда он сказал, что наконец-то, после того как мы освободились от империи, у нас появился шанс построить нацию-государство, в этнокультурном смысле слова «нация».

Мне это кажется ретроградным и архаичным ходом мысли, особенно на фоне того, что Россия в последние годы превратилась во второй в мире центр миграционной системы. В США 38 млн мигрантов, у нас – 12 млн.

Как у нас смотрят на выходцев из бывшего СССР? Через национал-центричные очки. Де, давайте границы оборудуем, давайте визы введем, давайте от них потребуем того и того. Никакого имперского великодушия совершенно не просматривается. Имперское сознание, конечно, не космополитическое, но оно все-таки шаг на пути к преодолению этнических партикуляризм.

И это меня выводит на третий сюжет: о влиянии методологического национализма на видение феномена миграции.

Мы на этот феномен смотрим как на нечто аномальное, поскольку исходим из того, что оседлость – это норма. Пребывание в границах какого-либо nation state (национального государства) – это нормальное явление, а пересечение границ – нарушение норм.

Отсюда – восприятие миграции как угрозы. Это угроза суверенитету, пос-

кольку мигранты по определению – агенты другого суверена, представители какой-то другой суверенной политической единицы на нашей территории. Это угроза безопасности – по причине того, что, как мы считаем, приезжие априори нелояльны нашему государству, поскольку лояльны государству их происхождения. И, конечно же, это угроза культурной целостности, культурной когерентности, связности наций, ибо предполагается, что нация – это именно сплоченность, культурное единство, целостность и т. д.

С последним допущением коррелирует одержимость ассимиляцией, которая так характерна для нашего публичного дискурса. Хотя для этого и употребляется более политкорректное слово – «интеграция», но от смены слов ничего не меняется, поскольку от мигрантов ожидают растворения в воображаемом национальном теле.

Мне, однако, кажется, что мы совершенно не замечаем проблематичности этого понятия – «интеграция». Во что новоприбывшие должны интегрироваться? А является ли интегрированным целым то общество, в которое, как предполагается, мигранты должны интегрироваться? Бездумно употребляя это слово, мы представляем взаимодействие людей – новоприбывших и, условно, местных – как взаимодействие двух сущностей. Принимающего сообщества как культурной сущности, с одной стороны, и мигрантских сообществ («диаспор») – с другой. Как если бы каждая из этих «сущностей» не была расколота по множеству признаков: социально-классовому, идеологическому, гендерному, возрастному и т. д.

На мой взгляд, подход, который предлагает Ульрих Бек, сколь бы он ни был уязвим для критики, имеет, по крайней мере, одно несомненное достоинство. Он позволяет перетряхнуть тот застарелый инструментарий, которым мы мыслим феномен миграции.

Вадим Межуев⁴

Как и предшествующие выступающие, я также не социолог, а представляю ту область знания, которую социология с момента своего зарождения (в лице, например, Огюста Конта) объявила пройденным этапом в истории мысли, т. е. философию. У меня, однако, сложилось впечатление, что современная социология столкнулась с тем, о чем философы догадывались задолго до возникновения социологического знания. Правда, говорили они об этом на языке не фактов, а чистого умозрения. Но то, что для философов было только идеей, сегодня, видимо, обретает значение методологической нормы и для социальной науки.

Свое выступление я хотел предварить вопросом к уважаемому докладчику, но, к сожалению, это не было предусмотрено нашим регламентом. Вопрос этот, как мне кажется, прямо следует из его доклада. С одной стороны, все перечисленные им и реально существующие глобальные риски – технологические, экологические, финансовые и прочие – имеют один и тот же источник, а именно прогресс западной цивилизации. Разве не Запад в своем развитии породил процесс глобализации, и разве не этот процесс несет с собой угрозу глобальных рисков? Кто не рискует, тот, как известно, не выигрывает, и рожденные Западом глобальные риски явились неизбежным следствием одержанных им побед и выигрышей в ходе этого развития. Но, с другой стороны, что можно реально противопоставить этому развитию и этим рискам? Любая попытка найти им альтернативу за пределами западного мира чревата, как я думаю, самым страшным риском – возвращением к варварству. Отсюда и мой вопрос: не содержится ли в самой западной цивилизации не только источник глобальных рисков, но и способ предотвращения их отрицательных последствий, как в теоретическом, так и в практическом плане? Ведь идея ме-

⁴ Межуев Вадим Михайлович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН.

тодологического космополитизма в социологии, предложенная докладчиком, в моем представлении, также является чисто западной идеей. За пределами западного мира космополитизм – даже в функции методологической нормы – вряд ли будет кем-то поддержан, и важно понять, что именно в этом мире рождает потребность введения такой нормы.

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение. В качестве философа я – убежденный европоцентрист. Вопреки тому, что сегодня говорят о локальных цивилизациях, разделенных между собой непреодолимыми культурными и религиозными барьерами, я придерживаюсь идеи истории как неуклонного движения человечества к тому типу цивилизации, который базируется на принципах, открытых когда-то Западом и получивших рациональное оформление в европейской философии. Философия, с моей точки зрения, – неотъемлемая часть не любой (тут у меня большое расхождение с нашими востоковедами), а именно европейской культуры, в которой она выполняет функцию самосознания европейского человека. В отличие от других цивилизаций, где ту же функцию выполняли миф и религия, философия есть самосознание человека как свободного существа, как индивидуальности, обладающей собственным мнением и правом личного выбора. Такой человек впервые появился в эпоху Античности, что и было зафиксировано самим фактом рождения философии. Главной ценностью для философов во все времена была ценность человеческой свободы, которая, разумеется, в разные исторические эпохи трактовалась по-разному. Наличие в мире свободы (наряду с природной необходимостью и божественным предопределением) и стало главным философским открытием. Неслучайно расцвет философской мысли падает на те периоды истории, когда происходил переход от тирании и деспотии к демократии и гражданскому обществу. Это, во-первых, Античность, во-вторых, Новое время.

Схематически всю европейскую культуру можно представить следующим образом: если один из ее полюсов представлен религией (христианской религией), призванной сделать людей добрыми (т. е., с религиозной точки зрения, морально ответственными перед Богом), а другой – наукой, ставящей своей целью сделать их сильными, вооружив знаниями и технологиями, то философия, располагаясь как бы посередине между ними (потому ее и тянет то в одну, то в другую сторону – наряду с научной существует религиозная философия), видит свою задачу в том, чтобы сделать их свободными. Вне сознания ценности индивидуальной свободы, даваемого философией, религия и наука в равной мере могут стать орудием возвышения и власти над людьми неподвластных им сил – будь то силы небесные или земные. Отсюда и критическая функция философии по отношению к религии и науке – в смысле не их отрицания, а установления границ их компетенции.

Но только в культуре, отстаивающей свободу индивидуального выбора, рождается сознание общечеловеческого родства, признание другого или чужого как своего продолжения и дополнения, т. е. рождается то, что можно назвать космополитическим видением мира. Подобное видение отсутствует на тех ступенях общественного развития, на которых индивид еще не отличает себя от своего вида, полностью сливается с ним. Таксономической единицей человеческого рода является все же не вид (как у животных и растений), а индивид. Лишь человеку, осознавшему свою индивидуальную уникальность и неповторимость, дано сознание сопричастности не только с определенным видом подобных ему существ, но с человечеством в целом. Благодаря этому человек оказывается способным вступать в общение с представителями иной веры и культуры.

Космополитизм как жизненная установка и познавательная норма возникает, как мне кажется, на уровне не

межвидового, а межиндивидуального общения. Виды, как правило, находятся между собой в отношениях скорее конфронтации и вражды, чем взаимопонимания и сотрудничества. Даже то, что называют «дружбой народов», в моем представлении, не совсем точное понятие. «Дружат» не народы, а люди, представляющие разные народы и способные выходить за рамки групповой идентичности, как бы возвышаться над горизонтом коллективного сознания. Индивидуальное в этом смысле – синоним человека не как «абстрактного индивида» или частного лица, а как существа, равного целому, открытого ко всему богатству человеческой культуры. Только в таком качестве он и является свободным существом.

Европа стала местом рождения свободной индивидуальности – пусть не в качестве образа жизни каждого европейца, но, во всяком случае, в качестве главной установки и цели европейской культуры и тех, кто ее создает. В этом смысле Европа является родиной космополитизма – мировоззренческого и методологического. Космополитизм, как бы его ни трактовать, есть порождение европейской культуры, поскольку именно в ней человек обретает способность смотреть на себя и окружающий его мир глазами людей другой культуры.

Первыми космополитами были философы. Европейская философия в ее высших образцах всегда стояла на защите интересов не какой-то отдельной нации, а каждого человека в его стремлении к индивидуальной свободе, позволяющей мыслить в категориях рода, а не только отдельного вида, т. е. универсальным образом. Но то, что философия формулировала в форме идеальной нормы, или идеи, в наше время обрело характер эмпирически фиксируемых фактов, стало нормой повседневной социальной жизни (а потому и социального познания). Сегодня и социология, видимо, вышла на рубеж, отделяющий прежний мир, разделенный по национальным границам, от того, который конституируется

индивидуальным выбором людей. Способность смотреть на происходящее глазами человека, свободного от национальной ангажированности, является, судя по всему, единственно возможным ответом на глобальные риски, которые несет с собой западная цивилизация. Во всяком случае, так я понял докладчика.

Но что тогда считать национальным, и в каком смысле ему противостоит методологический космополитизм? Об этом уже говорил Владимир Малахов. Я лишь добавлю к сказанному им несколько слов. Нация, насколько я понимаю, не последний рубеж в историческом развитии, не заключительный, а только промежуточный пункт в истории любой страны или народа. Сошлюсь на мнение русского философа Владимира Соловьева, который определял нацию как промежуточное звено между этнической обособленностью и сверхнациональным единством. Любая попытка исключить из нации нечто, выходящее за пределы этноса (то, что Соловьев назвал сверхнациональным единством), влечет за собой обратную редукцию нации к этносу. В итоге мы получаем не национализм даже, а этнократизм, когда нацией называют людей одной крови, а национальным государством – их объединение исключительно по принципу кровного родства. В России с многонациональным составом ее населения отождествление нации с этносом (или народом) чрезвычайно распространено как в обыденной жизни, так и в теоретическом сознании. Отсюда либо крайние националистические лозунги типа «Россия для русских», либо рецидивы имперского сознания с его верой в верховенство стоящей над всеми народами и объединяющей их всех власти в лице царя, генсека, президента, т. е. сугубо персонализированной власти. И то и другое свидетельствует о том, что в России еще не сложилось национальное государство. Данное обстоятельство, кстати, является дополнительным препятствием на пути вхождения России в современный глобальный мир.

Что же все-таки отличает нацию от этноса? Попытаюсь пояснить это на примере сравнения России с европейскими нациями. В Европе, как известно, есть свои левые и правые, свои либералы, социалисты, консерваторы и пр. Они спорят по всем вопросам, но при этом согласны по вопросу о том, к какой цивилизации принадлежат. Еще Гуссерль как-то заметил, что, несмотря на длительные войны (столетние, семилетние и прочие), которые велись между европейскими народами, все они чувствуют себя в Европе как дома. Человек может быть немцем, французом, итальянцем, шведом, но он знает, что он еще и европеец, что вся Европа – его дом.

В России же спорят именно о том, к какой цивилизации она принадлежит. В России одни считают себя частью Европы, другие – Европой и Азией одновременно, или Евразией, третьи – ни тем, ни другим, чем-то, ни на что не похожим. Вопрос о цивилизационной идентичности в России так и не решен – по нему нет согласия ни между гражданами, ни между элитами – потому наши споры столь непримиримы. Это является признаком еще не до конца сложившейся нации, ибо народ становится нацией, когда определяется в своей цивилизационной идентичности. Нации – это этносы, связанные между собой принадлежностью к общей, объединяющей их цивилизации, которая и выступает в функции сверхнационального единства. Вот почему нации зародились прежде всего в лоне европейской цивилизации с ее общими ценностями, разделяемыми европейскими народами.

Само возникновение нации свидетельствует о выходе того или иного народа за рамки его этнической обособленности и ограниченности, его приобщении к более широкой общности,

называемой «цивилизацией». Разве ценности западной цивилизации – гуманизм, рационализм, правосознание, христианская мораль – не являются общими для всех европейских народов, сколь бы этнически они не различались между собой? В силу этого данные народы и образуют нации. Европа потому и дала начало процессу образования наций и национальных государств, что предоставила каждому человеку право свободного выбора гражданства и культурной идентичности, а равно и выхода за рамки любой такой идентичности – что, собственно, и называется космополитизмом.

Но вот вопрос, который остается для меня так до конца и не проясненным: возможна ли позиция методологического космополитизма за пределами западной цивилизации – при наличии цивилизаций, не признающих этих ценностей, а значит, отрицающих право человека на индивидуальный выбор? Как возможен космополитизм в мире, разделенном не только по национальным, но и цивилизационным (т. е. в первую очередь религиозным) границам? Можно ли преодолеть эти границы, пусть и в пределах только познавательной парадигмы – могут ли социологи договориться, например, с историками, для которых эти границы непреодолимы? Как вообще сочетать социологическую установку на космополитическое видение современного мира с его разделением на обособленные друг от друга цивилизации? Очевидно, даже в качестве методологической нормы космополитизм возможен лишь в обществе, признающем ценности индивидуальной свободы, и, следовательно, социология, придерживающаяся такой нормы, должна исходить из признания возможности существования единой, общей для всех и в этом смысле универсальной цивилизации, как бы ее не называть.

Кто боится учебника истории?

В последнее десятилетие содержание учебников истории не раз вызывало серьезные споры в российском обществе. Школьный учебник Игоря Долуцкого оказался исключенным из числа рекомендованных Министерством образования и науки (как говорят, за излишний либерализм), пособие для учителей Александра Филиппова, напротив, поддержанное на высшем уровне, вызвало недовольство либеральной общественности. Ряд вузовских пособий по истории рассматривались недавно как повод для судебного преследования авторов. Кроме того, школьные учебники России и сопредельных с ней стран расходятся все дальше, и оценка исторических деятелей и интерпретация одних и тех же событий в русском и, скажем, украинском учебниках может оказаться прямо противоположной.

26 апреля 2012 года в Волгограде состоялся семинар «Кто боится учебника истории?», организованный Институтом Кеннана и Волгоградским государственным университетом при поддержке Фонда Ф. Эберта. Это уже третье совместное мероприятие ВолГУ и Института Кеннана в рамках Волгоградского исторического семинара.

С приветствиями к собравшимся в ВолГУ ученым, студентам, учителям, методистам системы образования обратились первый проректор ВолГУ Василий Тараканов, декан факультета философии, истории, международных отношений и социальных технологий Ольга Редькина, представитель филиала Фонда Ф. Эберта в Москве Евгения Потемкина и руководитель программ московского офиса Института Кеннана Галина Левина.

В ходе семинара были обсуждены проблемы, волнующие профессиональных историков, учителей, родителей. Не так давно известный кремлевский пропагандист утверждал в своем блоге, что учить истории учителя будут «по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России»¹. Кто, в самом деле, должен решать, что именно будет содержать школьный учебник истории? Какова роль авторов, федеральных и региональных органов управления образованием, издательств, учителей в написании и отборе учебников? Насколько учебник истории должен формировать у школьника представление о господствующем в обществе «историческом нарративе», а насколько – объяснять ему основы исторической науки? Как определять усвоение школьником программы по истории? Как должен соотноситься единый учебник истории России с учебниками истории отдельных регионов страны? Что делать с неизбежными противоречиями?

Заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения ВолГУ, д.и.н., проф. *Иван Курилла* обозначил в своем выступлении эти проблемы, указал на политизированность обсуждения содержания школьного учебника в нашей стране. Заслуженный учитель РФ, председатель правления межрегиональной общественной организации «Объединение преподавателей истории» *Тамара Эйдельман* (Москва) рассказала о недостатках существующих учебников истории и о порочности самого монологичного подхода к изучению истории в школе, предложив менять цели и формы обучения и приведя в при-

---

¹ Живой журнал юзера letcha. 2007. 25 июня [http://letcha.livejournal.com/502209.html].

мер подходы Европейской ассоциации преподавателей истории «Евроклио». Заведующий кафедрой истории и философии Волжского гуманитарного института (филиала) ВолГУ, д.и.н., проф. *Сергей Рамазанов* (Волжский) подверг сомнению неизменность социальной функции учебника истории в ситуации информационного насыщения, когда ученик все большую долю знаний получает из таких источников, как Интернет или телевидение. Заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета, д.и.н., проф. *Александр Ходнев* проанализировал причины недоверия к учебнику истории со стороны всех общественных групп, имеющих к нему отношение, и рассказал о связи новых государственных стандартов с наполнением школьных учебников. Доцент волгоградского филиала РАНХиГС, к.и.н. *Александр Клейтман* обратил внимание собравшихся на противоречия между региональными версиями истории России и общероссийским нарративом, посетовав на стремление регионов писать учебники раньше, чем накопится научная база изучения истории края. О своем опыте преподавания истории в школе и исследования эволюции постсоветского преподавания рассказала доцент Волжского гуманитарного института ВолГУ, к.и.н. *Ольга Мясникова*. Методист Волгоградской государственной академии повышения квалификации работников образования *Наталья Чеботарева* призвала участников семинара не забывать о большой роли крупных издательств, специализирующихся на публикации учебников, в подборе авторов, выстра-

ивании «линеек» учебной литературы для всех классов школы и затем в продвижении своей «линейки» в регионы и школы с использованием разнообразных маркетинговых ходов. В выступлении члена Русского ПЕН-центра, д.филол.н., к.и.н. *Бориса Соколова* (Москва) внимание собравшихся было обращено на «белые пятна» и «нежелательные факты» в школьных учебниках. Наконец, доцент кафедры истории России ВолГУ, к.и.н. *Надежда Арчевасова* предложила взгляд на образование как на бизнес-технология, к которой применима методология Ицхака Адизеса, и проанализировала роль учебников в этой образовательной парадигме.

После каждого выступления завязывалась интересная дискуссия, продолжившаяся и за пределами времени, отведенного на семинар, в том числе и на следующий день, когда гости Волгограда познакомились с памятными местами города, неотъемлемо присутствующего в школьном курсе истории. Организаторы планируют опубликовать материалы семинара отдельным сборником.

Ответа на поставленные в начале семинара вопросы участники не нашли. Однако совместный поиск ответов сам становится фактором изменения отношения общества к проблеме школьного учебника истории. Не надо его бояться. И не надо его навязывать. Но пора о нашей общей истории задуматься.

Иван Курилла,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой международных
отношений и зарубежного
регионоведения, former Kennan Institute
Regional Exchange Scholar

Календарь событий весны – лета 2012 года

Семинар «Трудный путь к нации: проблемы и перспективы национально-гражданской интеграции в России»

19 марта, г. Москва
НИУ «Высшая школа экономики»

Национальный вопрос: ресурсы имперского и федеративного проектов в России

Ирина Бусыгина, директор Центра региональных политических исследований МГИМО

Организаторы – Фонд «Либеральная миссия», НИУ ВШЭ, московский офис
Института Кеннана

---

21 марта, г. Москва

Встреча выпускников Института Кеннана

Семинар «Трудный путь к нации: проблемы и перспективы национально-гражданской интеграции в России»

29 марта, г. Томск
Томский государственный университет

Европа – Россия – Сибирь: общее и особенное в проблемах национально-гражданской интеграции

Открытие – *Лариса Дериглазова*, профессор кафедры мировой политики ТГУ, директор Центра Европейского союза в Сибири; *Ян Фальбуш*, сотрудник филиала Фонда Ф. Эберта в Москве; *Алексей Стуканов*, начальник департамента международных и региональных связей Администрации Томской области; *Екатерина Алексеева*, руководитель программ московского офиса Института Кеннана

«Проблемы политики идентичности в Европе и России», *Эмиль Паин*, профессор НИУ ВШЭ; «Политика интеграции в Германии», *Райне Улигер*, руководитель проектов сети «Миграция в Европе» (Германия); «Преобразование населения в народ как теоретическая задача», *Николай Розов*, профессор философского факультета Новосибирского государственного университета; «Идеи областничества как выражение сибирской идентичности в исторической перспективе», *Василий Зиновьев*, декан исторического факультета ТГУ; «Сибирское староверие: от этноконфессиональной к региональным формам идентичности», *Елена Дутчак*, профессор кафедры отечественной истории ТГУ; «Городская идентичность: взаимодействие с национально-гражданской и этнической (на примере Москвы)», *Ольга Вендина*, ведущий научный сотрудник Института географии РАН; «Трудовые мигранты в Томской области: проблемы адаптации и взаимоотношений с принимающим обществом», *Ирина Нам*, профессор кафедры современной отечественной истории ТГУ

Организаторы – Томский государственный университет, Центр Европейского союза в Сибири, московский офис Института Кеннана при финансовой поддержке Фонда Ф. Эберта

Волгоградский исторический семинар

26 апреля, г. Волгоград
Волгоградский государственный
университет

Кто боится учебника истории?

Открытие – *Василий Тараканов*, первый проректор ВолГУ; *Ольга Редькина*, декан факультета философии, истории, международных отношений и социальных технологий ВолГУ; *Евгения Потемкина*, представитель филиала Фонда Ф. Эберта в Москве; *Галина Левина*, руководитель программ московского офиса Института Кеннана

«Чем наполнять учебник истории?», *Иван Курилла*, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения ВолГУ; «Зачем нужны учебники? Учебные пособия и их связь с идеологией», *Тамара Эйдельман*, заслуженный учитель РФ, председатель правления Межрегиональной общественной организации «Объединение преподавателей истории», посланник «Евроклио» (Европейской ассоциации преподавателей истории), Москва; «О социальных функциях учебников истории», *Сергей Рамазанов*, заведующий кафедрой истории и философии Волжского гуманитарного института (филиала) ВолГУ, Волжский; «Социокультурные и национальные особенности в РФ, новые государственные образовательные стандарты и школьный учебник по истории», *Александр Ходнев*, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета; «Учебники региональной истории», *Александр Клейтман*, доцент волгоградского филиала РАНХиГС; «Каким должен быть учебник истории?», *Ольга Мясникова*, доцент Волжского гуманитарного института (филиала) ВолГУ; «Советская внешняя политика конца 30-х – первой половины 40-х годов и Великая Отечественная война в школьных учебниках истории», *Борис Соколов*, член Русского ПЕН-Центра, Москва; «Ловушки для создания учебников. Применение методологии доктора И. Адизеса к образовательному бизнесу», *Надежда Арчбасова*, доцент кафедры истории России ВолГУ

Организаторы – ВолГУ, московский офис Института Кеннана при финансовой поддержке Фонда Ф. Эберта

Семинар «Трудный путь к нации: проблемы и перспективы национально-гражданской интеграции в России»

27 апреля, г. Москва
НИУ ВШЭ

Россия и Украина: общее и особенное в имперском наследии

Сергей Простаков, студент магистратуры НИУ ВШЭ

Организаторы – Фонд «Либеральная миссия», НИУ ВШЭ, московский офис Института Кеннана

Семинар «Трудный путь к нации:
проблемы и перспективы национально-
гражданской интеграции в России»

29 мая, г. Москва
НИУ ВШЭ

Между идеями нации и цивилизации: дилеммы макрополитической идентичности в постимперском контексте

Ольга Малинова, главный научный сотрудник ИНИОН РАН

Организаторы – Фонд «Либеральная миссия», НИУ ВШЭ,
московский офис Института Кеннана

Семинар программы
«Вызовы культурного разнообразия в глобальном мире»

20 июня, г. Москва
Горбачев-Фонд

Жить в обществе глобального риска – как с этим справиться. Космополитическое видение

Основной докладчик – *Ульрих Бек*, профессор Мюнхенского университета и Лондонской школы экономики

Дискуссанты – *Эмиль Паин*, профессор НИУ ВШЭ; *Федор Лукьянов*, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»; *Владимир Малахов*, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, директор Центра изучения проблем гражданства и идентичности; *Вадим Межуев*, главный научный сотрудник Института философии РАН

Организаторы – Горбачев-Фонд, московский офис Института Кеннана
при финансовой поддержке Фонда Ф. Эберта

Презентация

20 июня, г. Москва
Дом русского зарубежья
им. А.И. Солженицына

Презентация книги Павла Нерлера «Осип Мандельштам и Америка»

Павел Нерлер, литературовед, председатель Мандельштамовского общества; *Юрий Фрейдлин*, литературовед; *Сергей Василенко*, директор Музея О. Мандельштама во Фрязино; *Леонид Кацис*, филолог, литературный критик; *Екатерина Алексеева*, руководитель программ московского офиса Института Кеннана

Организаторы – Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына,
Мандельштамовское общество, московский офис Института Кеннана

*Совет Товарищества выпускников
Института Кеннана*

Вендина Ольга Ивановна

*к.г.н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН
г. Москва*

Курилла Иван Иванович

*председатель, д.и.н., заведующий кафедрой международных отношений
и зарубежного регионоведения
Волгоградского государственного университета
г. Волгоград*

Малинова Ольга Юрьевна

*д.филол.н., главный научный сотрудник Института
научной информации по общественным наукам РАН
г. Москва*

Розанова Марья Сергеевна

*к.филол.н., председатель правления Центра гражданских,
социальных, научных и культурных инициатив «Стратегия»
г. Санкт-Петербург*

Цымбал Евгений Васильевич

*кинорежиссер
г. Москва*

Наталья Владимировна Ростова,
старший корреспондент *Slon.ru*,
former Kennan Institute Galina
Starovoitova Fellow

Новая моя Америка

«Что на этот раз?» – спросил меня консул на визовом собеседовании в американском посольстве. Вопрос дипломата вызвал внутри меня хохот. «На этот раз – программа в Институте Кеннана», – постаралась я не рассмеяться. Он видел, что я еду «не в первый раз». «Да, далеко не в первый», – согласилась я.

Я предполагала, что и «на этот раз» будет открыта какая-то новая моя Америка, но я и представить не могла, что она так значительно изменит меня. Когда ты вдали так долго и есть столько возможностей для того, чтобы спокойно многое обдумать и почитать, это не может на тебе не сказаться. Надеюсь, в лучшую сторону.

В суетной московской журналистской жизни вряд ли появится шанс в середине дня послушать лекцию о жизни Льва Толстого или о провалившейся реформе МВД, сдобрить это впечатлениями американских славистов о роли книги Джеймса Биллингтона «Икона и топор» в их жизни или попытаться понять, почему человечество так неистово прощается с прошлым, разрушая памятники. Особое внимание к политике внутри России стало проявляться зимой, начались протесты, и именно тогда я оказалась физически оторванной от гущи событий. Да, острых политических дискуссий хватает и в Москве – и в СМИ, и в Фейсбуке, который сейчас многим заменяет СМИ. Казалось бы, интереснее быть там, в России, когда жизнь настолько бурлит. Однако я не жалею о том, что пережила этот незабываемый опыт – узнать, как Москва видится через океан, какие вопросы интересуют вашингтонскую аудиторию после выступлений экспертов, как она

реагирует на наши реалии. Была возможность обратить большее внимание и на освещение событий американской прессой.

Сложно представить иной город, более тихий, спокойный, зеленый, дающий возможность сосредоточиться, чем Вашингтон. А архитектурно это наиболее близкий русскому глазу американский город, что заметил еще Василий Аксенов, кстати, стипендиат одной из программ Института Кеннана. Но при этом – город, и бурлящий политической жизнью, и широко распахивающий свои двери для лучших симфонических оркестров, голосов и «ног» мира. Компьютерная система Кеннеди-центра запомнила меня и трогательно предложила купить билет на Мариинский балет до официальной продажи – «Вы ведь были уже на их представлении прежде?» А походы в пресвитерианскую церковь на джазовые концерты по пятницам, кажется, становятся традицией всех участников программы имени Галины Старовойтовой. Неудивительно: Блэр Рубл – прекрасный пропагандист и агитатор. В хорошем смысле слова. Директор Института Кеннана без усталости опекал нас, щедро делился своим Вашингтоном и, будучи преданным поклонником джаза, сообщал о лучших джазовых площадках и концертах.

Программа Института Кеннана позволила мне с головой окунуться в чтение русской периодики и исследований в области СМИ. Поводом для заявки на стипендию стала серия интервью с бывшими главными редакторами, которые я делала в последние годы для Slon.ru. Это несколько десятков рассказов из первых уст о журналистике в постперестроечные годы, о ярких изданиях, каналах и радиостанциях, отношениях внутри треугольника «журналистика – власть – бизнес». В Вашингтоне я пыталась понять контекст происходивших после перестройки событий в мире журналистики, уложить эти интервью в историю, в хронологию, узнать, например, какие политические истории приводили к цензурным скандалам или, например,

как президентские указы влияли на медиаландшафт. То, что деятельность основных каналов телевидения во многом регулировалась указами президента, что указами создавались и ОРТ, и второй, российский, канал, и НТВ, да и сейчас пытаются создать Общественное телевидение, не новость. Но их количество было для меня открытием. Указами же назначались и снимались руководители каналов. Чего стоит, например, документ 1992 года за подписью Бориса Ельцина «О Яковлеве Е.В.», где Егор Яковлев, один из главных героев политики гласности, освобождается от должности – за нарушение президентских же указов, «устанавливающих ограничения на распространение информации с территорий Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики». Поразительно, с какой честностью верховная власть делала публичные признания, да еще и языком указа.

Уникальные отношения Института Кеннана с Библиотекой Конгресса позволяют заказывать книги, которыми ты можешь пользоваться в течение шести недель. Невероятная роскошь! Не говоря уже о том, что тебе могут прислать и микрофильмы с русской периодикой, которые тут же можно сохранить в электронном виде, и сделать бумажную копию. Как-то меня заинтересовал журнал «Столица» (каждый раз нахождение нашей периодики – это отдельный восторг: казалось бы, ну почему российская пресса должна так бережно храниться в Америке?). В Библиотеке Конгресса экземпляры «Столицы» существовали, однако это была ранняя «Столица», времен редакторства Андрея Мальгина. А вот выпусков, относящихся к периоду владения журналом издательского дома «Коммерсант», тому недолгому этапу, когда его возглавлял Сергей Мостовщиков, в библиотеке не оказалось. А ведь именно тогда журнал проводил незабываемую длительную акцию против памятника Церетели Петру Первому под названием «Вас здесь не стояло!» или «Долой царя!». Я поня-

ла, что придется разбираться с этим уже по возвращении в Москву, но тут сотрудница европейского читального зала сказала, где есть эта подборка – в библиотеке Корнелльского университета. И что же вы думаете? Заведующая библиотекой Института Кеннана Джанет Спайкс договорилась с университетом, и мне на целый месяц (!) в офис института прислали три толстых тома, с подшивками «Столицы» образца 1997 года. Сказать о том, что это было неожиданной радостью, – ничего не сказать.

Благодаря Институту Кеннана мне удалось встретиться в Америке со множеством интереснейших людей. Одна из незабываемых встреч – с историком Ричардом Вортманом. Он два часа рассказывал о России и, отвечая на вопрос о том, как родилась любовь к стране, сослался на Артура Рубинштейна. Его тоже как-то спросили о любви – к мужыке, а он сказал, что вряд ли можно на-

звать любовью то, без чего невозможно существование. Или – случайное знакомство в стенах института с Уильямом Брумфилдом, увлеченнейшим историком русской архитектуры. Или – с протоиреем Русской православной церкви в Вашингтоне Виктором Потаповым, который стал первым в моей жизни священником, с которым я сделала интервью. Или – знакомство с Дэвидом Саттером, журналистом, писавшем о России еще во времена Советского Союза, которое позволило понять, насколько глубоки бывают знания о нашей стране у зарубежных советологов/кремленологов.

Я уже не говорю о дружбе, которая возникла, о возможности постоянно практиковать английский, о шансе пожить в американской культуре. Я очень благодарна судьбе за то, что у меня была такая невероятная удача – оказаться на Woodrow Wilson Plaza. Сама себе до сих пор завидую.

Кадровые изменения в Институте Кеннана

Блэр Рубл возглавил новую программу Центра Вильсона «Глобальная жизнеспособность и устойчивость» (Global Sustainability & Resilience), в рамках которой будут проводиться исследования воздействия глобальных изменений, таких как рост населения, истощение ресурсов, урбанизация, миграция и экономическое развитие, на жизнь людей – начиная с окружающей среды и здоровья и заканчивая вопросами безопасности и экономического благополучия. Программа объединяет усилия нескольких существующих программ Центра Вильсона – «Изменение окружающей среды и безопасность» (Environmental Change and Security Program), «Инициатива в сфере всемирной охраны здоровья» (Global Health Initiative), «Форум по окружающей среде в Китае» (China Environment Forum) и «Сравнительные исследования в области урбанистики» (Comparative Urban Studies Program).

В связи с этим назначением Блэр Рубл ушел с поста директора Института Кеннана, который занимал с 1989 года. Однако он продолжит работу в институте в качестве старшего советника и будет заниматься вопросами урбанизации, миграции и культурного разнообразия в России и Украине.

В опубликованном на сайте Центра Вильсона обращении к коллегам и друзьям Блэр Рубл, в частности, написал: «Такие переломные моменты часто характеризуются как горько-сладкие. Но на этот раз о горечи говорить не приходится. Можно с уверенностью утверждать, что благодаря своей должности в последнюю четверть века я находился в самом эпицентре российских социальных исследований. Я работал с поистине потрясающими коллегами, которые последовательно претворяли мои мечты в реальность. Я бесконечно благодарен своим трудолюбивым коллегам из вашингтонского, московского и киевского офисов; членам Консультативного совета

Института Кеннана, которые постоянно помогали мне своими мудрыми советами; ученым, которые внесли весомый вклад в осуществление наших программ, а также донорам, которым мы обязаны всем тем, чего достигли.

Что касается будущего, то я с нетерпением предвкушаю, что на новом витке своей карьеры мне удастся заняться проблемами, которые сильно волнуют меня в последнее время. Задача получения обширного и разнообразного опыта, способного стимулировать социальную устойчивость, заслуживает серьезного осмысления, что, надеюсь, станет возможным благодаря нашим программным мероприятиям».

Исполняющим обязанности директора Института Кеннана назначен Уильям Померанц, работавший заместителем директора института с 2007 года. В сфере научных интересов д-ра Померанца входит история и современные проблемы российского конституционного и коммерческого права. Он много писал о постсоветском периоде развития права, затрагивая проблемы законодательства в области иностранных инвестиций, федерализма и коррупции. В Институте Кеннана д-р Померанц возглавляет программу по верховенству права, в рамках которой проводились конференции, посвященные российской Конституции, разделению властей в России и Украине, поправке Джексона-Вэника, а также влиянию Европейского суда по правам человека на российское право. Кроме того, он преподает российское право в Центре евразийских, российских и восточноевропейских исследований Джорджтаунского университета.

Редколлегия журнала и сотрудники московского офиса Института Кеннана от всей души поздравляют Блэра Рубла и Уильяма Померанца с началом нового и, уверены, интересного этапа в их профессиональной карьере!

Пожалуй, ни один период истории российско-американских отношений не пользуется таким интересом исследователей и читателей исторических трудов, как холодная война. Пожалуй, ни один политик и дипломат холодной войны не стал предметом такого количества работ, как Джордж Кеннан. И, пожалуй, ни один историк холодной войны не известен так широко, как Джон Льюис Гэддис, чьему способствует и его удивительная работоспособность, и яркость стиля, позволяющая даже неискушенному в международной политике читателю с неослабным интересом читать его труды. К тому же именно Гэддис получил уникальную возможность знакомиться с бумагами и семейными архивами Кеннана в тот период, когда они были скрыты от других глаз. Все сошлось для того, чтобы новая книга Гэддиса стала успехом. И она им стала – Пулицеровская премия тому не единственное доказательство.

Предлагая вниманию читателей «Вестника» перевод рецензии на эту книгу еще одного историка российско-американского взаимодействия Дэвида Энгермана (в свою очередь, одного из ведущих в своем поколении исследователей этого поля), редакция может рассчитывать на своего рода кумулятивный эффект: Энгерман (1966 г.р.) пишет о том, что Гэддис (1941 г.р.) написал о Кеннани (1904 г.р.).

Находясь по другую сторону океана от этой когорты, я отмечу лишь один любопытный факт, заметный и в книге Гэддиса, и рецензии на нее Энгермана. Главным объектом исследования (а для Кеннана – еще и стратегии) всех трех интеллектуалов были отношения США

с Советским Союзом/Россией. Но наша страна лишь мельком упоминается в рецензии, а представления Кеннана о России в описании Гэддиса заставляют задуматься о том, насколько знания ведущих американских экспертов по Советскому Союзу были адекватны и всесторонни. Будучи весьма проникательным наблюдателем российской действительности в одних случаях, в других – Кеннан очевидным образом оставался в плену самых простых стереотипов и не мог рассмотреть движущие мотивы действий, происходивших у него на глазах. В самом деле, Кеннан гордился своей находкой и использованием текстов американского дипломата времен Николая I Нейла Брауна для описания Советского Союза 1930-х годов, и Гэддис соглашается с этим поводом для гордости, упоминая об этом эпизоде пять раз в разных частях книги. На наш взгляд, однако, эта история – пример того, как слишком широкие обобщения мешают дипломату увидеть реальность другого общества¹.

И все же книга Гэддиса о Кеннани является фундаментальным и вместе с тем захватывающим исследованием, она наверняка будет читаться американской – и профессиональной российской – аудиторией не меньше, чем его труды по истории холодной войны.

В то же время эта книга – одна из тех монографий, которые стоит прочесть русскому читателю, и будет хорошо, если она будет переведена и издана у нас в стране².

Иван Курилла,

доктор исторических наук,
член редколлегии «Вестника
Института Кеннана в России»

¹ См. подробнее: Курилла И.И. Нейл Браун, Уильям Буллит и Джордж Кеннан: меняющиеся американцы, неизменная Россия? // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 10. М., 2006. С. 63–69.

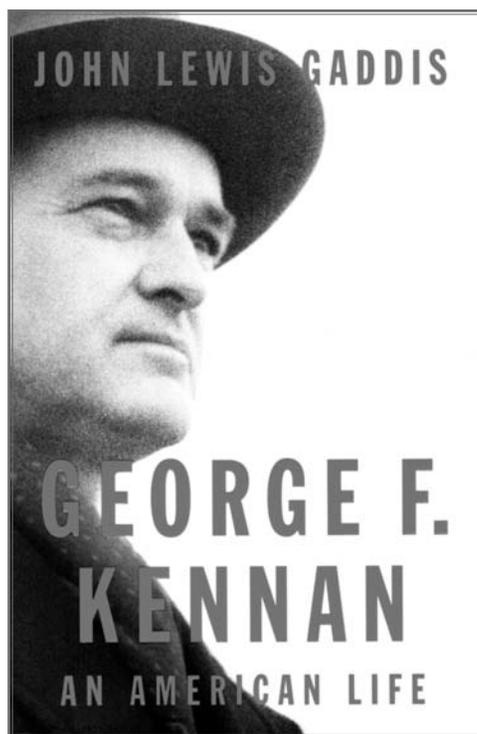
² Такое же пожелание относится и к целому ряду других книг по истории российско-американских отношений: например, к монографиям Дэвида Энгермана и к обширным исследованиям Нормана Сола. Переводы книг иностранных историков, можно сказать, поставлены на поток: удивительно, что в этом потоке не находится пока места для работ по темам, затрагивающим Россию в не меньшей степени, чем США.

Индустрия изучения Кеннана: жизнь мистера X по версии Джона Льюиса Гэддиса

«Нелегко быть Джорджем Кеннаном», – цитирует Джон Льюис Гэддис соседа своего героя примерно на 600-й странице новой биографии известного дипломата. Да, и впрямь нелегко: Кеннан был изрядным занудой, слишком старым для своего времени даже в школьные годы (в школьном ежегоднике было указано, что его больше всего волнует «вселенная»); еще не дожив до 40 лет, он считал себя человеком, «выпавшим» из своего времени. И, возможно к его сожалению, ему предстояло прожить еще 60: он умер в 2005 году в возрасте 101 года.

Быть биографом Джорджа Кеннана столь же нелегко, отмечает историк из Йельского университета Гэддис. Обширнейшие автобиографические труды Кеннана – это обоюдоострое оружие, исключительно богатый источник, наполненный в то же время сознательными усилиями автора расстроить планы тех, кто захочет проанализировать жизнь и деятельность дипломата Кеннана. Гэддис в своей книге «Джордж Ф. Кеннан: американская жизнь», изданной Penguin Press, сетует, что стихотворение, написанное Кеннаном по случаю 40-й годовщины своей свадьбы, которое он прочел родным и друзьям, – это 15 строф, предназначенных «словно специально для того, чтобы унижить его будущих биографов».

И все же нелегкая участь биографа Кеннана не останавливала ученых. Еще в начале 70-х годов XX века заработала целая индустрия изучения Джорджа Кеннана, которая бурно развивалась до

John Lewis Gaddis. George F. Kennan: An American Life.

The Penguin Press. New York, 2011. 784 p.

конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, т. е. еще при живом Кеннане, который, кстати, препятствовал проведению подобных исследований, ограничив доступ к личному архиву, хранившемуся в Принстонском университете. Однако помехи, чинимые Кеннаном, не смогли сократить поток посвященных ему исследований. Библиография 1997 года насчитывает около 180 работ о Кеннане и его трудах. С тех пор учеными было

Оригинал статьи опубликован в газете «Хроника высшего образования»: *Engerman D.C. The Kennan Industry. John Lewis Gaddis's Life of Mr. X // The Chronicle of Higher Education. 2011. November 20 [http://chronicle.com/article/The-Kennan-Industry-Next/129797/].*

написано еще 18 диссертаций, а также десятки статей и книг, высветивших те или иные аспекты его длинной жизни. А тот факт, что в последнее время сильно возрос интерес к личным документам Кеннана, хранящимся в Принстонском университете, свидетельствует о том, что впереди нас ждут новые исследования.

Все это написано о человеке, последней официальной должностью которого был пост посла США в Югославии в период президентства Джона Ф. Кеннеди и который часто жаловался публично (а еще чаще приватно, о чем говорится в биографии Гэддиса), что его идеи не принимаются в расчет. Кеннан считал свой вклад в общественную жизнь столь незначительным, что когда в 1989 году Джордж Буш наградил его Президентской медалью Свободы, он записал в своем дневнике, что медаль, возможно, «дали не за мои достижения, а за мои неудачи».

Конечно, медаль Свободы не вручают неудачникам, и награждение Кеннана не стало исключением. Президент Буш отдал должное его «уникальному вкладу в обеспечение национальной безопасности страны» и поступил справедливо. Несмотря на то, что сам Кеннан постоянно сомневался в значимости и важности своей персоны, он являлся архитектором «сдерживания» – стратегической доктрины, способствовавшей формированию американской внешней политики начиная с 1947 года, когда она была сформулирована Кеннаном, и вплоть до окончания холодной войны 45 лет спустя.

Кеннан знаменит благодаря двум документам, написанным им в конце 40-х годов прошлого века, в тот момент, когда американские политики начали осознавать, что не Лондон, Париж и Берлин, а Вашингтон и Москва становятся главными центрами силы нового миропорядка. Первым документом стала так называемая «Длинная телеграмма», отправленная в 1946 году из Посольства США в Москве, где Кеннан занимал пост заместителя главы дип-

миссии. Она произвела оглушительный эффект несмотря на гриф секретности. Известная под принятым Госдепартаментом условным названием «Москва 511», эта телеграмма стала нужным документом в нужное время. Именно тогда, когда президент Гарри С. Трумэн и его окружение пытались сформулировать послевоенную внешнюю политику в условиях все возрастающей непримиримости со стороны Советского Союза, «Длинная телеграмма» диагностировала советскую политику как не более чем «моральный и интеллектуальный фиговый листок», прикрывающий пристрастие к устаревшим понятиям и приверженность коммунистической идеологии. В телеграмме содержался следующий рецепт: поскольку советские лидеры «глухи к логике разума», но при этом «крайне восприимчивы к логике силы», американской стороне необходимо обладать достаточной силой и выражать «готовность ее применить». (Лучшим доказательством того, насколько сильно мог Кеннан влиять на содержание написанного о нем другими учеными, и мной в том числе, является то, насколько буквально было воспринято его утверждение, что «Длинная телеграмма» состояла из 8 тысяч слов. Надо отдать должное Гэддису, который подсчитал точное количество слов и обнаружил, что их было «немногим более 5 тысяч».)

Телеграмма «Москва 511» была самой длинной депешей, когда-либо отправленной в Госдепартамент и, возможно, самой важной. В ней содержалось объяснение агрессивности Советского Союза и рекомендации по выработке американской стратегии – причем именно тогда, когда американские политики, начиная с президента Трумэна и вниз по государственной иерархии, отчаянно в этом нуждались. Кеннан советовал проявлять терпение и сохранять веру в американский образ жизни («смелость и уверенность в себе, позволяющие сохранять приверженность собственной системе и общечеловеческим понятиям»). Этот совет должен был прийти

как нельзя кстати Трумэну – галантерейщику, ставшему карьерным политиком, но не имевшему никакого международного опыта.

Благодаря «Длинной телеграмме» чуткий Кеннан катапультировался со своего удаленного московского поста в Вашингтон и оказался в водовороте политической жизни именно в тот момент, когда Америка начала осваиваться с реалиями послевоенного мира. Во втором документе, который был опубликован в 1947 году в журнале *Foreign Affairs*, органе американской внешнеполитической элиты, Кеннан, выступивший под псевдонимом «Х», дал название новой американской политике. В статье «Источники советского поведения» он призывал к «долгосрочному, терпеливому, но твердому и бдительному сдерживанию русского экспансионизма» – в результате возник термин «сдерживание». Позднее Кеннан утверждал, что его концепция сдерживания совершенно не носила милитаристский характер, и отрекся от появившегося вскоре военного варианта. Правда, как Гэддис писал в своих ранних работах и еще раз подчеркнул в новой биографии Кеннана, несмотря на то, что доктрина «сдерживания» по Кеннану являлась политической стратегией, она включала и признание возможности военных решений. Однако дебаты на эту тему возникли значительно позже.

В свое время «Длинная телеграмма» и статья в *Foreign Affairs* резко выделялись на фоне лавины публичных высказываний и секретных меморандумов своей аналитической пронизательностью, тем, что содержали ответы на неотложные вопросы политиков, а также элегантностью изложения. Уолтер Липпман (*Walter Lippmann*), один из наиболее известных американских внешнеполитических комментаторов, выразил глубочайшее уважение к идеям Кеннана, опубликовав в *Foreign Affairs* свой ответ на его статью, который превзошел по длине саму статью и состоял из 14 частей. Подборка статей Липпмана была срочно подготовлена и

издана осенью 1947 года, ровно через 30 лет с точностью до одной недели после Октябрьской революции. В ней содержалось название назревавшего конфликта: тонкий сборник был озаглавлен «Холодная война». Таким образом, в двух выступлениях Кеннан сумел охарактеризовать и сам конфликт, и варианты американской политики в этом конфликте.

Последующие два года Кеннан был крайне занят, поскольку возглавлял мозговой центр Госдепартамента США – отдел политического планирования. Находясь на этом посту, он написал внушительную серию отчетов, посвященных долгосрочным американским интересам, потенциальным угрозам и политике различных стран. Они отличались космополитизмом и дальновидностью, но в то же время, по словам Гэддиса, были «крайне солипсистскими» – в них содержались советы Кеннана своему боссу, госсекретарю Джорджу К. Маршаллу (*George C. Marshall*). Эти отчеты производили сильное впечатление, но были проигнорированы (за исключением одного) всеми, кроме историков. После того как Кеннану удалось вырваться из пут Госдепартамента, началась его полувековая связь с Институтом перспективных исследований в Принстоне, штат Нью-Джерси, где он мог свободно писать, читать лекции, давать советы чиновникам, но не был обязан заниматься преподавательской деятельностью. Лишь дважды ему пришлось отвлечься от университетской жизни для выполнения посольских функций: ради дипломатической миссии в Москве, которая длилась всего четыре месяца, после чего Советский Союз объявил его персоной нон грата, и десятилетие спустя, ради двухлетней дипломатической службы в Белграде.

Роль, которую сыграл Кеннан в определении характера и придании формы холодной войне, не может служить объяснением неизменной привлекательности его фигуры для исследователей. Другие личности, к изучению которых обращались значительно реже, оказали

большее воздействие на американскую политику. Возьмем, например, друга Кеннана Пола Нитце (Paul Nitze), который не был согласен ни с одним политическим решением из предлагавшихся Кеннаном. Нитце являлся автором Директивы СНБ-68, которая призывала к милитаризации американской оборонной политики в период холодной войны, против чего выступал Кеннан. Нитце был на госслужбе при десяти президентах, начиная с Франклина Делано Рузвельта и заканчивая Джорджем Г. У. Бушем, и являлся свидетелем принятия самых важных решений, касающихся политики холодной войны. Что касается Кеннана, то смена настроений у него точно соответствовала четырехгодичному циклу нахождения у власти очередной президентской администрации: сразу после выборов он тщетно ожидал, что его призовут на госслужбу, после чего утрачивал веру в политическую систему, в которой ему не нашлось места. Однако если судить по тому, сколько места занимают написанные о них труды на книжной полке, то Нитце как объект для написания биографий не может сравниться с Кеннаном. О Нитце было написано всего две книги, и два года тому назад появилась еще одна его биография, совмещенная с биографией другого дипломата. Причем Николас Томпсон (Nicholas Thompson), автор этой совместной биографии и, кстати, внук Нитце, также ощутил на себе силу притяжения личности Кеннана – вторая часть его книги: «Ястреб и голубь» (The Hawk and the Dove), опубликованная в издательстве Henry Holt, была посвящена Кеннану.

Есть три объяснения того, почему индустрия изучения Джорджа Кеннана приобрела столь широкий размах и продолжает развиваться, и все они достаточно рельефно отражены в объемной биографии Гэддиса. Первое: жизнь Джорджа Кеннана была полна парадоксов, что привлекало внимание и вызывало сочувствие, даже – или особенно? – тех ученых, которые не разделяли его политических взглядов. В лучшем слу-

чае его считали интеллектуальным политиком. В худшем – лишь очередным интеллектуалом в мире политики и власти, что, очевидно, еще сильнее притягивало к нему ученых. Второе: Кеннан показал, насколько привлекательной может быть карьера историка. Многие американские историки дипломатии, которые писали о нем, изучали область, в которой нельзя обойтись без прямого диалога с политиками. По словам историка Андерса Стефансона (Anders Stephanson), автора книги «Кеннан и искусство внешней политики» (издательство Гарвардского университета, 1989), историки дипломатии «считали своей гражданской обязанностью» «выступать с позиции воображаемого советника по национальной безопасности». А Кеннан, этот безусловно влиятельный дипломат, сам стал историком. И наконец, третье: вера Кеннана в свою историческую значимость – возникшая задолго до 40-х годов, которые сыграли решающую роль в его жизни, – явилась поистине безграничным и бездонным источником для исследователей.

Кеннан прожил жизнь, полную иронии и парадоксов, что особенно хорошо отражено в биографии Гэддиса. Начнем с основных понятий, таких как время и место. Для человека, которому довелось определить направление американской внешней политики на большую часть XX века, Кеннан знал крайне мало о собственной стране и еще меньше ею интересовался. От его осуждения американской жизни пахло разочарованием и тревогой. Неудивительно, что Кеннан это осознавал. В 1935 году он писал своей сестре: «Ненавижу демократию; ненавижу прессу...; ненавижу плебс; я определенно перестал быть американцем». Ему было неуютно не только в своей стране, но и в своем времени; во многих отношениях это был человек, воспринимавший окружающий мир с позиции XVIII века, он все чаще поносил индустриализм, коммерциализм и массовую культуру, которые, по его мнению, были губительны для Соединенных Штатов. Подобные чув-

тва овладевали им в 1938 году во время поездки в его родной Милуоки. Особое раздражение вызвал у него рост числа автомобилей, что, по его мнению, свидетельствовало о «печальном климаксе индивидуализма» и кончине «чувства товарищества» у его сограждан. Но при этом сам Кеннан вовсе не стремился к установлению товарищеских отношений со многими своими соотечественниками. Тем соблазнительнее для читателя прочесть подзаголовки книги Гэддиса как скрытую иронию: «Американская жизнь».

Не успел Кеннан придумать термин «сдерживание», как тут же отрекся от того применения, которое нашел ему Нитце (сменивший Кеннана на посту руководителя отдела политического планирования) и другие. Кеннан был возведен в ранг «архитектора» политики, которую сам он считал уродливой. Чем интенсивнее каждый последующий президент призывал к сдерживанию, тем красноречивее выступал против этой политики Кеннан. В своем заявлении, сделанном в Конгрессе в 1966 году, Кеннан выступил против вовлечения США в конфликт с Вьетнамом. Это было одним из первых проявлений серьезного несогласия Кеннана с политикой Линдона Б. Джонсона. Либералам, выступавшим против войны, само заявление пришлось по душе, но при этом они проигнорировали доводы, приведенные Кеннаном: Америка должна вывести войска из Вьетнама, поскольку эта страна не стоит того, а ее жители просто не готовы к демократии. Его красноречивые выступления против ядерного оружия в 70-х и 80-х годах прошлого века, привлекая к нему представителей либерально настроенных групп и католических священников, ровно настолько расположили к нему либералов, насколько оттолкнули поднимавшихся к власти консерваторов. Причем аргументировал он чисто по-кеннановски, делая акцент на склонности людей ошибаться (позднее одну из глав в своей книге он назовет «Человек – это треснувший сосуд»). Кеннан

был настолько глубоко консервативен, что его бёрковский консерватизм XVIII века зачастую совпадал со взглядами американских либералов XX века. Гэддис отмечает эти противоречия, но не останавливается на них, упуская шанс использовать идеи Кеннана для того, чтобы пролить свет на мир политики, в которой тому приходилось участвовать.

Став сотрудником Института перспективных исследований, Кеннан всерьез задумался о том, чтобы сделаться настоящим ученым. По словам одного критически настроенного историка, он совершил «паломничество к Клио», оказавшееся на редкость успешным. Его двухтомная история американо-русских отношений после Октябрьской революции поражала замыслом и исполнением, в основу были положены не только результаты архивных исследований, но и личное знакомство автора с деятельностью многих организаций (и многими людьми), о которых он рассказывал. Первая часть: «Выход России из войны: советско-американские отношения, 1917–1920 годы» (Издательство Принстонского университета, 1956) завоевала целую гряду призов, включая Пулитцеровскую премию и Национальную книжную премию, – о чем Кеннан со свойственным ему самоуничижением писал, что просто в тот год не хватило качественных документальных литературных произведений. Он был почетным гостем на собраниях историков, его приглашали на работу в самые престижные американские университеты, и его карьера писателя была намного продолжительнее периода дипломатической службы. Впоследствии заслуги Кеннана были отмечены второй Пулитцеровской премией и еще одной Национальной книжной премией, на сей раз в области биографических произведений – за «Мемуары, 1925–1950 годы» (Little, Brown, 1967).

Вторая Пулитцеровская премия является последним доводом, объясняющим, почему Кеннан был таким привлекательным объектом для историков:

большую часть своей жизни он посвятил собственному жизнеописанию. Черновой вариант самых первых (неопубликованных) мемуаров был сделан им в возрасте 34 лет, когда он был всего лишь сотрудником среднего звена Посольства США в Москве и не имел особых заслуг. Озаглавив свои мемуары цитатой, взятой из исторической пьесы Шекспира: «Прекрасный день, адью!» (Fair Day, Adieu!), Кеннан напыщенно вещал о русском характере и российской истории и заканчивал свои записи словами об отъезде из России: «был отпущен в западную цивилизацию, с которой утратил связь». На первой странице оригинала рукописи, хранящейся наряду с другими бумагами в библиотеке Принстонского университета, Кеннан написал послание будущим историкам, которым предстояло прочесть его «Прекрасный день, адью!» В этом послании, написанном мелким, аккуратным почерком, Кеннан напомнил читателям о том времени, когда были написаны эти мемуары (1938 год), и о том, что их «заглушили» другие мемуары, которые появились 30 лет спустя и были отмечены Пулитцеровской премией.

И те и другие мемуары являются богатейшим источником для историков: неопубликованные – потому что раскрывают его чувственное восприятие России, а опубликованные – потому что свидетельствуют об отношении Кеннана к собственным идеям и значимости своей персоны. Изящество и элегантность стиля позволили Кеннану несколько смягчить остроту его привычного самобичевания, свести его до уровня скромности, причем скромности истинного джентльмена. Опубликованные мемуары, второй том которых появился в 1972 году, являлись первоклассным литературным произведением, благодаря которому читатель мог ознакомиться с историей начала холодной войны, полученной из первых рук. Кроме того, мемуары Кеннана появились именно тогда, когда тема холодной войны стала предметом ожесточенной дискуссии между историками и политиками.

В других случаях Кеннан не довольствовался рукописными напоминаниями. Вскоре после того, как Кеннан разрешил Принстонскому университету открыть доступ к своим личным документам (1970 год), он был неприятно поражен тем, что молодой историк С. Бен Райт (C. Ben Wright) слишком много внимания уделил черновику, написанному Кеннаном в 1930-е и озаглавленному «Предпосылки» (The Prerequisites). В нем содержался призыв к созданию «авторитарного государства», где следовало лишить избирательных прав всех тех, кто не умел ими пользоваться, т. е. иммигрантов, женщин и чернокожих. Райт, который восхищался Кеннаном, усиленно цитировал куски из «Предпосылок» в своей диссертации. Он также рискнул предположить, что кеннановская версия сдерживания все-таки имела военный компонент, ссылаясь на письма Кеннана и черновики его речей 1940-х годов, которыми он стремился подкрепить свои доводы. Кеннан был взбешен, постарался вычеркнуть из работы Райта цитаты, вызвавшие его наибольшее раздражение и, по словам Гэддиса, в конце концов изгнал Райта из профессии. Оскорбительные документы (если можно так выразиться) были изъяты из архива Кеннана, фотокопирование остальных бумаг было запрещено.

Попытки Кеннана «вылепить» собственную жизнь не всегда сводились к сокрытию отдельных эпизодов. Когда один студент Принстонского университета написал диплом, где постарался воссоздать философию Кеннана, используя разрозненные сведения, взятые из опубликованных и неопубликованных работ, Кеннан в ответ выступил с собственным эссе философского содержания, которое было опубликовано под названием «За скалистыми утесом» («Around the Cragged Hill», Norton, 1993). В нем Кеннан попытался современным языком пересказать и проконтролировать то, о чем писал ранее.

В огромной биографии, написанной Гэддисом, Кеннан даже из небытия умудряется разными способами кон-

тролировать повествование. В начале 1980-х годов Кеннан и Гэддис договорились о том, что историку будет предоставлено эксклюзивное право доступа ко всему богатейшему материалу (в длину занимавшему более 90 линейных футов), который еще не был передан в библиотеку Принстонского университета. При этом биограф и объект исследования заключили негласное соглашение о том, что книга Гэддиса может выйти только после смерти Кеннана. Гэддис начинает широко пользоваться этим потрясающим кладом, недоступным для остальных ученых: многотомными дневниками Кеннана (накопившимися за многие десятилетия), включая те, где были описаны его сновидения. Кеннан накапливал материалы о своей жизни – в 80-е годы у него были научные ассистенты, которые собирали вырезки о нем из различных источников по всему миру, – и передавал их только своему биографу. В течение трех десятилетий эти ценнейшие материалы о жизни Кеннана направлялись Гэддису, наиболее уважаемому и плодовитому дипломатическому историку своего поколения, тому, кто разделял (но, разумеется, в меньшей степени) озабоченность Кеннана относительно возможности выработки эффективной внешней политики в условиях демократии.

Даже такой искушенный историк, как Гэддис, кажется, ошеломлен объемом и богатством предоставленных ему источников. Книга черпает примеры из этих источников, особенно из дневников Кеннана, а также писем, написанных ему, им и о нем его близкими. В биографии так много слов самого Кеннана, что кажется, будто он все еще определяет тон и манеру изложения в тех главах, где говорится о раннем периоде его дипломатической службы и последующем карьерном росте. В тот краткий период, когда в конце 1940-х годов Кеннан находился в центре внимания, дневники становятся тоньше, и мы, читатели его биографии, меньше узнаем о внутренних размышлениях Кеннана, о

его домашних проблемах и больше – о внешней политике. Во второй половине книги возвращается кеннановское неведение в себя; когда в начале 80-х отставной дипломат встречает своего будущего биографа, его дневники пропитаны чувством жалости к себе, самоуничтожением и содержат все чаще возникающие замысловатые образы смерти. Биография настолько точно представляет читателю собственный взгляд Кеннана на его жизнь, как будто Гэддис является не только биографом, но и личным секретарем Кеннана.

Для тех, кто занимается изучением Кеннана, и для меня в том числе, данная биография является одновременно откровением и хорошо знакомым материалом. Мы знали о склонности Кеннана к самокритике, но не всегда осознавали ее масштабы, насколько часто он к ней прибегал и в какие темные глубины она его уводила. Мы поражаемся тому, что его брак длился 70 лет и при этом узнаем о его многочисленных романах, порой настолько серьезных, что его жене Аннелизе пришлось ехать в нацистскую Германию, дабы «спасти их брак». Из записей Райта о «Предпосылках» и других текстов Кеннана, доступ к которым он не смог ограничить, мы узнаем о реакционных взглядах дипломата на современную американскую жизнь и тех, кто ею жил. Тем не менее из биографии Гэддиса мы узнаем, что все эти взгляды составляли стройную систему убеждений и были тщательно продуманы, несмотря на то, что они часто завуалированы, поскольку Кеннан обоснованно опасался, что они оскорбительны для других людей. Итак, появление новых материалов о Кеннана во многом напоминает хваленый процесс открытия советских архивов: они скорее подтверждают и дополняют прежние предположения, нежели преподносят сюрпризы.

Однако первоначальные выводы могут быть вскоре пересмотрены. Принстонский университет уже открыл доступ к сотням коробок с архивными документами, включая дневники, которые по настоянию Кеннана дли-

тельное время не выдавались ученым; исследователям разрешили делать фотокопии документов, что сильно облегчило их труд. Еще важнее то, что архив инициировал проект, который возглавил еще один историк внешней политики Фрэнк Костиглиола (Frank Costigliola) из Университета Коннектикута. Цель проекта – публикация дневников, которые Гэддис справедливо называет одним из самых обширных на сегодняшний день описаний жизни Америки XX века.

Создается впечатление, что Кеннан считал, что строгий самоанализ и обостренная реакция на критику (от кого бы она ни исходила – от политика или историка) дает ему монопольное право критиковать самого себя. Ясно понимая, что даже такой симпатизирующий ему ученый, как Гэддис, может в чем-то расходиться с ним во взглядах, Кеннан обезопасил себя, заручившись обещанием, что пока он жив, биография не будет опубли-

кована. Порой факт выхода книги свидетельствует о завершении исследований по той или иной теме; в данном случае можно предположить, что монументальный труд Гэддиса является лишь их началом. Теперь Кеннан будет привлекать внимание не только потому, что он оказал такое сильное, хотя и одномоментное влияние на внешнюю политику, но и теми политическими и психологическими откровениями, которыми поделился с нами один из самых интроспективно мыслящих людей современной Америки. Кто знает, что откроеет для себя будущее поколение в этом человеке XVIII столетия, ставшем одной из наиболее влиятельных фигур XX века?

*Дэвид С. Энгерман,
профессор истории Университета
им. Брандейса (Brandeis University)*

*перевод с английского
Галины Левиной*

Хроника времен Анатолия Гладилина

В XIX веке приличные писатели выходили из гоголевской шинели. Во второй половине все вышло из молодежной прозы: шестидесятники, либералы, постмодернисты, деревенщики... А вот основателем молодежной прозы был Анатолий Гладилин. Гладилин да Войнович, только двое и остались. Мое знакомство с их творчеством произошло слишком поздно, уже после окончания филфака. В армии мне отвели комнатку-библиотеку – доклады военачальникам сочинять. Книги по стенкам. Машинку поставили разбитую, ленты сам покупай, не то на стройку в котлован вылетишь. Когда удавалось, выбирался на Большую Дмитровку, там магазин был специализированный, «Пишущие машинки». Затаривался всякий раз, казалось, до дембеля хватит. Но я и свою диссертацию после отбоя подпечатывал, потом по листочку домой посылал в конвертах с треугольным штампом, и статьи всякие. В общем, без работы не оставался. Захаживал ко мне майор-особист, Величко, кажется, (или Мальшко? 30 лет прошло уже... не помню) за журналами «Крокодил» в основном. Солдат заставляли подписываться, а хлопкоробы наши стройбатовские читать не очень любили. У них в Ферганской долине это не в моде было. Так что особист новенькие журналы забирал, нетронутые. «Ну что, Ланин, как проявления национализма? Есть?» «Не могу знать, в узбекском слабоват». «А диссидентов почитать спрашивают?» Ага, говорю, как посылка из дому придет, обкурятся и за Солженицыным тянутся. Просто рефлекс у них такой. Чего он спрашивал – не пойму. Наверное, их так учат, говорил герой Фазиля Искандера об одном глупом космонавте. И тут майор вытаскивает крохотный листочек замызганный:

«А вот этих спрашивают?» Имена там были простому советскому солдату неизвестные: Войнович, Гладилин, Довлатов, Максимов, Горенштейн, Тери, Лимонов какой-то, не проходили мы таких. Я только Аксенова знал. Но их запомнил. Кто в шахматы играет, даже полупрофессионально, тем два раза показывать не надо. Так что я пропуск в спецхран Ленинки выправил, почитал для самообразования. А в 1997 году вышла у меня книжка о третьей волне эмиграции, и о каждом из этого листочка – отдельная глава, с библиографией, как положено.

По совести, надо было ее майору Величко посвятить, просветителю и пропагандисту. Если бы не он, кто бы научил уму-разуму. Жди следующего случая...

Не раз встречались мы после этого с Аксеновым и Войновичем, Владимир Николаевич даже в школу приезжал к моим ученикам, целый день с ними провел. А вот с Гладилиным никак не удавалось. Хотя написал я о нем и для российских энциклопедий и справочников, и для английского словаря, и для американского... Встретиться довелось лишь в 2011-м, в его любимом ресторане на Елисейских полях. У него как раз трехтомник в Москве вышел, у писателей-эмигрантов такое нечасто встречается.

Интервью состоялось во время моего навсегда запомнившегося полугодового пребывания в Институте высших гуманитарных исследований в Париже (IAS-Paris). Пользуюсь случаем поблагодарить директоров института профессора Патриса Дюрана (Patrice Duran) и профессора Алана Шнаппа (Alain Schnapp) за исключительно удачную организацию моего плодотворно проведенного времени, доктора Флоранс Улак (Florence Ulak), помогавшую мне решать возникавшие в ходе исследований

проблемы, а также Ольгу Спилар (*Olga Spilar*), непосредственно разыскавшую Марию Яковлевну Гладилину и через нее связавшую меня с Анатолием Тихоновичем Гладилиным.

Б.Л. Был ли у Вас учитель в литературе? На кого Вы оглядывались, когда писали? Чье мнение было для Вас решительно авторитетным?

А.Г. Еще в школе был удивительный учитель, человек вольный. Мы знали, что он ведет себя не как все. Например, нам было известно, что он играет на скачках. И вот когда я будучи уже известным писателем тоже начал ходить на ипподром, я его там увидел. Он был совершенно пьян, в каком-то жалком состоянии. Я даже не подошел к нему. Он бы меня все равно не узнал. Учителя истории из «Большого бегового дня» я писал с Израэля Михайловича.

В 19 лет я поступил в Литературный институт. Непонятно, как меня приняли. Там был огромный конкурс. Как правило, брали 30-летних, уже с жизненным опытом. А у меня что? У меня к тому времени было 13 рассказов...

Б.Л. Но это много!

А.Г. Короче, я стал самым молодым студентом. На следующий год поступила студентка, которая была моложе меня. Звали ее Белла Ахмадулина. На первом курсе я занят был только тем, что ухаживал за своей первой женой и добивался, чтобы она вышла за меня. В конце года получилось, и я женился на Маше. В итоге литературой я ни хрена не занимался.

В Литературном институте бывали очень интересные лекции – Бонди, Шкловского, Пospelова... А что в этом институте было особенно важно для писателя, так это литературные семинары. На них «били ногами»... Выражение «жалкая бездарная личность» было почти похвалой. Я написал для семинара рассказ. Реакция оказалась совершенно неожиданной, беспрецедентной. После обсуждения студенты потребовали, чтобы руководитель семинара обратился к ректору института с просьбой

отчислить меня за вопиющую бездарность. Но руководитель, старый писатель, сказал: «Давайте дадим ему срок. Пусть он за лето что-нибудь напишет, а отчислить его мы всегда успеем».

Б.Л. А кто это был?

А.Г. Георгий Березко, у него был хороший рассказ «Красная ракета» (1946). На меня этот случай сильно подействовал. Наверняка я сам выступал в таком же духе, когда обсуждали другие произведения. Я помню, как вышел из института после этого семинара шатаюсь, побрел по бульвару. Дождь начинался, а я все брел, и вдруг в голове моей как-то сами пошли строчки... За месяц я написал повесть «Хроники времен Виктора Подгурского» и отнес в «Юность». Яков Моисеевич Тайц (детский писатель. – *Б.Л.*) с кем-то договаривался, чтобы у меня приняли рукопись, а не послали куда-нибудь.

В «Юности» заведомо прозы работала Мэри Лазаревна Озерова, прекрасная женщина, которая очень много сделала для всех – и для Васи Аксенова, и для Толи Кузнецова, и для Бори Балтера, и для меня особенно. Она была замужем за Виталием Михайловичем Озеровым (советский литературовед, критик. – *Б.Л.*), это серьезное прикрытие, с ней считались. И она как-то тихо двигала мою вещь. В конце концов, она решила и положила повесть на стол главному редактору Валентину Катаеву.

Б.Л. Он сам прочитал?

А.Г. Мэри потом попросила: «Толя, только ты никому не говори, что сначала прочла дочь Катаева Женя и сказала: «Папа, это гениально! Это надо печатать!»» И вот я прихожу в очередной раз в редакцию. Она на улице Воровского тогда находилась. Все из кабинетов выглядывают и на меня смотрят. Вот все стоят и смотрят! Катаев говорит: «Когда я это прочел, всплакнул. Все. Вы в 9-м номере».

Б.Л. А хорошая история!

А.Г. Да, хорошая... Весть, что у Гладилы приняли рукопись в «Юности», разом все изменила. Напечататься в

толстом журнале все мечтали! Ну, или стихотворение в тонком или в газете. Кто напечатал в газетах стихи, считался классиком, а тут – в толстом журнале! Это произвело такое впечатление, что меня больше не обсуждали на семинарах. А обсуждали только, когда же выйдет повесть.

Б.Л. Расскажите, пожалуйста, как прошли переговоры о «Евангелии от Робеспьера». Ведь практически все авторы молодежной прозы опубликовались в серии «Пламенные революционеры». Почему Вам достался заказ именно на книгу о Робеспьере?

А.Г. Вызвали меня в ЦК в 1967 году. Со мной разговаривал замзавотдела культуры Юрий Барабаш, профессор. Он сказал одну вещь, которая мне запомнилась: «Вот осудили Синявского с Даниэлем. Я знаю Ваше мнение по этому поводу, но ведь мы должны были!» Я говорю: «Тогда мне странно, почему за одно и то же им дали разные сроки?» Барабаш отвечает: «Даниэлю дали меньше, потому что у него медаль “За отвагу”».

А мне он дал совет заниматься переводами. Я вспыхнул: «Как мне зарабатывать деньги, я могу решить и сам, без ЦК партии!» Но все двери были закрыты, пришлось все-таки заниматься переводами. Дали мне рукопись башкирской писательницы Бишевой. Обычно все растягивали переводы – оплата ведь была по количеству листов, а я сократил на треть. Все удивлялись – сам себя ограбил! Бишева хотела со мной увидеться, но я наотрез отказался. Потом переводил с казахского, драматурга одного, способный парень. И тут появляется в Издательстве политической литературы серия «Пламенные революционеры». Там собралась хорошая команда, в том числе Алла Пастухова, предпоследняя жена Юры Трифонова. А тогда она была замужем за парнем из «Московского комсомольца», которого я знал. Через него мы познакомились, она-то меня и пригласила. Среди наших революционеров достойных персона-

Анатолий Гладиллин

жей на тот момент уже и не осталось. Естественно, ни про Куйбышева, ни про Свердлова, ни про им подобных я толком ничего не знал. Было только пять иностранных кандидатур, в том числе Гарибальди и Робеспьер. Вот я и выбрал Робеспьера. Авторами в этой серии были, кстати, и Аксенов, и Войнович, и Трифонов.

Б.Л. Отозвался ли как-нибудь этот опыт позже, когда Вы писали «Тень всадника», например?

А.Г. Конечно. Я ведь почти два года сидел в Исторической библиотеке. На мое счастье, все истории о французской революции были переведены, поэтому я мог прочитать о любом деятеле – от представителя крайне левых взглядов до самого яркого монархиста. Вот я все и прочел. После этого у меня сложилось собственное впечатление. Особенно удачной оказалась первая глава «Евангелия от Робеспьера». Она очень понравилась Катаеву. Я много раз говорил, что фразы, которые написаны сейчас на заборах, в советское время только у меня были опубликованы, спрятаны в тексте. Широко известна фраза одного

из лидеров Великой французской революции: «Революция – как Сатурн, она пожирает собственных детей». Надо было давать сноску. Редактор поставил в рукописи вопрос: «Что это такое?» Объясняю: «Это сказал Ленин о французской революции, такая-то страница». «А, ну хорошо». Не было цензуры. Какая цензура могла быть при «Политиздате»?

Вышла книга тиражом 200 тыс. экземпляров, но у меня не было ни одного! Все только и спрашивали: «Как это пропустили?» Влияние эта книга оказала огромное. Кое-что я потом добавил в «Тень всадника».

Б.Л. И все же Вы больше «Евангелие от Робеспьера» не переиздавали?

А.Г. Нет, больше не переиздавал. Сейчас, наконец, вышли мои мемуары. Я их надиктовал, это расшифровали. Огромное количество того, что я делал на радиостанции «Свобода» и позднее на «Немецкой волне», я тоже диктовал. Невозможно было писать ручкой. А вообще я все ручкой пишу, жена набирает на компьютере.

Б.Л. Все, что было сделано на американской «Свободе», есть в Гуверовском институте. А скрипты немецкой и французской «Свободы» там тоже есть?

А.Г. Понятия не имею. Я так много надиктовал и обращался потом с этим удивительно небрежно...

Б.Л. Но ведь был же архив! Кто его забрал? Куда? Известно, что архив Саддама Хусейна увезли в Коннектикут. А где Ваш архив?

А.Г. Все материалы с интересными людьми теперь непонятно где. Я говорю: «Ребята, я делал интервью с Андреем Тарковским. Он называл имена всех, кто его торпедировал, но не в ЦК, просто его друзья, ближний круг. Сделали так, чтобы сын его не выезжал». – «Толя, где это интервью? Принеси, это на вес золота!» – «Не знаю, не могу найти».

Б.Л. Вспомните хотя бы одно имя.

А.Г. Он считал, что одним из таких людей был Сергей Бондарчук. Когда тот приезжал на фестиваль, Тарковский уже чувствовал, что Бондарчуку дано

задание, чтобы Тарковский не получил премию...

А с мемуарами вот что получилось. Надиктовал я их, отдал пленку. Я думал, что все это никому не нужно. Но вдруг – присылают текст! Я начал читать – пришел в ужас. Когда диктовал, себе казался таким талантливym, прямо начисто можно сдавать... А ведь Ира Барметова из журнала «Октябрь», которая и уговорила меня надиктовать эти мемуары, могла взять и опубликовать в таком виде! Тут же сел переписывать плюс вставил туда еще вещи, которые мне показались интересными и которые я отдавал в свое время публиковать в «Новое русское слово».

В 2011 году в Москве издали трехтомник моих сочинений. Правда, как мне сказали, сейчас все поняли – нельзя издавать собрание сочинений, с номерами томов, как в прежние времена. Нужно издавать книгами с отдельными названиями. Привели пример Аксенова. Сейчас Аксенова издается все. С одной стороны – слава Богу, с другой – его секретарь Витя, по-моему, собирает уже в книги васины записки к жене Майе: «Майя, пойдй в магазин, купи салат. Обнимаю, целую».

Б.Л. Такие записки никогда не остаются просто так. Они остаются именно для печати.

А.Г. Но я к тому, что все это имеет отдельное название...

Но вернусь к моему трехтомнику. Первый том называется «Меч Тамерлана». Есть у меня такой рассказ, довольно известный. Он был опубликован в журнале «Новый очевидец», выходившем очень короткое время. А еще в этот том входят мои мемуары и старые вещи, крайне для меня важные: «Хроника времен Виктора Подгурского» и «Дым в глаза».

Во втором томе моя книжка, которая сейчас наиболее популярна, – «Жулики, добро пожаловать в Париж». Ну и в третьем – «Тень всадника», знаете?

Б.Л. Ну об этом романе я писал довольно много.

А.Г. Для меня было очень важно, чтобы были переизданы мои старые сочинения. Я объяснял редакторам, что все мои книги, которые раньше читались миллионами людьми, были уничтожены после моего отъезда.

Когда я работал в парижском бюро радио «Свобода», был такой случай. Мне докладывают, что ко мне с важным разговором пришел человек. Он проездом в Париже, приехал из Америки. «Ну, зовите его». Входит наш бывший соотечественник и рассказывает, что живет в Лос-Анджелесе, работает инженером, все у него в порядке. «Я подумал, раз уж я оказался в Париже, обязательно должен с Вами встретиться, чтобы рассказать историю, которая наверняка будет Вам интересна. Я был свидетелем того, как уничтожали Ваши книги». Я говорю: «Ну что ж, садитесь, рассказывайте. Мне интересно». Он говорит: «Я приехал в Ленинград в командировку. По служебным делам зашел на картонный комбинат. Туда приехал такой маленький автобус. Из него начали вываливать во двор книги. С библиотечной печатью, видно было, что они зачитаны...» Такая, оказывается, существовала технология уничтожения книг: покупали машину, машина резала все это на куски, потом в какую-то массу сжимали, и получался из этого картон. Делали картонные ящики. Я знал о том, что библиотекарей заставляли резать книги. Но такое слышал впервые...

Я сказал своему собеседнику, что по этическим соображениям не могу делать передачу о том, как уничтожали мои книги. «А Вы не заметили, кого-нибудь еще уничтожали?» – «Да». – «Кого?» – «Виктора Некрасова – “В окопах Сталинграда”...»

Позднее, в 1990 году, я прочел в «Известиях», что было принято постановление вернуть из спецхрана в общие залы библиотек книги бывших советских авторов, которые уехали за границу. Начинался список по алфавиту – с Аксенова, включая Солженицына, я где-то в середине. Было очень приятно. Я знал, что существует спецхран в Ленинке, в

Исторической библиотеке, а мне сказали, что в каждом областном городе был такой спецхран. А до того этого я думал, что книг просто нет.

Б.Л. Даже если книги были, технология существовала такая: они изымали карточки, и невозможно было эти книги найти. Чтобы заказать книгу, надо было знать о ее существовании.

Кстати, я хотел спросить о Вашей книге «Making and Unmaking a Soviet Writer». Я никогда не встречал ее на русском языке...

А.Г. Честно говоря, у меня такое ощущение, что она потеряна. Смешная получилась история. Издали книгу на английском языке. Подошла какая-то подружка ко мне в Париже. Говорит: «Толь, я пишу о тебе дипломную работу в университете. Дай на время рукопись». Я не думал, что когда-нибудь вернусь в Россию... Тогда у меня не было копии, потом как-то испортились отношения, она исчезла, ну и рукопись вместе с ней...

Б.Л. Докомпьютерная эпоха. Иная жизнь была.

Вы дружили с Виктором Некрасовым. В чем секрет его репутации? Ведь он не был великим писателем. Его личный авторитет значил гораздо больше для вашего поколения, чем то, что он написал.

А.Г. «В окопах Сталинграда» – это была совершенно прорывная книга, если так можно сказать. Первая правда. Настоящая правда про войну. Дальше у него были очень интересные «Записки зеваки». А помните знаменитый № 11 «Нового мира» за 1962 год, где были Солженицын и Некрасов – «Один день Ивана Денисовича» и «По ту сторону океана»? Еще неизвестно, что острее. Потом Хрущев кричал на Некрасова и топал на него ногами.

Б.Л. Как складывались Ваши отношения с Андреем Дмитриевичем Сахаровым?

А.Г. Надо сказать, что во Францию я приехал с миссией. У меня ведь были особые отношения с Сахаровым и Люсей (так близкие называли Елену Бон-

нэр. – *Б.Л.*). Люся была очень доброжелательна ко мне, хотя не давала ничего подписывать. Она говорила: «Твое дело писать книги, а это не твоё дело!» Я только однажды вывернулся и подписал письмо в защиту Сергея Ковалева.

Так вот перед своим отъездом пришел к Сахарову и сказал, что все, не могу, уезжаю. Мне все равно было куда, главное – из Союза уехать... По глазам Сахарова я увидел, что эта новость ему не понравилась. Но он мне сказал: «Раз Вы решили уезжать, у меня такая просьба. Вы друг Максимова и человек мягкий. Поезжайте в Париж! Мне не нравится, каким он делает “Континент” – слишком жестким, агрессивным. Вы сможете там на него повлиять. Кроме того, что за неприглядная ссора у них с Синявским? Ну помирите их, пожалуйста!»

Б.Л. И Вы восприняли это как миссию?

А.Г. Да, и отправился в Париж. Мне ведь сразу предложили ехать в Мюнхен. Но раз Сахаров сказал...

Б.Л. То есть у Вас не было цели – куда ехать? Цель – откуда?

А.Г. Абсолютно. Я совершенно не знал – куда. Вася Аксенов мне дал адреса своих знакомых в Америке и во Франции...

Б.Л. Вы руководили парижским бюро радиостанции «Свобода»?

А.Г. Да, здесь было своеобразное парижское отделение Союза русских писателей. Привезли сюда из Мюнхена Галича. Он был этому очень рад – в Мюнхене его ели поедом, а в Париже отношение к нему было прекрасное. Он просидел в кабинете девять месяцев, а после него в том же кабинете 10 лет сидел я. Когда приезжали разные люди из Америки или Израиля, я им говорил, что это был кабинет Галича. Он остался таким же, как и при нем. Там висела принесенная им картина, стол его я оставил.

Б.Л. Вы подозревали, что его убили?

А.Г. Нет. Это несчастный случай. Галич был фанатом всяческих новинок, все покупал, но не успевал понять, как новинками пользоваться...

Б.Л. Все перевернулось в истории литературы XX века. На чем строится литературная образованность, что нужно читать всем и без чего можно обойтись?

А.Г. Прежде всего, что бы там ни говорили, надо изучать Маяковского.

Б.Л. То, что он писал о любви?

А.Г. Да, и не только. Лучшее его произведение – «Облако в штанах». Он тогда показал, что выше их всех!

Кстати, в свое время в литинституте нам задали вопрос о том, как мы относимся к Горькому. Я сказал, что двойко. Мне очень не нравится «Мать», мало художественного, и очень нравится недооцененный, по-моему, незавершенный роман «Жизнь Клима Самгина». Но я понимаю, что это не для детей...

Мне кажется, хорошо должен идти Бабель. Про Пушкина, Лермонтова что говорить? Это понятно. «Обломов» – скучный. Кстати, у меня большой список книг, который я не успел прочитать. Я медленно читаю. Сейчас меня выбил из колеи Бенедикт Сарнов своим четырехтомником «Сталин и писатели». Я, вроде, все знаю. Но все равно какие-то подробности... Наверное, такие книги теперь легче писать с помощью Интернета, а то в библиотеку пришлось бы ходить, что-то вытаскивать...

Б.Л. Как Вы относитесь к новостям из России?

А.Г. Новости и по российскому телевидению смотрю, и в российских газетах читаю. Мне присылают книги – я их тоже читаю, так что стараюсь не отрываться. А с точки зрения политики, понимаете, вообще черт знает что происходит – ведь все вернулось на старые рельсы. Я все время сравниваю. Больше всего мне в Советском Союзе не нравилось вранье. Но ведь сейчас – абсолютно то же самое! Когда я начинаю читать новую книгу, с какой-то страницы уже знаю, надо мне дальше читать или нет. То же самое с телевидением. Достаточно глянуть полминуты, чтобы понять, есть там что-нибудь или это идиотизм. Хотя по каналу «Культура» я иногда

смотрел интересные передачи. Значит, их все-таки делают.

Б.Л. Анатолий Тихонович, Вы чувствуете, что у Вас есть какое-то задание, которое непременно нужно сейчас выполнить?

А.Г. У меня есть замысел книги, но я не знаю, хватит ли сил и времени написать. Многое еще нужно вспомнить и записать. О прошлом сейчас столько уже вранья, что необходимо восстановить, как все было на самом деле. Вот нет Васи Аксенова, чтобы опять меня запереть и заставить работать. У него все было расписано и рассчитано лет на 20 вперед. Каждый год он писал по книге и звонил мне: «Ну, я завершил книжку. А ты?» Его уход действительно стал для меня ударом. До сих пор я занимаюсь какими-то его делами, моя дочь занимается его домом. А так, я знаю, что написать надо-надо-надо, но как-то все откладываю, откладываю и откладываю...

Париж, 2011

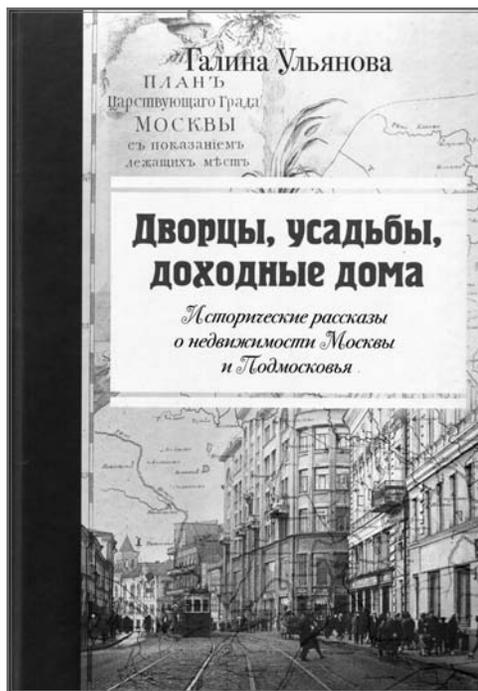
Преподаватели МГУ собрали и опубликовали учебное пособие для вузов «История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х годов)» (М.: Академический проект – Альма Матер, 2011). В разделе «Литература третьей волны» главы об Анатолии Гладиллине не оказалось. Словно не было ни «Большого бегового дня», ни «Тени всадника», ни «Французской ССР», определивших лицо литературы третьей волны русского зарубежья, ни многих других книг, о которых мне удалось написать в книге для учителей еще 15 лет назад. Надеюсь, эти и другие книги Гладиллина заново прочтут и напишут о них. Основоположник все-таки. Иначе и не скажешь.

Борис Ланин,
доктор филологических наук,
профессор, заведующий лабораторией
литературы ИСМО Российской
академии образования, former Woodrow
Wilson Center Fellow, former Kennan
Institute Regional Exchange Scholar

Социальная история и культура Москвы рубежа XIX–XX веков в зеркале архитектуры

Об архитектуре Москвы XIX – начала XX века, отмечает в предисловии к своей книге Галина Ульянова, написано множество книг, путеводителей и монографий. Благодаря стараниям многих историков и писателей, беззаветно преданных своему делу, Москва вслед за Санкт-Петербургом обогатилась описаниями городской среды во всей ее сложности. Отличительной особенностью книги Ульяновой является то, что она сумела донести до читателя позицию историка, хорошо знакомого с деятельностью верхушки московского купечества, во многом способствовавшего развитию Москвы и ее пригородов в конце XIX – начале XX века. Некоторые главы содержат результаты скрупулезного архивного исследования автора, в других она ссылается на авторитетные литературные труды ведущих специалистов в области архитектуры Москвы. К тому же Ульянова понимает, как важно писать так, чтобы книга стала доступна для широкого круга образованных читателей, не являющихся специалистами в данной области.

К сожалению, по наблюдению автора, в последние десятилетия процесс сохранения городской среды в Москве протекал менее успешно, нежели в Санкт-Петербурге. В конце предисловия Ульянова пишет: «Я не стремилась написать новый, более точный путеводитель... Напротив, уничтожение “каменной памяти” столицы в последнее двадцатилетие словно порождает компенсаторное явление в литературе – желание зафиксировать то, что помнится, понять, почему происходит гибель не только отдельных домов, но и целых городских кварталов» (с. 6).

Галина Ульянова. *Дворцы, усадьбы, доходные дома. Исторические рассказы о недвижимости Москвы и Подмосковья.*

М.: Форум; Неолит, 2012. 272 с.

Повествование Ульяновой о Москве прошлого века разделено на пять разделов и начинается с широчайшего определения: «Город». В четырех главах первого раздела представлены самые разные аспекты городской жизни. В первой главе речь идет о «доходных домах» – основе предпринимательской деятельности с недвижимостью в крупнейших городах России. В основном эти дома предназначались для жилья, но могли использоваться и в иных коммерческих целях, о которых я писал в своей книге «Возникновение модернизма в российской архитектуре»¹. Ульяно-

¹ *Brumfield W.C. The Origins of Modernism in Russian Architecture. University of California Press, 1991.*

ва знакомит нас с «биографиями» более полудюжины зданий, которые в большой степени способствовали развитию городской среды Москвы. В первом разделе рассмотрен также механизм действия и основные функции рынка недвижимости. Раздел завершается главой о пожарах и способами борьбы с этим постоянно возникающим бедствием. Особое внимание уделено катастрофическому пожару, который уничтожил большую часть шикарной гостиницы «Метрополь», находящейся в тот момент в стадии расширения.

Во втором разделе – «Деревня» – рассмотрен процесс изменения взаимоотношений города и деревни, поскольку быстро разрастающаяся Москва все больше распространялась на сельские пригороды. Ульянова живо рассказывает о том, насколько сильно потребность растущего среднего класса в приобретении доступного жилья в сельской местности изменяла облик территорий, прилегающих к Москве. В заключительном параграфе этого раздела автор отмечает: «Еще до 1917 года в России возникли первые поселки, уровень комфорта в которых соответствовал самым высоким европейским нормам. ... опыт столетней давности продемонстрировал большой потенциал заказчиков-домовладельцев и исполнителей-архитекторов и стал яркой страницей в истории недвижимости» (с. 94).

В связи с этим можно предложить тему последующего исследования: как опыт столетней давности повлиял на развитие рынка пригородной недвижимости в Москве в настоящее время. Возможно, обнаружится, что эти процессы имеют больше различий, нежели общих черт, однако подобное сравнение заслуживает внимания.

В третьем разделе книги – «Коммерция» – исследуются другие примечательные примеры развития коммерческой недвижимости, например в деталях описывается гигантская реконструкция Верхних торговых рядов на Красной площади. Об этом проекте уже много

писалось, однако Ульяновой удалось взглянуть на него свежим взглядом. В других главах речь идет о лучших образцах русских бань, заведений, крайне важных для России, и особое внимание уделяется знаменитым Сандуновским баням.

Четвертый раздел – «Дачи» – вновь возвращает нас в сельскую местность, где широко распространилось дачное строительство. Повествование идет о территориях, лежащих вдоль четырех основных железнодорожных веток, что весьма логично, поскольку близость от железной дороги являлась решающим фактором развития дачных сообществ. Здесь, как и во всей книге, рассказ Ульяновой изобилует захватывающими откровениями и персональными деталями.

В четырех главах последнего раздела – «Владельцы» – читателю представлены образы некоторых наиболее известных представителей купеческой верхушки в интерьере домов, в которых они жили. Возможно, другой автор выбрал бы совсем иных персонажей, однако яркие подробности, умело представленные Ульяновой и помогающие связать детали частной жизни людей с общей картиной того времени, оправдывают выбор, сделанный автором.

В данной книге относительно мало говорится о самих архитекторах. Следует подчеркнуть, что рост числа специалистов в области строительства сыграл значительную роль в дореволюционной культуре Москвы. О них писали в других исследованиях, и Ульянова мельком упомянула некоторых из них. Подробно в ее книге говорится только об Александре Померанцеве, строителе Верхних торговых рядов.

Даже при беглом обзоре видно, что такие явления, как рост числа профессиональных архитекторов и возникновение чувства профессиональной идентичности, имеют точки пересечения с темами, затронутыми в книге Ульяновой. Последние десятилетия перед Первой мировой войной стали

периодом невиданного роста и развития в России городской архитектуры. Несмотря на структурные и социальные проблемы, наблюдавшиеся в быстро развивающейся экономике Российской империи, архитекторы и инженеры предсказывали бурное развитие строительства в крупнейших индустриальных центрах, таких как Москва и Санкт-Петербург, а также в таких важных региональных центрах, как Омск, Самара и Саратов. Увеличение масштаба строительства требовало дальнейшего профессионального развития на всех уровнях, начиная с создания организаций по подготовке высококвалифицированных технических кадров до образования профессиональных сообществ, которые могли бы устанавливать стандарты и распространять сведения о достижениях в области архитектуры и гражданского строительства.

Начало слочения по профессиональному принципу следует отнести к 60-м годам XIX века, когда архитекторы Санкт-Петербурга и Москвы осознали необходимость создания ассоциации, которая поднялась бы над частными узкокоммерческими интересами и занялась решением проблем архитекторов как некой группы людей. Коммерциализм, о котором пишет Ульянова, послужил основным финансовым импульсом для создания профессиональной организации, поскольку экономические рычаги нарождающегося капитализма настоятельно требовали, чтобы в строительстве ранее существовавшая архитектурная комиссия с ее патронажной системой была заменена более конкурентоспособной формой, основанной на контрактном принципе. Однако для дальнейшего профессионального развития и регулирования практической архитектурной деятельности крайне важно было найти такую форму организации, которая могла подняться над интересами отдельных архитекторов и архитектурных фирм.

Великие реформы 60-х годов XIX века способствовали экономическому

прогрессу, что позволило архитектуре выйти из-под влияния государственных комиссий, суда и кучки богатых владельцев недвижимости. Кроме того, были созданы правовые условия для основания частных ассоциаций. В 1862 году несколько петербургских архитекторов рассмотрели возможность основания профессиональной группы, однако первая официально учрежденная организация, Московское архитектурное общество, появилась лишь в 1867 году. С самого начала эта организация занялась распространением новой технической информации и стала центром по разработке стандартов для стройматериалов и норм строительных процессов. В 1868 году общество, наряду с исполнением роли консультанта по техническим вопросам, выступило инициатором проведения серии открытых архитектурных конкурсов, что послужило прецедентом для процедур награждения основных строительных проектов в последующие 50 лет. В 1873 году из-за бюрократических проблем честолюбивые попытки общества, готового выступить спонсором конференции по архитектуре, закончились неудачей, и Первый съезд русских зодчих состоялся лишь в 1892 году.

В то же время столичные архитекторы получили высочайшее разрешение на основание Петербургского общества архитекторов, которое было учреждено в октябре 1870 года и выполняло функции, аналогичные функциям Московского архитектурного общества. В начале 1872 года петербургское общество опубликовало первый номер журнала «Зодчий», который выходил сначала ежемесячно, а затем, вплоть до 1917 года, каждую неделю. В течение 45 лет это авторитетное издание было не только летописью архитектурных событий в России, но и источником информации о технических нововведениях в Западной Европе и Соединенных Штатах. Информация и фотографии ряда строений, упомянутых Ульяновой, впервые

появились либо на страницах журнала «Зодчий», либо в шикарном издании «Ежегодника Московского архитектурного общества» и «Ежегодника общества архитекторов-художников», выходившего в Санкт-Петербурге.

В книге Ульяновой творения архитекторов представлены в необычном, новом с точки зрения потребителя свете. Это особенно ценно, поскольку в течение десятилетий было принято отрицать наличие в стране среднего класса и предпринимательской среды. Приятно отметить появление еще одного литературного произведения, в котором

московская культура и москвичи рассматриваются сквозь призму строений, возведенных в дореволюционные десятилетия.

Уильям Брумфилд,
*профессор Тулейнского университета
(Tulane University), член Российской
академии архитектуры и почетный
член Российской академии художеств,
former Kennan Institute Research Scholar
and Short Term Scholar*

*Перевод с английского
Галины Левиной*

«... о том, что значит быть человеком»

Так определяет суть своей новой книги «Вашингтонская U-стрит: биография» американский урбанист и политолог Блэр Рубл. Уже из этих слов становится понятным, что он выступает не только как ученый, повествующий об истории уникального афроамериканского городского сообщества – с момента его возникновения в период Гражданской войны до наших дней, когда этот квартал превратился «из пораженной насилием зоны “городского бедствия”» в модный, престижный район. Книга эта глубоко личная, выражающая отношение автора к окружающему миру, его представления о красоте, его идеалы, его веру. Быть может, поэтому презентация ее русскоязычного издания, состоявшаяся в памятный для всего человечества день – 11 сентября в Международном обществе «Мемориал», получилась очень трогательной, искренней и оптимистичной.

Представляя автора, директор Московской школы политических исследований Елена Немировская отметила: «Блэр для меня уникальный интеллектурал в самом высоком смысле слова, потому что, как мне кажется, интеллектурал – это культура, которая и создает то пространство, где многие из нас только и чувствуют себя комфортно... Что мне особенно дорого в текстах Блэра и в его видении мира, так это то, что выход из человеческого недружелюбия, неприятия и дискомфорта он видит в развитии гражданской жизни, и гражданская жизнь у него растет через признание разнообразия как единственной основы социального единства. Плюрализм у него вырастает в основу и современного напряжения, и современного разреше-

Блэр А. Рубл. Вашингтонская U-стрит: биография.

Москва: Московская школа политических исследований, 2012. 424 с.

ния различных конфликтов и любых других проблем».

Блэр Рубл рассказал о том, как родился замысел книги. Почти 30 лет прожив по соседству с U-стрит, он, страстный любитель джаза, стал завсегдатаем джазовых клубов, расположенных в этом районе. Прекрасная, свободная музыка, которую все эти годы дарили ему музыканты, и натолкнула его на идею написать биографию этой улицы. Ему, белому человеку, чужаку в афроамериканской среде, вдруг стало чрезвычайно важно на ее примере показать, что красота всегда побеждает, что «люди стре-

мятся к совершенству, невзирая на глупость, несправедливость и жестокость окружающей жизни».

Научный редактор русскоязычного издания *Андрей Захаров* признался, что, когда ему предложили поработать над переводом, он поначалу насторожился: «Вашингтон не такой родной для меня город, как вы понимаете, съездишь три, четыре раза за всю жизнь, и что у меня может быть общего с этой улицей?» Но постепенно повествование увлекло, и стало очевидным, что это не просто история улицы далекого города: «Получилась книга о том, как город делает граждан. А городом в полном смысле слова мы можем называть только то пространство, которое генерирует гражданственность. Описав историю одного сегмента федеральной столицы, наш уважаемый автор показал, как это происходит. Это история США, история американской политики и культуры, сфокусированная в одном маленьком кусочке Вашингтона». В книге показано, как жившие в районе U-стрит афроамериканцы, «изначально бесправные и ничего не значащие в американском обществе люди», «сделали себя полноценными гражданами этой страны».

По мнению Захарова, история, рассказанная Рублом, чрезвычайно интересна для российского читателя, «потому что мы только пытаемся сейчас превратить свои города в такие места, где рождается гражданственность, где появляются граждане». Путь этот долгий и тернистый – на это, как показывает Рубл, зачастую уходят столетия.

Шеф-редактор журнала «Отечественные записки», историк *Никита Соколов* считает книгу методологически чрезвычайно важной «для российских историков, которые за долгие годы советской власти совершенно утратили и в последующие двадцать лет не восстановили навык писать историю людей, а не мегапроцессов». История делается людьми, и Блэр Рубл, по мнению Соколова, блестяще это показывает. Порой при чтении «возникает парадоксальное чувство: боже, какой ужас, какие трупцо-

бы, казалось бы, конца этому не предвидится. Если мыслить исторически закономерно и думать, что тенденция может быть только продолжена, тогда вроде бы эти люди должны вымереть, съесть друг друга и исчезнуть с лица земли. Но нет, в самый, казалось бы, жуткий момент обнаруживается какой-то пастор, при нем еще пара газетчиков, и они поворачивают историю этого квартала, а с ней и историю Америки. Это очень оптимистическое чтение, очень духоподъемное», – заключил Соколов.

Член Научного совета Московского центра Карнеги, географ *Николай Петров* особо отметил необычный жанр книги, «который обозначен как биография улицы, – это социальная и культурная история сквозь призму истории улицы, я бы сказал, это черный Вашингтон и его история в зеркале U-стрит». По мысли Петрова, «в книге есть то, что в географии называется “игра масштабами”, – и история в виде ключевых моментов, через которые проходила U-стрит, и история черного Вашингтона в целом, а есть и люди, которые олицетворяют всю эту историю. То есть ты читаешь повествование и вдруг наталкиваешься на биографию какого-то человека, который иллюстрирует эти два подхода, горизонтальный и вертикальный, и это необыкновенно интересно». Петров посетовал, что в России почти нет такого рода исследований, которые, с одной стороны, были бы столь глубокими и научными, а с другой – достаточно популярными и увлекательными.

Историк из РГГУ *Виктория Журавлева* отметила важность изучения этой книги российскими студентами, в особенности американистами, и пригласила автора выступить с презентацией на Третьих Зверевских чтениях.

Анастасия Бондарева из Московской школы политических исследований предположила, что книга Рубла будет полезна региональным журналистам – участникам нового проекта школы «Хроники гражданской жизни». «В регионах происходит масса интересных событий, которые зачастую остаются

незаметными, но в то же время в них можно уловить нечто, что потом может привести к чему-то любопытному в плане развития гражданского общества. ...Нашим журналистам, которые будут заниматься этим проектом в регионах, мы будем настоятельно рекомендовать читать эту работу».

Завершая краткий обзор, не могу отказать себе в удовольствии почти полностью процитировать высокохудожественное выступление филолога *Бориса Ланина*, побывавшего на презентации книги в Центре Вильсона в Вашингтоне:

«Это был очень странный день, потому что обычно идут люди скромно одетые – галстуки, рубашечки, очки. А тут какая-то орава с инструментами, очень громкая, оккупировала лифт на долгое время. Никто не мог ехать в свой офис, ждали, когда они расскажут все свои истории. Видно было, что они давно не виделись. Они так радовались, открывали дверь лифта, вставляли свои инструменты, чтобы эти двери никогда не закрывались, и здоровались очень долго. Все было очень весело, но мы насторожились – что-то готовится, но мы не знали, что будет на самом деле. И вдруг стало ясно, что все занятия на сегодня отменяются, потому что раздавалась музыка, она была слышна везде... Надо сказать, что в Центре Вильсона есть привычный ритуал чествования авторов книг: обычно кто-то от издательства за маленьким столиком у лифта

сядет, там будет книжечка, и кто-то из родственников обязательно купит эту книжку, чтобы не было обидно. Люди сядут, поговорят где-то час об этой книжке, выпьют два бокала, съедят кусочек сыра, и до свидания. Тут длилось очень долго, в большом зале не было мест, потому что был великолепный концерт, замечательная музыка, Блэр читал какие-то фрагменты, вставляли люди и рассказывали свои истории этой улицы. И вдруг вышла совершенно невероятная афроамериканская женщина, настолько экзотичная... Запах помады для волос чувствовался, я думаю, на U-стрит. Она встала, прошла расслабленной походкой на сцену и сказала: “Вы знаете, когда он мне позвонил, я подумала, что еще один белый хочет услышать историю моей черной жизни, о чем мне с ним разговаривать? Но когда он заговорил, я поняла, что это мой друг на всю жизнь”. Кончилось все совсем не по-американски, а очень по-советски, потому что выстроилась очередь. Мы стояли в очереди, и Блэр честно все подписывал, каждому лично, и это был совершенно чудесный день. Думаю, что конгениальный сегодняшнему дню».

Остается добавить, что и 11 сентября в московском «Мемориале» звучал джаз...

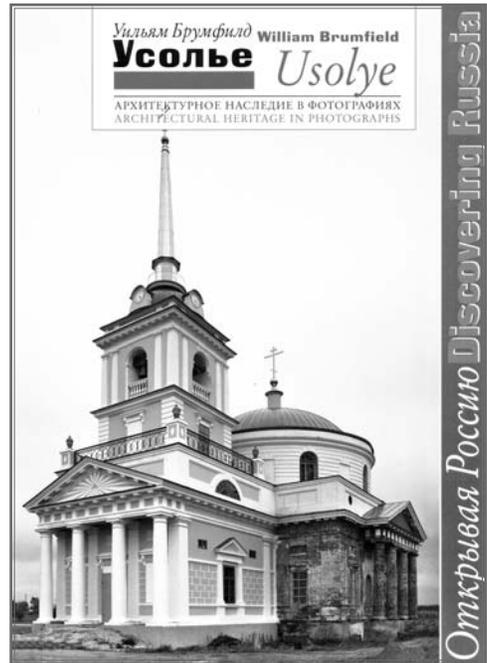
*Екатерина Алексеева,
редактор «Вестника Института
Кеннана в России»*

Вышли из печати

Московское издательство «Три квадрата» сообщает о выходе в свет книги «Усолье: архитектурное наследие в фотографиях». Это тринадцатый том из серии «Открывая Россию», издаваемой при поддержке Института Кеннана. Книга, созданная при содействии местной администрации, а также музея «Палаты Строгановых», посвящена богатому архитектурному наследию Усольского района Пермского края. Автор текста и фотографий – Уильям Крафт Брумфилд, профессор славистики Тулейнского университета, один из ведущих западных специалистов по русской архитектуре, почетный член Российской академии искусств и Российской академии архитектуры и строительных наук.

В первом разделе на русском и английском языках дан 48-страничный обзор истории и архитектуры Усольского края, расположенного на правом берегу Камы. Особенное внимание уделено знаменитой династии Строгановых. В XVII столетии Усолье становится центром уральской промышленной империи Строгановых, основой которой являлось солеваренное производство. К началу XIX века солеваренные предприятия Усо́лья переходят под контроль других знаменитых родов, таких как Голицыны и Лазаревы, чьи фамильные усадьбы в стиле неоклассицизма являются частью архитектурного ансамбля города. Архитектурное наследие исторической части Усо́лья подверглось серьезной угрозе в начале 50-х годов XX века в связи со строительством Камского водохранилища.

Этот раздел книги богато проиллюстрирован цветными снимками архитектурных достопримечательностей разных эпох, начиная с 30-х годов XVIII

Уильям Брумфилд. Усолье: архитектурное наследие в фотографиях.

Москва: Три квадрата, 2012. 112 с.

столетия – времени постройки «Палат Строгановых» и возведения большого Спасо-Преображенского собора. Помимо памятников Усо́лья в разделе представлена архитектура поселков Пыскор, Орел, Таман и других населенных пунктов района.

Следующий раздел книги представляет собой еще более подробную коллекцию снимков, посвященную архитектурному облику этих мест. В нее включены изображения приходских церквей (находящихся в разной степени сохранности), деревянных построек, а также домов в стиле неоклассицизма в Усо́лье. Особо следует отметить серию цветных фотографий церкви Пох-

валы Пресвятой Богородицы в поселке Орел.

Большинство снимков были сделаны автором в июне 2011 года, остальные – в августе 2000 года. В книге также представлены две архивные фотографии солеваренного завода в Усолье, датированные началом XX века.

Это издание является продолжением цикла «Открывая Россию», посвященного историческим регионам страны и их архитектурному наследию. Автором

предыдущих книг этой серии – «Тотьма», «Иркутск», «Тобольск», «Соликамск», «Чердынь», «Каргополь», «Чита», «Бурятия», «Соловки», «Коломна», «Суздаль», «Торжок» – также является Уильям Брумфилд. Тематика «Усолья» тесно связана с содержанием тома, посвященного Соликамску. Произведения данного цикла предназначены для всех интересующихся архитектурой, историей, фотографией и регионоведением.

Summaries

Andrei Deviatkov, Andrei Makarychev

New Media and Network Subjectivity in Russia

The aim of the article is to formulate and describe in general the key problems facing researchers of new forms of network communications, whether they be political linguists, social anthropologists, or cultural studies scholars. The authors believe that new research projects examining the mutual influences of politics and new media should consider both the politicizing and depoliticizing consequences of these new media.

Galina Nikiporets-Takigava

The Role of the Internet in Civil Protest: The Russian Experience in a Global Context

The role of the social media in organizing meetings, demonstrations and other forms of protest remains unproven and needs to be measured and defined more precisely. Is there any connection between the spread of the Internet and social media and the growth in civil activity? Do Twitter, Facebook, “VKontakte”, “LiveJournal” and other social networks, blogs, micro blogs, forums and sites promote mass mobilization, propaganda and expansion of the protest movement? What are the specifics, potential and prospects for development of the social media as an instrument and form of protest? By placing Russian protest in an international context, the author is able to answer some of these questions.

Sergei Prostakov

Russia and Ukraine: Nation Building on a Soviet Foundation

The author undertakes an examination of the consequences and meaning of Soviet nation building for the political development of Russia and Ukraine. Comparative study of the nationalisms and imperial and Soviet legacies of Russia and Ukraine is extremely complicated. Nevertheless, the task of objectively evaluating the Soviet past and its impact on modern sociopolitical processes not only remains, but is becoming more pressing in view of a persistent dependence on the Soviet past that is seen with increasing frequency in various aspects of life in Russia and Ukraine.

Emil Pain

Ethnic Conflicts in Post-Imperial Russia

The term “post-imperial” reflects the intermediate status of Russia in the hierarchy of historical stages: while the country’s imperial features are gradually fading, those representative of a nation state have not yet appeared. Ethnic conflicts highlight the uncertainty of the situation. The aim of the article is to analyze the situation in Russia from the 1990s up to the present day. According to the author, although the forms of conflicts have differed at various stages of the period under consideration, their essence has been preserved, since the process of national consolidation in Russia is ongoing.

Olga Malinova

Russian Identity: Between the Concepts of Nation and Civilization

A post-imperial context implies competition between different “nation building” projects on the one hand and, on the other, the existence of several political and cultural resources for constructing a macro-political identity within a supranational/civilizational framework. The author considers the specific features of a discursive construction of macro-political identity in the Russian Empire/USSR/Russian Federation and reveals the dialectics of its national and civilizational components.

Ulrich Beck

Living in and Coping with a Global-Risk Society: The Cosmopolitan Turn

The article is based on a lecture the author delivered at a seminar that took place at the Gorbachev Foundation within the framework of the joint program of the Gorbachev Foundation and the Kennan Institute: “Challenges of Cultural Diversity in the Globalized World”.

Professor Beck criticizes the methodological nationalism that views the world through the prism of nation-states, and declares the need for a “cosmopolitan turn” in sociological and political theory and research that will better serve contemporary society as it faces increased, and sometimes unanticipated, global risk. According to Beck, it would be an understatement to say that European sociology and sociology in general needs to understand the modernization of other societies for additional reasons, in order to complete its worldview. Rather, he believes Europeans can understand themselves only if they ‘deprovincialize’ – in other words, if they learn to see through the eyes of others as a matter of sociological method.

Follow-up discussion of Ulrich Beck’s lecture delivered at the “Challenges of Cultural Diversity in the Globalized World” seminar at the Gorbachev Foundation

The lecture was followed by a discussion in which a number of prominent Russian scholars and experts participated. Emil Pain pondered the limits of use of the term “cosmopolitanism” in relation to the political situation in contemporary Russia. Fedor Lukianov, while admitting the importance of the concept of “cosmopolitan Realpolitik” proposed by the author, drew attention to the uncertainty that exists as to who is the actor of this policy. Echoing Professor Beck, Vladimir Malakhov reflected on the possibilities for overcoming methodological nationalism. Vadim Mezhuev wondered whether a phenomenon such as methodological cosmopolitanism could exist beyond Western civilization.

Приглашаем авторов к сотрудничеству

Редакция будет признательна авторам, которые пришлют статьи для следующего выпуска «Вестника» (№ 23, весна 2013) до 1 марта 2013 года.

Принимаются материалы объемом не более 40 тыс. знаков (с пробелами) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает справку об авторе, в которой указывается фамилия, имя и отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес, телефон, факс, адрес электронной почты. Автор должен указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с государственным стандартом и расположены в конце текста в порядке следования. Примеры:

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр, 1995. С. 281.
2. *Шахов М.О.* Проблемы взаимоотношений старообрядчества с современным миром // Старообрядчество. История. Культура. Современность. М., 1998. С. 10.
3. *Hamilton G.H.* The Art and Architecture of Russia. Baltimore: Penguin Books, 1975. P. 180–182; *Brunfield W.C.* Gold in Azur: One Thousand Years of Russian Architecture. Boston: David R. Godine, 1983. P. 227–333.
4. *Найман А.* Русская поэма: четыре опыта // Октябрь. 1996. № 8. С. 131.

Решение об опубликовании материалов принимается редколлегией.

Редакция оставляет за собой право на литературную правку и изменение заглавия статей.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА КЕННАНА В РОССИИ

№ 22 / 2012

Сдано в набор 01.11.2012 Подписано в печать 03.11.2012 Формат 70x108/16

Объем 7,5 п.л. Тираж 750 экз. Печать офсетная. Заказ № 11073

Отпечатано в типографии: ООО «ТДДС-СТОЛИЦА-8»

Тел.: 8 (495) 363-48-84,

<http://www.capitalpress.ru>